

Архимандрит Рафаил КАРЕЛИН

Церковь и интеллигенция

По благословению Епископа Саратовского и Вольского ЛОНГИНА

© Издательство Саратовской епархии. 2009

Содержание

- От редакции
- Предисловие
- О болезнях дискуссии, диспута и диалога
 - «Синдром Остапа Бендера»
 - «Синдром скунса»
 - «Синдром Иуды»
 - «Синдром Геббельса»
 - «Синдром “ушиба демона”»
 - «Синдром Хрущева»
 - «Синдром прокурора»
 - «Синдром скептика или зайца»
 - «Синдром трагика»
 - «Синдром барона Мюнхгаузена»
 - «Синдром “золотого пера”»
 - «Синдром Уленшпигеля»
 - «Синдром “ловца блох”»
 - «Синдром следопыта»
 - «Синдром врага»
 - «Синдром сплетника»
 - «Синдром либерала»
 - «Синдром рыбы-ежа»
 - «Синдром экзаменатора»

От редакции

Новая книга выдающегося духовного писателя архимандрита Рафаила (Карелина) обращена к самым широким кругам читателей, хотя и затрагивает на первый взгляд довольно специфические вопросы взаимоотношений Церкви и интеллигенции. Но это только на первый взгляд, ибо церковная, околоцерковная даже и, хотелось бы надеяться, светская интеллигенция является носительницей высочайшего, по словам автора, долга «охранять истину и нравственность — взаимосвязанные понятия». А разве судьба истины и нравственности не волнует всех нас?

В масштабном, почти эпическом диапазоне, от коллизий Античности до событий Новейшего времени, на объемной, почти «археологической» фактуре, от войн Антиохов до политических постперестроечных столкновений, отец Рафаил показывает как историю, так и собственно взгляды и настроения (так и хочется сказать нестроения) этого удивительного сословия — *intelligentsia*.

Автор привлекает для обоснования своих рассуждений громадный материал, обнаруживая поистине блестящую эрудицию. Платон и Мамардашвили, Боккаччо и Шекспир, розенкрейцеры и вольтерьянцы, Лао-Цзы и Рерих, Бодлер и Блок, гностики и

теософки... Действительно, все и всё смешалось в доме интеллигенции! Или, может быть, воскликнет догадливый читатель, в башне из слоновой кости? А не в целом ли городе Глупове? Пожалуй... Только это интеллигентский город Безумие, интеллигентский город Высокомерие, интеллигентский город Нигилизм, интеллигентский город Самомнение, интеллигентский город Страсть...

С глубокой болью отец Рафаил приводит многочисленные факты социально, мировоззренчески и стилистически обусловленного безбожия интеллигенции, ее безнравственности, ее жадно-интеллектуальной всеядности, ее ренегатства, ее сервилизма, так сказать «неразборчивости в связях» с атеистическим Левиафаном.

С горячим сочувствием отец Рафаил пишет о нынешнем тяжелейшем духовном, моральном и имущественном положении интеллигенции. О ее вероятном бесславном конце под пятой «будущих железных рептилий».

Эта боль, это сочувствие понятны, ибо возможный исход интеллигенции в небытие не определит ли и возможную гибель нашей великой национальной культуры, то есть гибель самого домашнего очага нашего многострадального народа? Ведь хранительницей данного очага и выступает, по сути, интеллигенция. Только интеллигенция подлинная, интеллигенция действительно национальная.

Но что есть подлинно национальная интеллигенция? Убеждены: интеллигенция, уверовавшая в Того, Кто *есть Истина и Жизнь* (ср.: Ин. 14, 6), уверовавшая и увидевшая Его в Церкви Его, увидевшая Его и пришедшая к Нему во Его Святую, Соборную и Апостольскую Церковь.

Ну а поскольку подлинных интеллигентов ныне становится все больше и больше, то даже во мгле *последних времен* (ср.: 1 Тим. 4, 1) брезжит лучик надежды. И поэтому редакция имеет все основания ожидать, что внимательный читатель, ознакомившись с замечательной книгой отца Рафаила, все же услышит в жестких и порою даже жестоких словах автора «не голос осуждения, окрашенный тоном самодовольства, а голос любви».

Предисловие

Цель нашей работы — показать, почему интеллигенции трудно прийти в Церковь. Мы писали ее, чувствуя ответственность не только перед своей совестью, но и перед интеллигенцией. Мы не вызываем ее на суд, а обращаемся к ней; мы не сравниваем ее с другими сословиями — может быть, они поступали и хуже, но на интеллигенции лежит высочайший долг: охранять истину и нравственность — эти взаимосвязанные понятия.

Интеллигенция отделилась от Церкви, в большинстве случаев даже не ознакомившись по первоисточникам с верой своих отцов. Скептическое отношение к Церкви стало восприниматься компонентом культуры — в этом была трагедия для интеллигенции, ставшая трагедией для всего народа.

Возможно, некоторые наши мысли могут показаться жестокими и несправедливыми, но мы просим услышать в них не голос осуждения, окрашенный тоном самодовольства, а голос любви.

Мы сами выросли в семье, принадлежавшей к интеллигенции, и потому знакомы и с трудностями, и с противоречиями жизни той среды, в которой были воспитаны.

То, что мы пишем, не касается всех интеллигентов. Личность в своих глубинах и возможностях находится выше всех внешних обстоятельств и ситуаций. Мы знаем немало интеллигентов, которые стали примерными христианами и нашли в Церкви то, что искали всю жизнь. Мы знаем людей высокой нравственности, которые презирают чувственные наслаждения и борются со своими страстями. Мы знаем интеллигентов, отличающихся смирением духа, видящих ограниченность человеческих знаний и не обольщающихся ими. Поэтому если наша работа будет принята как обобщение, касающееся всей интеллигенции, то она представится глубоко несправедливой.

Мы хотели показать определенные тенденции, к сожалению характерные для большинства интеллигентов, но не хотели своей работой кого бы то ни было унижить. А

иначе мы мало чем отличались бы от революционера Григория Зиновьева¹, который сказал: «Рабочий, знай, что каждый интеллигент твой враг».

Когда мы перечитывали нашу работу, то у нас появилось желание переделать и смягчить ее или хотя бы убрать встречающиеся по необходимости повторения, но внутренний голос подсказывал нам, что когда указываешь ямы на пути жизни, тем более те, в которые сваливался сам и из которых вылезал, едва оставшись живым, то нужно и говорить прямо, и не бояться показаться навязчивым. Поэтому, не оправдывая себя и в то же время не желая искусственно пропитывать страницы нашей работы елеем, мы просим о снисхождении, если в чем-то были несправедливы, снисхождении уже потому, что в этой работе воплощена боль нашей души.

Существует немалое количество верующих интеллигентов, которые считают себя православными. Они любят читать богословскую литературу, включая мистические и аскетические произведения, могут беседовать об исихазме², спорить о церковных вопросах и в то же время продолжают жить так же, как до своего обращения в христианство. Они считают, что познать христианство можно одним интеллектуальным путем, усвоить его как философскую систему, переживать его, как переживают литературное произведение, и этого достаточно. Они избегают посещения церкви и исполнения обрядов, так как считают себя чистыми спиритуалистами, способными постигнуть глубины веры. Образно говоря, они воцерковляют себя, сидя в мягком кресле за письменным столом, и заменяют церковные Таинства разговорами о религии в узком кругу друзей, где каждый считает себя теургом³ и старается блеснуть перед другими своими знаниями. Воскресные дни они проводят не в храме, а у себя дома, чаще всего в суеде, потому что по странному стечению обстоятельств самые хлопотливые дела они откладывают на воскресный день. В беседах они не отрицают значения храма, даже могут привести солидные святоотеческие цитаты о его необходимости, но на вопрос, когда они были в церкви, они отвечают: «Я хожу туда, где меня не знают»,— как будто их появление может вызвать овацию, или же говорят: «У меня не было времени, так как я пишу апологию в защиту Церкви, а также занимаюсь делами милосердия, исполняя Евангелие на деле, но посещать храм я обязательно начну». В то время, когда в Церкви идет литургия, они спокойно спят у себя в постели, а во время всенощной службы «бдят» у телевизора или устраивают многочасовую говорильню с друзьями. Этим людям даже не приходит в голову, что они внутренне чужды Православия. Они похожи на людей, которые стоят у забора дома и рассуждают о том, что находится внутри дома, закрытого для них на замок. Только через включение в жизнь Церкви и очищение своей души от страстей посредством усилий воли открывается и расширяется возможность духовного познания. Без благодати, получаемой через Таинства Церкви и молитву, чтение духовных книг будет похоже на погоню за тенью истины. Религия — это союз и общение, в ней человек получает истинное духовное знание через подвиг воли и соприкосновение души с Божественным Светом, который изменяет и преображает самого человека.

О чем говорит интеллигент, побывав в храме? Об иконах, которые там видел: например, о том, к какой иконописной школе принадлежат особо понравившиеся ему иконы; о песнопениях, которые он слушал во время богослужения, даже об окраске храмовых стен после последнего ремонта, при этом выражается сожаление, что эстетическое чувство у современных священнослужителей притуплено, и храм окрасили снаружи в нелепо-розовый цвет и тому подобное. Интеллигенты могут вдаваться в лирику и говорить, как помогает людям вера, уверять, что они видели, как лица некоторых людей становились спокойными, умиротворенными после молитвы и так далее. Но это круг

¹ Зиновьев (Радомысльский) Г. (1883–1936) — советский политический деятель.— *Здесь и далее примечания от редакции.*

² Исихазм (XIV) — мистическое учение в Православии.

³ Теург — здесь: хранитель культа.

внешних впечатлений. Такие люди почти всегда дистанцированы от Церкви: оставаясь поклонниками Церкви, они смотрят в то же время на Церковь со стороны. Некоторые чуткие натуры, как Федор Достоевский⁴, понимали, что они органически не слиты с Церковью, что их личное христианство плоско и ущербно; что отрицать атеизм и стать христианином в своей жизни — это не одно и то же. Очень характерно, что Достоевский находил выход в визионерских упражнениях. Он писал, что долго смотрел на образ Христа в терновом венце, затем представлял Его перед собой и старался подольше удержать Его в своем сознании. Именно — место Христа было не в сердце, а в воображении. Святые отцы запрещали чувственное представление духовного мира, однозначно считая, что это, в лучшем случае, суррогат религиозного опыта, сновидение вместо реальности, а в худшем — путь к прелести: религиозной лжи, гордыне и самообольщению.

Теперь много пишут о богословском ренессансе начала XX столетия. Но если мы внимательно прочитаем книги богословствующих философов того времени, то удивимся, с каким холодом они пишут о Христе, как будто Его присутствие никогда не переживалось их сердцем. У Владимира Соловьева⁵ (конец XIX столетия) Богочеловек Христос оказывается богочеловечеством; а у Павла Флоренского⁶. Он просто-напросто замещен Софией. Пожалуй, наиболее колоритная фигура из этой плеяды — отец Павел Флоренский. Кроме философско-богословских трактатов, у него есть небольшой цикл стихов на духовную тему. Когда читаешь их, то как будто чувствуешь прикосновение к холодной мраморной колонне филигранной отделки. Эти стихи мы назвали бы «безукоризненной пустотой».

Поэтесса Зинаида Гиппиус⁷, вовсе не расположенная к Церкви, отмечала, что в тот период настоящими героями оказывались деревенские священники. Что давало им силы? Ответ один: Христос, живущий в их сердце. Их поэзией были богослужебные книги, их искусством — сельский храм, который они часто украшали своими руками, и простое литургическое пение. Может быть, у них не было той внешней культуры и эрудиции, как у современной им интеллигенции, но была культура духа, а точнее — включение в культ.

Дореволюционная интеллигенция легко отвергла Христа, потому что жизнь во Христе не стала нормой жизни интеллигента. В сердце интеллигента главенствовало другое: широкий письменный стол, старинный шкаф с книгами, нежная привязанность к своим детям, встречи с друзьями, посещение театров и библиотек — вот что было сокровищницей его сердца, его внутренней жизни. Интеллигенту было трудно пожертвовать своим «сокровищем» ради Христа, Которого интеллигент воспринимал отвлеченно, как идею на каких-то этажах сознания, а не как живое присутствие в сердце.

Когда говорят о поражении некоей армии, то это вовсе не означает, что в этой армии не было мужественных воинов, которые предпочитали смерть бегству или сдаче в плен, что в этой армии не было случаев самоотверженности и стойкости. Главное — обнаружить основную ошибку и причину неудачи. Нам кажется, что верующая интеллигенция недостаточно принадлежала Церкви, выпала из ритмов литургической жизни, потеряла дисциплину молитвы, игнорировала святоотеческое учение о внутренней жизни, больше интересовалась Лао-цзы⁸, чем святителем Иоанном Златоустом⁹, и Мастером Экхартом¹⁰, чем преподобным Исааком Сирским¹¹. Поэтому для воцерковления современной интеллигенции ей самой надо осознать допущенные некогда ошибки. Когда от землетрясения повреждаются здания, то для их восстановления

⁴ Достоевский Ф. (1821–1881) — русский писатель.

⁵ Соловьев В. (1853–1900) — русский философ, поэт и публицист.

⁶ Флоренский П., свящ. (1882–1937) — русский философ, богослов, физик, математик и инженер.

⁷ Гиппиус З. (1869–1945) — русская писательница, поэтесса и публицистка.

⁸ Лао-цзы (Ли Эр) (IV–III до Р.Х.) — древнекитайский философ.

⁹ Иоанн Златоуст, свт. († 407) — отец Церкви.

¹⁰ Мастер Экхарт (Иоганн Экхарт) (ок. 1260–1327) — немецкий теолог.

¹¹ Исаак Сирин, прп. († VII) — учитель Церкви.

необходимо уяснить себе, какие недочеты были допущены в конструкциях, чтобы придать им в будущем сейсмологическую стойкость.

По нашему мнению, все ясно и просто: интеллигент должен руководствоваться принципом: «Я, прежде всего, христианин, а остальное — потом». Может быть, это ему не покажется лучшим путем, но ничего другого мы предложить не можем.

Нам кажется, что интеллигенту надо начинать с внешнего, с того, что он привык игнорировать: установить молитвенное правило, соблюдать положенные Церковью посты, посещать богослужения в воскресные и праздничные дни и помнить, что вера — это не столько сумма знаний, сколько способность сердца к общению, контакту с духовным миром.

Мы хотели бы предостеречь интеллигенцию еще от одной опасности — желания заменить Иисусовой молитвой все остальные правила. Ум, нагруженный, как корабль товаром, различными знаниями, неспособен к такой концентрации (на нескольких словах молитвы), которая описывалась в творениях анахоретов-отшельников, предназначенных для анахоретов. Интеллигенции больше, чем простым людям, требуется чтение Псалтири и многообразных молитв для того, чтобы не дать возможность уму переходить от предмета на предмет, что для него гораздо легче. Нужно помнить, что физический и мысленный разврат представляет собой паралич сердца, и поэтому при всех своих занятиях следует строго хранить сердце от тайного блуда.

Мы не вправе быть романтиками и верить, что можно смотреть развратные картины, читать развратные книжки и остаться чистым. Но мы надеемся на другое: в свете Христа грех потеряет свое заманчивое обличье и предстанет перед человеком в отвратительной наготе, и человек сам отвернется от него. У него появится другой ракурс зрения, другие оценки, другая шкала ценностей.

Интеллигент — это человек, занимающийся интенсивной умственной работой. Но ум у современного интеллигента деградировал до всего лишь одного из свойств ума — до рассудка; а, по древней христианской антропологии, — ум, как способность к целостному знанию, находится в сердце человека.

Рационализм — это «интеллигентственность» головы, а мудрость — это «интеллигентственность» сердца. Мудрому не хочется перечитывать все то, чем он увлекался раньше, как, например, человеку после бани не хочется надевать прежнюю грязную одежду.

Интеллигенция возникла в античные времена в лице ученых и философов, которые вначале выступали как интерпретаторы культа. (Сказать точнее — миф появился как интерпретация культа, а философия — как интерпретация мифа.) Античная интеллигенция, совмещавшая в себе философские и научные знания того времени (из которых, кстати, многое было затем потеряно), постепенно рационализировала мифологию, соединяя ее с научным эмпиризмом и диалектикой, основанной на логизме. Уже в античной культуре явно прослеживается желание интеллигенции заменить собой жречество и аристократию. В знаменитой книге Платона¹² «Государство» высказывается мысль, что государством должны управлять философы¹³. Это представлялось Платону идеальным устройством полиса-республики, хотя сам Платон обивал пороги тиранов, которые то сажали его за один стол с собой, то выгоняли вон и продавали в рабство.

В историческом прошлом заложены прообразы, как бы семена настоящего и будущего. Иудейская интеллигенция послевавилонского периода в лице книжников и фарисеев хотела стать духовным вождем народа и в этом отношении противопоставила себя саддукеям — храмовому жречеству. Борьба против Антиохов¹⁴, а затем против римлян имела целью установить теократическую власть развивающегося раввинизма,

¹² Платон (428/427–348/347 до Р.Х.) — древнегреческий философ.

¹³ См.: Платон. Государство // Соч.: В 3 т. М., 1972. Т. 3. Ч. 1. С. 275.

¹⁴ Антиохы — цари эллинистического государства Селевкидов (312–64 до Р.Х.). Антиох IV Эпифан (175–163) ограбил Иерусалимский храм, пытался провести насильственную эллинизацию Иудеи.

когда бы не Пророки, а фарисеи, книжники и раввины взяли на себя роль истолкователей воли Божества. Военные неудачи в борьбе с Римом не изменили положения внутри иудейских общин. Иудейское гетто управлялось иудейской интеллигенцией в форме синагогального раввинизма.

Эпоха Возрождения — это попытка интеллигентов заменить собой сословие духовенства, стать вождями народа. Борьба идет по двум линиям: дискредитации духовенства, особенно монашества, и распространения своих идей среди высшего эшелона иерархии (то есть гуманизации высших ступеней церковной пирамиды). В XVIII столетии эта борьба принимает характер революции. Французская революция происходила под знаменем гуманизма и, как всякая революция, кончилась диктатурой и террором. Короли и аристократия, а также духовенство, как соперники интеллигенции, подверглись физическому уничтожению и различным репрессиям. Королевская власть больше не возрождалась. Наполеон¹⁵ был не королем, а узурпатором. Остальных марионеточных королей революции уже не убивали, этих марионеток просто выкидывали пинком за дверь.

Греческая Церковь, освободившись от гнета Османов¹⁶, подверглась агрессивному нападению со стороны греческой интеллигенции. Королевская власть, в сущности, капитулировала, а со временем была и вовсе ликвидирована. Особенно тяжелое положение сложилось в бывшей Российской Империи. У нас молодая интеллигенция объявила войну государству и Церкви, монархии и духовенству. Наша интеллигенция, как и античная, только самым радикальным образом, хотела стать политической духовной силой народа, поэтому, жадно воспринимая идеи, пришедшие с Запада, стала самоотверженно, с неопитской ревностью, осуществлять их. Российская родовая аристократия была фактически уничтожена, то есть отстранена от государственной жизни реформами Петра I¹⁷ и его преемников. Дворянство было не аристократией, а скорее — военным сословием. Духовенство же представляло собой сословие поработанное, и это сословие приняло самую дурную форму — форму кастовой организации. Оно стало одной из самых низших «каст», на которую свысока смотрели как дворяне, так и «новая» интеллигенция разночинцев. Не аристократия «вливалась» в духовенство, а духовенство, чтобы покончить со своим кастовым характером, бежало к интеллигенции, при этом представляя, как это и характерно для перебежчиков, самую радикальную и революционную группу в интеллигенции. В борьбе с монархией и духовенством эта «новая» интеллигенция обращалась к народу с утопическими обещаниями — построить царство изобилия на земле; ею были брошены ферменты классовой ненависти как движущей силы истории. Она кормила «львенка» революции, чтобы обратить его против своих противников. Но львенок превратился в льва, который бросился на своих же хозяев...

Теперь интеллигенция — «племя могикан», обреченное на вымирание. Но она и ныне претендует на то же, что и ее духовные отцы, — стать духовным вождем народа. Практически имеет место все та же борьба с Церковью. Интеллигенция хочет создать свою религию — религию гуманизма, в которой Бог стал бы абстрактной идеей, некоей модификацией общечеловеческой любви. Однако, следует заметить, сама интеллигенция особой любовью и милосердием не отличается.

В этой скрытой борьбе интеллигенции с Церковью духовные понятия незаметно заменяются душевными, а затем душевность охватывает все сознание человека, как туман, нависший над землей, заслоняет собою небо.

Интеллигенция пытается создать собственную религию: она поклоняется искусству с религиозным чувством, доходящим до экзальтации, и верит в науку с какой-то наивной детской уверенностью, что физика способна постигнуть метафизику, а на основе таблицы

¹⁵ Наполеон I (Наполеон Бонапарт) (1769–1821) — французский император.

¹⁶ Османы (1299/1300–1922) — династия турецких султанов.

¹⁷ Петр I Великий (1672–1725) — первый российский император.

умножения можно построить всю философию жизни. Ученые спекулируют наукой, чтобы сохранить свою элитарность. Невежды в науке ссылаются на науку как раз в силу своего невежества. Но и у тех и у других имеется желание найти в науке альтернативу религии. «Наука доказала, наука опровергла» — это любимые слова интеллигенции, когда дело касается религии, хотя в этих словах заключена самая бессовестная ложь. Наука изучает материальные явления (материю) в их проявлениях (в движении), а доказывать или отрицать то, что стоит за гранью эксперимента, она не может. Здесь мы сталкиваемся с умышленным завышением компетенции науки, то есть интеллектуальным шулерством. Интеллигенции хочется, чтобы Бога не было, поэтому она готова аплодировать не только Джованни Боккаччо¹⁸ и Вольтеру¹⁹, но даже таким невежественным проходимцам, как Лео Таксиль²⁰. Но наука и построенные на ней спекуляции не могут удовлетворить человеческое сердце. Поэтому интеллигенции нужен суррогат еще и религиозных эмоций. Здесь союзником интеллигенции в борьбе с религией начинает выступать светское искусство, особенно театр — «храм искусства». Недаром посещение театров вошло в обязательный этикет интеллигента.

Итак, одной из причин критического отношения интеллигенции к духовенству является желание интеллигенции занять место священства, создав новую религию человеческого разума, основанную на культе человеческой плоти.

С еще большей силой проявляются вековые властные желания интеллигенции — в стремлении уничтожить аристократию и самой занять место этого класса в управлении государством: создать утопическое государство, в котором будут царить «свобода, равенство и братство» (что-то вроде «Государства солнца» или «Острова свободы»)²¹.

В действительности интеллигенция на протяжении двух последних столетий сама очень мало верила в эти утопии, но они были нужны ей как приманка для народа. Поэтому интеллигенция с огромной энергией распространяла иллюзорное представление о том, что посредством революции могут быть достигнуты социальная справедливость и экономическое изобилие. В общем, интеллигенция пилила сук, на котором сидела. Интеллигенция в лице так называемых французских энциклопедистов Вольтера и Жан-Жака Руссо²² подготовила Французскую революцию, во всяком случае, дала ей идеологическое оправдание.

Обычно говорят, что эта интеллигенция боролась против таких негативных явлений, как рабство, крепостное право (возможность распоряжаться человеком как вещью) и так далее. Но боролась почему? Потому что только таким образом можно было увлечь народ.

Надо сказать, что если интеллигенция периода Ренессанса увлекалась оккультизмом²³ в виде астрологии, герметизма²⁴, то интеллигенция нового времени сблизилась с явно антихристианскими и «демоническими» организациями. Два величайших писателя Европы, Уильям Шекспир²⁵ и Иоганн Вольфганг Гёте²⁶, принадлежали к ордену розенкрейцеров²⁷. Французские так называемые просветители

¹⁸ Боккаччо Д. (1313–1375) — итальянский писатель и поэт, гуманист Раннего Возрождения.

¹⁹ Вольтер (Мари Франсуа Аруэ) (1694–1778) — французский писатель, поэт и публицист, философ-просветитель.

²⁰ Таксиль Л. (Габриэль Антуан Жоган-Пажес) (1854–1907) — французский писатель и публицист.

²¹ Имеются в виду роман-утопия «Город Солнца» итальянского философа Томмазо Кампанеллы (1568–1639) (см., напр.: Утопический роман XVI–XVII вв. М., 1971. С. 143–190) и роман-утопия «Утопия» английского государственного деятеля и философа Томаса Мора (1478–1535) (см.: Утопический роман... С. 41–140).

²² Руссо Ж.-Ж. (1712–1778) — французский писатель и философ.

²³ Оккультизм — демонообращение.

²⁴ Герметизм (III до Р.Х.— III по Р.Х.) — религиозно-философское учение, близкое к магии и астрологии.

²⁵ Шекспир У. (1564–1616) — английский драматург, поэт и актер.

²⁶ Гёте И.-В. (1749–1832) — немецкий писатель, поэт, философ и естествоиспытатель.

²⁷ Розенкрейцеры (XVII–XVIII) — члены тайных религиозно-мистических обществ в Европе.

принадлежали к различным оккультным ломам, поэтому их гуманизм являлся программной декларацией.

Интеллигенция упрекала Церковь в инквизиции. Однако в Русской Православной Церкви инквизиции как института не существовало: что-то вроде государственной инквизиции было введено в России любимцем интеллигенции — императором Петром I. Следует отметить, что во времена Анны Иоанновны²⁸, а вернее — Эрнста Иоганна Бирона²⁹, в этом основанном Петром заведении наказывали кнутом священников за то, что они порицали лютеранство. Несколько богословов, выступавших против западного инославия и оккультных каббалистических сект, были сосланы и наказаны. Так что у нас была государственная инквизиция, направленная против Православия.

Ужасы Французской революции и геноцида индейцев в Америке сосуществовали с составлением хартий и манифестов о «свободе и правах человека». Нам указывают на то, что отцы гуманизма в кругу своих близких и родных вели себя по-джентльменски; что имели место случаи, когда эти «отцы» отпускали рабов на волю, так что, мол, гуманисты не были лишены личного благородства. Что ж, случалось, что пираты, захватив галеру, отпускали гребцов на волю, а экипаж и пассажиров продавали в рабство или пускали на дно вместе с кораблем. Неужели поэтому пират, освободивший гребца, раба или каторжанина, может считаться другом человечества?

Интеллигенты особенно восхищались французскими просветителями XVIII столетия, этими «гуманистами», которые впрыскивали в кровь народа атеистический яд. Среди гуманистов трудно найти нравственно порядочного человека: они не только ненавидели Бога, они смеялись над моралью. Особой популярностью в среде интеллигенции пользовался Вольтер, который всю жизнь, и самую старость, как похотливая обезьяна, провел в грязных любовных похождениях (Анатолий Луначарский³⁰ назвал это «сочной старостью»). Наиболее популярными статуэтками, которыми украшались кабинеты интеллигентов, чаще всего были изображения Вольтера.

Характерно, что так же саркастически к религии относились и некоторые монархи, слывшие «просвещенными» государями — такие как Фридрих II³¹, Екатерина II³² и другие. При этом «элегантные» французы вели себя по отношению к названным особам с вызывающим нахальством. Когда Фридрих II посетил Вольтера, то этот «гуманист» не поднялся с кресла: он приветствовал короля сидя, кивком головы. Когда Дени Дидро³³ приехал в Петербург и встретился во дворце императрицы с митрополитом Платоном (Левшиным)³⁴, то вместо приветствия обратился к владыке со словами: «Вы слышали, святой отец, о том, что великий Дидро доказал, что Бога нет?!». На такое «элегантное» свинство митрополит ответил: «Я читал об этом у псалмопевца Давида: *сказал безумец в сердце своем — нет Бога* (ср.: Пс. 13, 1)».

На почве, унавоженной вольтерьянцами, выросли и такие «цветы», как французские писатели Жорж Санд³⁵ и Анатоль Франс³⁶.

Нас спросят: «Ну а другие страны?». Характерно, что, благодаря переводам Иоганна Фридриха Шиллера³⁷ и Гёте, произведения Дидро были изданы в Германии раньше, чем в самой Франции. Уже одно это говорит о тесной связи французского гуманизма с тевтонским оккультизмом. Что касается России, то один из участников Наполеоновского

²⁸ Анна Иоанновна (1693–1740) — российская императрица.

²⁹ Бирон Э.-И., граф (1690–1772) — фаворит императрицы Анны Иоанновны.

³⁰ Луначарский А. (1875–1933) — советский политический деятель, публицист и драматург.

³¹ Фридрих II (1712–1786) — прусский король.

³² Екатерина II Великая (1729–1796) — российская императрица.

³³ Дидро Д. (1713–1784) — французский писатель и философ-просветитель.

³⁴ Платон (Левшин), митр. († 1812) — митрополит Московский.

³⁵ Санд Ж. (Аврора Дюпен) (1804–1876) — французская писательница.

³⁶ Франс А. (Анатоль Франсуа Тибо) (1844–1924) — французский писатель. Нобелевская премия (1921).

³⁷ Шиллер И.-Ф. (1759–1805) — немецкий поэт, драматург и эстетик.

похода писал в своем дневнике, что почти в каждом дворянском доме встречались произведения Вольтера, который пользовался в России еще большей популярностью, чем во Франции. Говорят, что в день похорон Павла I³⁸ напившиеся допьяна офицеры кричали: «Теперь мы будем на тройках по улицам ездить и Вольтера читать».

Возникает вопрос: а разве не было порядочных гуманистов — добрых и нравственных людей? Мы можем ответить: они и были, и есть, однако вопреки гуманизму, гуманизму как ложной идее.

Гуманизм постулирует естественные достоинства человека и безгрешность его природы. Поэтому гуманист, как правило, делает добро во имя несуществующих достоинств, которые приписывает человеку гуманизм, то есть во имя ложного образа человека, созданного гордой фантазией; но ведь иногда гуманист делает добро и из сочувствия и солидарности к людям и с людьми, то есть независимо от самого гуманизма.

Тем не менее этика без Бога не имеет внутренних оснований, она не заботится о внутренней чистоте сердца и поэтому постепенно вырождается в этикет. Гуманизм, основанный на гордости, переходит в эгоизм.

Еще одна характерная черта интеллигенции. Казалось бы, искусство должно развивать в людях чувство сопереживания и сострадания, а выходит наоборот: артисты, художники и так далее оказываются в обыденной жизни одними из самых эгоистичных и черствых людей. Об этом писал Антон Чехов³⁹, хорошо знавший современную ему интеллигенцию и людей театра. Об этом свидетельствуют Александр Блок⁴⁰ и отец Александр Ельчанинов⁴¹. В одном из частных писем Чехов пишет, что большинство людей искусства считают себя непризнанными гениями, а среди артистов постоянно попадают люди, одержимые манией величия.

Почему дореволюционная интеллигенция так любила театр? Потому что сам интеллигент постоянно играл в жизни, как на сцене, а на артиста, который мог захватить своей речью зал и вызвать аплодисменты, смотрел с завистью, как смотрит мелкий жулик на «вора в законе».

В гуманизме нет и не может быть двух христианских добродетелей: смирения и тайной милостыни. Если гуманист во имя гуманизма сделал добро, то обязательно рассказывает об этом, якобы для того, чтобы подать другим добрый пример, а на самом деле — из тщеславия, потому что он сделал добро во имя самого себя, принеся жертву идолу по имени «эго»⁴².

Теперь, когда появились признаки возрождения христианства и часть народа обратилась к Церкви, мы снова видим, как в средствах массовой информации проявляется и постепенно нарастает оппозиционность по отношению к Церкви, опять мы сталкиваемся с желанием интеллигенции, а точнее — «полуинтеллигенции» оттеснить Церковь и, исподтишка дискредитировав ее, стать «духовными вождями» народа. Вот несколько приемов: нас, верующих, упрекают в том, что вера в Бога и учение Христа основаны на страхе, то есть на чувстве, недостойном человека. Но ведь существуют различные виды страха: страх, когда солдат бросает оружие и бежит с поля боя, спасая свою жизнь; страх, когда человек отрекается от своих убеждений, чтобы не подвергнуться репрессиям; страх, парализующий сознание и волю. Однако есть и другой страх — страх, который можно назвать совестью. Это — страх причинить зло человеку, страх поступить подло, страх пойти против своей совести, страх оскорбить Божество хотя бы через греховный помысл; это и страх опозлить и освинячить свою жизнь. Такой страх, по нашему мнению, является благородным чувством, синоним его — ответственность.

³⁸ Павел I (1754–1801) — российский император.

³⁹ Чехов А. (1860–1904) — русский писатель и драматург.

⁴⁰ Блок А. (1880–1921) — русский поэт.

⁴¹ Ельчанинов А., свящ. (1881–1934) — русский богослов и писатель.

⁴² Эго (латинское *ego*) — «я» как центр личности.

Атеисты говорят, что страх перед смертью выдумал богов. Но в таком случае, кто же создал учение об адских муках, которые страшнее самой смерти? Страх поспешил бы как можно скорее отвергнуть идею суда, освободиться от идеи суда над жизнью человека. С большим основанием мы можем говорить о том, что страх родил атеизм как желание избежать ответственности за прожитую жизнь, как стремление укрыться от возмездия. В общем, довольно примитивно, но ловко: «Здесь я поживу как хочу, как велют мне мои страсти, а там превращусь в ничто — просто исчезну, и дело с концом...».

Даже в языческих религиях загробная жизнь описывалась далеко не как радужное состояние. Нам говорят, что христианство — религия рабов. Мы рабы Бога, потому что это рабство избавляет нас от другого постыдного рабства — страстям и демонам; мы рабы Бога, но это рабство в вечной жизни ведет к сыновству.

Нас упрекают в страхе перед Богом (что для нас означает, прежде всего, страх потери Бога) — большей частью те дипломированные приспособленцы, которые, руководствуясь самым низким страхом перед властью имущими, еще недавно в своих лекциях и книгах пели дифирамбы марксистской идеологии, уверяя, что именно учение Маркса — Ленина⁴³ открыло им глаза. Теперь эти приспособленцы разыгрывают из себя интеллектуальных Ахиллов и Аяксов⁴⁴.

Некоторые из современных атеистов говорят: «Христианство потакает греху, оно атрофирует совесть человека: согрешил, покайся, и все тебе прощено — как все просто и удобно!». Это наглая клевета! Само покаяние — это, прежде всего, глубокое переживание о потерянной благодати; это — желание изменить свою жизнь, это — суд над собой, это — боль души, не потерявшей надежду.

Для покаяния необходимы три условия: осознание своего греха и его эмоциональное отвержение — ненависть ко греху; чистосердечное исповедание греха перед священником как представителем Церкви, имеющим апостольскую власть разрешать и прощать грехи; решимость не повторять грех и бороться с ним. Без этих трех условий Таинство Покаяния не совершается; один рассказ о своих грехах не возвращает душе человека потерянную благодать.

Жорж Санд в своих дневниках довольно цинично рассказывала о своих похождениях, но это вовсе не означает, что она каялась. Неудивительно, что обвинение в потакании греху обычно исходит от людей, лишенных не только религиозного, но и нравственного чувства, то есть от людей, не переживавших укоров совести, как преддверия ада на Земле: иначе бы они благодарили Церковь за возможность духовного возрождения.

Современная интеллигенция упрекает Церковь и в догматизме как в чем-то косном и мертвом, мешающем развитию личности.

Действительно, догматизм в науке является прокрустовым ложем, но, как ни парадоксально, как раз ученые догматизируют свои теории, и новым идеям в науке пробиться так же трудно, как растению проломить асфальтовый панцирь. Почти все великие открытия встречали недоверие и сопротивление академиков-«догматиков». Что же касается религии, то здесь мы имеем дело не с ограниченными и поэтому эволюционирующими человеческими знаниями, а с Откровением как абсолютной истиной, которая, в силу своего совершенства, не может развиваться, то есть идти от меньшего к большему. Она остается тождественной себе самой. Поэтому церковный догмат — это не камень, лежащий на пути, а сохранение вечной истины. Мы снова сталкиваемся с той же порочной интеллигентской попыткой религиозный гносис⁴⁵ рассматривать в душевном плане.

⁴³ *Маркс Карл (1818–1883)* — немецкий философ и общественный деятель. *Ленин (Ульянов) Владимир (1870–1924)* — советский политический деятель.

⁴⁴ *Ахилл и Аякс* — храбрейшие герои древнегреческой мифологии.

⁴⁵ *Гносис* — здесь: знание.

Мы хотели бы остановиться еще на одном обвинении, предъявляемом Церкви интеллигенцией. Это — обвинение в обрядоверии.

Во-первых, что такое обряд? Это — своеобразный язык и форма общения, а мы бы сказали — возможность общения. Странно слышать отрицание обряда со стороны интеллигенции, которая так высоко ценит форму в искусстве, при этом часто в ущерб содержанию, скрытому под видимой красотой формы.

Нас упрекают в обрядоверии. Это ложь. Для нас обряд — это связывающая и объединяющая сила. Обряд — это средство к богообщению, как бы его канал. В обрядоверии нет богообщения, там оно заменено попыткой богоупотребления. Поэтому обрядоверие, лишенное содержания, похоже на магизм, где через определенные формы стараются воздействовать на мир космических духов. Между тем в искусстве, особенно в поэзии, изысканность формы пленяет, как бы завораживает нашу интеллигенцию, даже когда под этой формой скрыта гнусная и гнилая сердцевина. Поль Верлен⁴⁶, Константин Бальмонт⁴⁷ и другие поэты — это не маги слова, наподобие Платона, а маги формы. В одном из стихотворений Бальмонт пишет:

*Я — изысканность русской медлительной речи,
Предо мною другие поэты — предтечи*⁴⁸.

Явно клиническая картина мании величия. Далее Бальмонт говорит, что его поэтическое мессианство в том, что он впервые открыл в речи «перепевные, гневные, нежные звоны». Вот один из образцов этих фонетических «перепевов»:

*Близко буря. В берег бьется
Чуждый чарам черный челн*⁴⁹.

«Звон» слова — это его внешняя красота, и в то же время звенит то, что пусто внутри.

Футуризм⁵⁰ и сюрреализм⁵¹ — это эстетизм в негативе, они построены на искусственной ломке форм, и поэтому из-за своей эстетической (или антиэстетической) программы они также принадлежат к сказочному царству формы.

Напротив, церковный обряд, к которому так скептически относится интеллигенция, содержит в себе огромную духовную информацию, как бы концентрированное содержание, и имеет глубокий смысл. В церковном богослужении через символы и образы проявляется и повторяется священная история мира. Каждый богослужебный цикл — это явление Библии из прошлого и будущего в настоящее. Здесь как будто все события проходят по сферической поверхности вращающегося духовного круга. Во время богослужения небо и космос заключены в пространстве храма, и через символические обряды мы включаемся в реальность духовного мира. Поэтому не интеллигенция может упрекнуть нас, верующих, в обрядоверии, а мы интеллигенцию — в фетишизации формы в искусстве.

И наконец, клеветническое обвинение, на которое и не стоило бы отвечать, — в том, что «возрождение Православия может привести страну к фашизму». Ни одна православная страна на протяжении своей истории еще не была фашистской, да и не может таковой стать, несмотря на бредовые инсинуации врагов Православия.

Фашизм основан на антихристианской идеологии. Лидеры фашизма органически ненавидели христианство. Бенито Муссолини⁵² был редактором газеты, представлявшей одну из атеистических секций Второго Интернационала⁵³ в Италии. Адольф Гитлер⁵⁴,

⁴⁶ Верлен П. (1844–1896) — французский поэт.

⁴⁷ Бальмонт К. (1867–1942) — русский поэт.

⁴⁸ Бальмонт К. Стихотворения. Л., 1969. С. 232.

⁴⁹ Там же. С. 89.

⁵⁰ Футуризм (1910–1920) — авангардистское направление в европейской литературе и искусстве.

⁵¹ Сюрреализм (1920–1930) — авангардистское направление в европейской литературе и искусстве.

⁵² Муссолини Б. (1883–1945) — итальянский политический деятель.

⁵³ Второй Интернационал (1889–1914) — международное объединение социалистических партий.

⁵⁴ Гитлер (Шикльгруббер) А. (1889–1945) — немецкий политический деятель.

преследуя все христианские конфессии, наиболее жестоко притеснял Православную Церковь, например на Балканах. (В оккупированной части России Гитлер разрешал открытие церквей, но лишь для того, чтобы создать впечатление, что он является антагонистом большевистской идеологии, а в дальнейшем он собирался уничтожить Православие и заменить его язычеством.) Гитлер говорил, что главная задача его жизни — борьба против двух евреев — Маркса и Христа, словно забывая о том, что «шеф мировой революции» был не меньшим врагом Христа, чем сам фюрер.

У фашизма была своя, арийско-тибетская, мистика и свои, языческо-окультурные, обряды. Главным идолом этого тевтонского пантеона был верховный бог Водан (Вотан), мечущий копьё,— божество войны, а местом паломничества фашистских главарей являлись гробницы двух королей: Фридриха Барбароссы⁵⁵ и прусского короля-вольтерьянца Фридриха II, названного Великим.

Идеологией фашизма в огромной степени было учение Фридриха Ницше⁵⁶ о сверхчеловеке, об избранных нациях, о том, что единственное нравственное понятие — сила, которой дозволено все. Учение Ницше можно выразить в двух словах: «Бог умер».

Фашизм и христианство несовместимы. На протяжении семнадцати столетий Грузинская Православная Церковь была духовным стержнем грузинского народа, его объединяющим началом. Теперь некоторые люди хотят обвинить Церковь в какой-то бредовой «фашизации» страны, в нравственной самоликвидации, то есть в отказе от христианских идеалов. Это не только оскорбление Церкви, это оскорбление самой истории грузинского народа. Но в Грузии, к счастью, большинство интеллигенции оказалось выше такой клеветы.

С другой стороны, некоторые говорят, что современная Православная Церковь — это перенесение в жизнь коммунистических принципов,— это жесткая доктрина, которая не даёт-де развиваться человеческой личности и закрепощает разум.

Налицо полнейшее непонимание принципов религии, непонимание того, что религию невозможно сопоставить с философской или политической системой. Коммунизм-то соткан из противоречий: он обещает свободу, но, вместо этого, осуществляет неслыханное в истории человечества насилие. Он декларирует право личности и полностью подавляет личность идеей государства, образно говоря, личность оказывается под мельничным жерновом. Он утверждает право мыслить и выражать свои убеждения, но заставляет принять как истину одну из идеологий — марксизм, хотя сама марксистско-гегельянская⁵⁷ диалектика полагает современный марксизм тезисом, который порождает антитезис и образует новую, более широкую, теорию в синтезе, то есть коммунизм утверждает то, что основано на самоотрицании.

А религия учит об Откровении, которое не является произведением человеческой культуры и, как совершенное, не может быть изменено. В противоположность коммунистической идеологии религия призывает к добровольному «рабству» как системе нравственной дисциплины. Это не насилие над рабом, а скорее — момент отношений малого ребенка и его родителей. Но, призывая к такому добровольному рабству, христианство на самом деле даёт свободу в восстановлении самой человеческой личности по образу Христа. Догмат — это не узость мышления, а критерий истины, данный высшим разумом — Богом. Более того, вера в догматы раскрепощает человеческий ум, она становится правильным ракурсом его интеллектуального зрения; ум освобождается от тирании греха и страстей, которые обычно управляют разумом, как руль кораблем. Не верить в догматы — это значит: из состояния верующего перейти в состояние ищущего, то есть из христианина сделаться богостроителем и богоискателем.

Что касается нравственной дисциплины христианства, которая кажется либералам жесткой, то это — борьба не с человеком, а с грехом и аномалиями, являющимися

⁵⁵ *Фридрих I Барбаросса* (ок. 1125–1190) — германский король и император.

⁵⁶ *Ницше Ф.* (1844–1900) — немецкий философ.

⁵⁷ *Гегель Георг Вильгельм Фридрих* (1770–1831) — немецкий философ.

инородным телом в человеческой душе. Лечение, предписанное больному, нельзя назвать насилием врача над больным. Напротив, лечение невозможно, если больной не будет пунктуально выполнять предписания врача. Поэтому запугивание фашизмом и коммунизмом одинаково лживо и бессовестно. В отношении к Православию это не более как психологический прием, рассчитанный на невежество людей и вызванный собственным невежеством.

Мы сталкиваемся со странным, но характерным фактом, который невозможно да и вряд ли нужно скрывать. Подавляющее большинство интеллигенции относилось и относится к Православию с неприязнью, со скрытой или явной враждебностью, а большинство верующей и считающей себя христианской интеллигенции мало чего доброго сказало о Церкви. Интеллигенты восхищались Библией, интеллигенты говорили, что христианская мораль самая высокая в мире и что они считают себя внутренними христианами, только, обычно добавляли они, — «свободомыслящими» христианами. Но когда дело доходило до Церкви, особенно до обязанностей христианина включиться в церковную жизнь, настроение сразу же менялось. О Христе обычно говорили с уважением, а о Церкви — с презрением, переходящим в ненависть, как будто христианство и Церковь — два взаимоисключающих понятия. В чем здесь разгадка? Нам кажется, что некоторые интеллигенты читают Евангелие как красивую поэму, которая, в сущности, ни к чему их не обязывает. Конечно же, эти люди переживают некие эмоциональные взлеты; им кажется, что чтение Евангелия или знакомство с историей христианства само по себе делает их более чистыми и благородными. Но эмоции проходят, а человек остается таким же, каким и был. Можно мечтать, читая романы, можно мечтать с Евангелием в руках и говорить: «Как хорошо, как красиво, как это возвышенно!», — а потом спокойно продолжать жить обыденной жизнью.

Но Церковь — это Евангелие в действии, Церковь — это, прежде всего, требование к человеку изменить свою жизнь, войти в новое духовное поле. И религия становится в первую очередь делом воли. Церковь требует от человека борьбы со страстями, особенно с духом гордыни. Способна ли интеллигенция в своем большинстве на этот подвиг? Возьмем творческую интеллигенцию: писателей, поэтов, художников, композиторов, музыкантов, артистов. В какой атмосфере живут они? Какими чувствами пропитана, словно губка, их душа?

Искусство — это культ душевных эмоций, которые передаются через словесные, музыкальные и зрительные образы, а на сцене сам артист превращается в образ своего героя. Аудитория требует от творческой интеллигенции остроты переживаний, новизны чувств и накала страстей. Страсти — это палитра красок, которыми пишутся всё новые и новые картины. Но Церковь учит, что человек должен бороться со страстями, как внутренней преградой между душой и Богом. Люди искусства видят в страстях полноту жизни; искоренять их из души для них означает смерть творчества. Люди искусства считают, что они могут вызывать страсти, как заклинатель демонов, и затем отсылать их назад, как в ад, в глубины собственной души. Жизнь духа им неизвестна и непонятна. Убить страсти — это убить свое творчество, которое люди искусства любят как собственного ребенка. Бороться с гордостью — это бороться с главным стимулом их жизни. Играть в христианство эти люди готовы (хоть в Христа будут играть), а жить по-христиански (имеем в виду внутреннюю жизнь как очищение сердца) — нет. Они даже не понимают толком, что это такое. Когда люди искусства приходят в Церковь, то видят не Церковь, а только ее внешнюю атрибутику, видят то, что мы назвали бы церковным искусством. Их внутренняя враждебность к Церкви может до некоторой степени сдерживаться внешними обстоятельствами, но когда есть возможность проявить эту враждебность, то они и не думают ее скрывать. Это — насмешки, ирония, желание унижить, очернить и уничтожить Церковь, как своего противника. Если мы, отбросив ложное стеснение, посмотрим на личную жизнь творческой интеллигенции, то увидим, что, за немногим исключением, это — эмансипация страстей, это — язычество.

Безбожие распространилось в народе через интеллигенцию —при том, что она действовала в этом направлении с особой энергией. Христианские произведения в литературе можно пересчитать по пальцам, и то большей частью это не самые лучшие образцы творчества писателей и, мы бы сказали, не лучшие литературные образцы христианства. Зато при написании антирелигиозных памфлетов дух писателей как бы загорался и пронизывал их творения дьявольской силой и увлеченностью.

Светская литература делает читателя причастником чувств своих героев. Она не совместима с заповедью Евангелия: *блаженны чистые сердцем* (Мф. 5, 8). Литература, музыка, театр заставляют человека жить эмоциональными переживаниями, то есть воспитывают страсти. И творческая интеллигенция старается доказать себе и народу, что она чище и лучше Церкви. И ее литература часто представляет сатану в образе Ангела света. Она оправдывает самые мерзкие движения человеческого сердца. Она называет разврат тем, что противоположно разврату,— любовью и правом любить. Для нее Церковь ассоциируется с духовной тюрьмой. Какая радость для интеллигенции: поиздеваться над священниками и монахами!

Многие интеллигенты восхищаются Библией, но мало кто прочел ее до конца, зато свою библию — «Декамерон»⁵⁸ — почти каждый из них перечитал несколько раз.

Научная интеллигенция находится в несколько лучшем положении, вернее — противоречия загнаны более глубоко, но гордостью своей «технари» могут превосходить даже творческую интеллигенцию. Обычно человек смотрит на науку как на интеллектуальную религию, а на себя как на представителя элиты. Для него Церковь — это некая система, система, созданная в раннем Средневековье и поэтому нуждающаяся в обновлении и совершенствовании. Представитель научной интеллигенции находится в поиске нового, без этого не существует науки. Но привычный для него принцип эволюционизма и релятивизма он, как правило, переносит и на религию. Внешняя сторона церковных обрядов, приверженность к традиции, которая основана на духовном совершенстве символического языка Церкви, и полнота ее содержания — кажутся такому интеллигенту косными и отсталыми, он видит в них лень мысли и интеллектуальную слепоту. Если творческой интеллигенции необходима борьба со страстями, что для нее неприемлемо, то научной интеллигенции — подчинение своего интеллекта разуму Церкви (но ученые живут так, как будто их интеллект не имеет границ). Поэтому и те и другие не получают в Церкви того, чего ищут. Первые — аудитории для своей игры в христианство, вторые — лаборатории для своих «научных» экспериментов.

Мы здесь говорим об общих процессах, о характерных явлениях, не абсолютизируя их значения. Разумеется, встречаются люди искусства, которые видят порочность страстей и тоскуют по идеалу. Встречаются люди науки, которые видят пределы и ограниченность человеческого разума и ищут другого вида духовного гносиса. Мы просто хотим сказать, как *трудно богатому войти в Царство Небесное* (Мф. 19, 23), богатому страстями и богатому внешними знаниями, которые сплошь и рядом ведут к самомнению.

Менталитет политиков так же трудно уживается с христианством. Основа политики — прагматизм. В политике личность заранее приносится в жертву общим понятиям: государству, коллективу, классу и так далее. В политике ставятся конкретные задачи, вырабатывается конкретный план, выбираются конкретные средства к его осуществлению.

В христианстве, напротив, самое главное — личность человека, остальное — ситуация, как бы фон бытия. Политик может цитировать Евангелие, посещать богослужение, но он вряд ли захочет, чтобы Церковь была по-настоящему свободна и сильна. Политик может покровительствовать Церкви или даже бороться с ней, но он никогда не согласится оставить ее в покое. И здесь встречаются свои исключения, но, в общем, политик комфортнее чувствует себя на поле атеизма или скептицизма.

⁵⁸ См., напр.: Боккаччо Д. Декамерон. М., 1970.

На Земле у Церкви нет союзников, нет такой внешней силы, на которую она могла бы опереться. Но может быть, в этом как раз сила самой Церкви.

Как мы уже говорили, история повторяется. Нынешние процессы имеют аналогию в прошлом. Нам хотелось бы провести параллель между состоянием религиозных интересов интеллигенции предреволюционных годов Российской Империи и ее религиозными настроениями на сегодняшнем витке истории.

Итак, в предреволюционные годы большинство представителей интеллигенции традиционно считало себя христианами. Свое отношение к христианству они обычно выражали такими словами: «Христианство — высокое учение; оно содержит в себе благородные идеалы; это — прекрасный путь к самосовершенствованию» — и тому подобное. И в то же время, напомним, среди интеллигенции укоренились отчужденность и холодное безразличие к Православию и органическая, на первый взгляд непонятная, враждебность к Церкви. Интеллигент, считавший себя христианином, говорил: «Я имею собственный взгляд на религию: я принимаю христианство, свободное от суеверия; я не буду бить поклоны головой об пол, у меня свое духовное, внутреннее христианство».

Интеллигенция того времени отличалась широкой эрудицией, — тем более странно, что в вопросах Православия она проявляла поразительное невежество, кастовое высокомерие и предубежденность. Увлекаясь европейской философией, интеллигенты начала прошлого века в то же время совершенно не знали патристики, в которой могли бы найти ответы на самые глубокие метафизические вопросы. Читая поэзию Японии и Китая, они не подозревали о существовании церковной гимнографии; восхищаясь мистикой западных пантеистов, вроде Якоба Бёме⁵⁹, они и не думали прикоснуться к книгам христианских аскетов. Между интеллигенцией и Церковью образовалась пропасть, которая расширялась все больше и больше. Выражать свою приверженность к какому-то абстрактному, туманному христианству и относиться с презрением к Церкви стало стилем мышления интеллигенции и ее своеобразным этикетом. Театр, литература, пресса объединились в общих усилиях дискредитировать Православие, очернить в глазах народа Церковь — иногда скрыто, иногда открыто, но всегда со странной яростью, доходившей до какого-то демонизма. При этом дело подавалось так, что речь идет только о сохранении христианских идеалов, которые, мол, искажает Церковь. Особенно усердствовала дешевая газетная пресса, которая специализировалась на сочинении анекдотов и сплетен о священниках и монахах. Но даже и серьезные издания старались обратить общественное мнение против Церкви. Известный философ член Государственной Думы отец Сергей Булгаков⁶⁰ вспоминает, что, когда он принял священнический сан, ему пришлось тотчас оставить кафедру в университете, которому он отдал много лет жизни, собственно, он «был исключен... немедленно по рукоположении»⁶¹. Когда Булгаков был одним из ведущих «легальных марксистов», то это не препятствовало его преподавательской деятельности, а когда стал священником, то в глазах своих коллег превратился в изгоя. По неписаным законам священник не мог являться членом университетской корпорации. И это происходило в «христианском» государстве!

Чем объяснить неприязнь, которую интеллигенция питала к Церкви? Укажем на одну причину, на наш взгляд главную.

Церковь — это духовная среда, имеющая свою структуру, которая охватывает всю жизнь человека. Церковь требует от христианина постоянной суровой борьбы со страстями и духом гордыни. Человек должен постоянно контролировать не только поступки, но и мысли и тайные желания. Христианину предлагается новая система ценностей, новые нравственные ориентиры, непохожие на светский этикет. От человека

⁵⁹ Бёме Я. (1575–1624) — немецкий философ-мистик.

⁶⁰ Булгаков С., свящ. (1871–1944) — русский богослов, философ и экономист.

⁶¹ Булгаков С. Мое рукоположение // Булгаков С. Автобиографические заметки. Дневники. Статьи. Орел, 1998. С. 74.

требуются не только вера, но и религиозная дисциплина: посещение храмов, регулярные молитвы, соблюдение постов; его частная, домашняя жизнь должна быть слита с литургическими ритмами Церкви. Христианин получает свободу через борьбу со страстями, а духовную мудрость — через подчинение ума вечным истинам. Поэтому церковное христианство, повторимся, есть во многом дело воли, своего рода — подвиг воли.

Либеральное, абстрактное христианство ничем не связывает человека: понимай христианство как хочешь и живи как угодно. Не нужно ни жертвенности, ни напряженной борьбы с собой. Либеральное христианство считает все, присущее человеку, в том числе страсти, естественным и, следовательно, позволительным. Представление о природной испорченности человека отсутствует, заповеди сводятся к одному: «Делай что хочешь, только не причиняй зла другим людям». Но и здесь существует множество оговорок, отводов, возможностей для самооправдания, которые превращают даже такую мораль в декларацию. Можно быть лжецом-клятвопреступником и в то же время тонко рассуждать о трансцендентных⁶² вопросах; можно быть развратником и в то же время горячо доказывать благотворность влияния христианства на культуру народа — все это не будет тревожить совесть. Борьба со страстями, в которых, как мы уже отмечали, многие интеллигенты видят яркие краски жизни, и с гордыней, которая в миру обычно отождествляется с человеческим достоинством, оказалась не по силам и не по нраву интеллигентным людям, преданным страстям: в этом главная причина апостасии⁶³ — отступления интеллигенции от Церкви и последующей борьбы с Церковью.

Псевдохристианство подготовило почву для разгула атеизма. Когда убеждения становятся не делом и подвигом жизни, а отвлеченными идеями и абстракциями, то их легко сбросить — как старую одежду.

В наше время мы видим те же процессы: значительная часть интеллигенции считает себя интеллигенцией христианской и в то же время стоит далеко от Церкви. Перед нами вроде бы лишь первый этап — холодной индифферентности к Православию, индифферентности, сопряженной с нежеланием узнать, оценить и понять Православие. Но такая индифферентность обычно довольно легко и быстро переходит в противостояние.

Период атеистического диктата как будто кончился, но ничего не возникает случайно и не исчезает бесследно.

Какие метаморфозы ожидают нас? Во что трансформируется атеизм на следующем витке истории?

В России XIX столетие было временем духовных потрясений, бескровных революций; временем, когда были подточены и сломлены нравственные устои народа; временем торжества самого плоского и вульгарного материализма; временем концентрации мирового зла в таких, невиданных прежде, размерах, что взрывы революций стали неизбежны и вызвали потоки человеческой крови. Предчувствие близкой катастрофы, как дым от грядущих пожаров, нависло над Империей, похожей на «Титаник», плывущий в океане истории. На смену атеизму, который не может удовлетворить мистические чувства человека, пришел антипод религии — демонизм. Общество, потерявшее нравственные ориентиры, бросилось к язычеству. В философии ярким выразителем этих настроений был Владимир Соловьев. Он обратился к платонизму⁶⁴ и древнему гностицизму⁶⁵, в которых черпал свои вдохновения. Соловьев реанимировал учение Платона о Софии — мире Божественных идей — и дал этому учению свою интерпретацию. По учению Платона — Соловьева, Божество подчинено определенным ритмам, которые представляют собой восходящие и нисходящие ступени

⁶² *Трансцендентный* — здесь: запредельный.

⁶³ *Апостасия* — утрата веры, отрицание догматов и отпадение от Церкви.

⁶⁴ *Платонизм (IV до Р.Х. — III по Р.Х.)* — направление в древнегреческой философии.

⁶⁵ *Гностицизм (I до Р.Х. — VII по Р.Х.)* — синкретическое псевдохристианское религиозно-философское учение.

единой космической лестницы. Первый этап: Божество — в Себе. Оно лишено качеств и атрибутики, свойств и предикатов⁶⁶. По отношению к Нему человеческие понятия представляют собой чистые негации, например: непостижимый, невыразимый и так далее. Вторая фаза Божества — это Его абстрактное свойство: один, единый, единственный. Здесь единица мыслится не как число, а как потенция всех реальных и мысленных величин и чисел. Третья фаза, или нисходящая ступень,— это Божественный ум; ум, созерцающий собственные идеи. Это — единица во множественности. Тут, правда, между Платоном и Соловьевым образуется дистанционный разрыв. Если для Платона мир идей — это мир идеальных образов и образцов, как бы мир живых архетипов⁶⁷, то для Соловьева совокупность идей является личностью — Софией,— женственной стороной Божества, предметом Его любви. Этот западный шактизм⁶⁸ пронизывает и философию, и, в еще большей степени, поэзию Соловьева. Легко намечается параллель между софиологией и индуизмом. Божество относится к Софии так, как Брахма⁶⁹ к пракрити⁷⁰ (принципу материальности). В одном из наиболее колоритных произведений Соловьева, «Смысле любви»⁷¹, Божественный эрос трансформируется в сексуальное влечение, а сексуальное влечение возвышается до мистики эроса.

Четвертая фаза Божества — это Божественная душа, это идеи, которым дан выбор: остаться в единстве с Божеством — в Божественной плироме⁷² — или покинуть Божество, как птенцы вылетают из гнезда. София избирает второе. Она материализуется в космосе. Таким образом, у Платона и у Соловьева само мироздание является трагедией, София попадает в плен материи, которая становится ее темницей. Для платоников ошибка совершенного и падение идеального необъяснимы. Существуют различные интерпретации: Апулея⁷³, Валентина⁷⁴, Василида⁷⁵ и других. Характерно, что святитель Григорий Богослов⁷⁶ говорит, что древо жизни в раю было образом богообщения и грех Адама — это нетерпеливое желание подойти, еще не подготовленным, к высшему, непосредственному созерцанию Божественного Света; впрочем, Григорий Богослов говорит осторожно, то есть как: можно предположить⁷⁷. Если мы правильно понимаем мысль Григория Богослова, то грехопадение Адама — это подмена постепенного преображения темной экстазией.

У платоников существовала версия, впоследствии разделявшаяся Оригеном⁷⁸, о предмирном падении душ, которые в наказание посылаются на время в материальные тела. Иные относили понятие «падение Софии» к гордости, иные считали это просто ошибкой, иные — необходимым этапом Божественного бытия. Соловьев дал новую интерпретацию этой проблемы. По его мысли, Софией руководило желание индивидуализировать свое бытие, другими словами, идея захотела стать индивидуальностью и сознательно выбрала бытие вне Божества; в сущности говоря, здесь — повторение старой концепции платоников-гностиков об эгоцентризме неких духовных существ, который привел к обособленности; и те же мотивы — интерес к неведомому, желание свободы и затем трагедия богооставленности.

⁶⁶ *Предикат* — здесь: отношение.

⁶⁷ *Архетип* — прообраз, мотив, врожденное представление.

⁶⁸ *Шактизм* — течение в индуизме, рассматривающее в качестве верховного божества Шакти — энергию бога, персонифицированную в образе его супруги.

⁶⁹ *Брахма* — один из трех высших богов индуизма.

⁷⁰ *Пракрिति* — первоматерия в индуизме.

⁷¹ См., напр.: Соловьев В. Смысл любви // Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 493–547.

⁷² *Плирома* — здесь: полнота.

⁷³ *Апулей* (ок. 125 — ок. 180) — римский писатель.

⁷⁴ *Валентин* (? — ок. 160) — философ-гностик.

⁷⁵ *Василид* (?–II) — философ-гностик.

⁷⁶ *Григорий Богослов, свт.* († 389) — отец Церкви.

⁷⁷ См.: Григорий Богослов, свт. Слово 45, на Святую Пасху // Творения: В 2 т. Репр. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. Т. 1. С. 665–666.

⁷⁸ *Ориген* (ок. 185–253/254) — христианский богослов и философ.

Александра Блока можно назвать учеником Соловьева, его поэтическим интерпретатором, хотя Блок жаловался, что сочинение Соловьева «Оправдание добра»⁷⁹, которое сам автор считал главным трудом всей жизни, представляет собой скучнейшую книгу; но космология Соловьева, как образ Софии, покинувшей Божество, пронизывает все творчество Блока. Как Соловьев явился не только продолжателем, но и интерпретатором Платона, так и поэзия Блока представляет собой смесь софиологии и розенкрейцерства; софиологии — как философии и розенкрейцерства — как морали. Наиболее колоритны в этом отношении пьесы Блока, которые представляют собой розенкрейцерские мистерии. Мрачным апофеозом поэзии Блока, как бы завершающим аккордом, в котором рвутся струны скрипки, является не менее колоритная поэма-мистерия «Двенадцать»⁸⁰. В ней отражена люциферианская стихия революции, которая оказалась родной стихией для самого Блока. Неудивительно, что поэт Георгий Иванов⁸¹ написал:

Это черная музыка Блока
На сияющий падает снег⁸².

София у платоников неоднозначна — это план мироздания, идеальный образец космоса, архетип, а в некоторых случаях — световой двойник человеческой души. У Блока София — это, прежде всего, человеческая душа. Ее ведет за руку ее спутник — Люцифер, ведет, как Вергилий⁸³ вел Алигьери Данте⁸⁴ по кругам ада. И вот перед нами явление Софии на Земле в виде «Прекрасной Дамы» (первый сборник стихов Блока называется «Стихи о Прекрасной Даме» [1904]). Поэт встречается с ней в каком-то безлюдном, как будто погребенном в царстве смерти, храме; там тишина и полумрак, там одиночество и ожидание, но, самое главное — в этом храме нет Бога; там все напоминает не о Боге, а о Софии, там все, по словам Блока, «только образ, лишь сон о Ней»⁸⁵. И вот этот храм оказывается языческим капищем, воздвигнутым в честь вечной женственности, матери мира, многоликой богини, небесной Венеры Платона, у которой множество имен: Астарта⁸⁶, Артемида⁸⁷, Дурга⁸⁸, Кали⁸⁹ и Геката⁹⁰. «Прекрасная Дама» является и в образе умирающей королевы, во дворце которой в безмолвной скорби стоят вассалы, и кто-то в голубом, то есть в небесной одежде, оплакивает смерть королевы. Во дворце не только умирает повелительница, но все вокруг бледнеет и гаснет, даже решетка окна окрашена в черный цвет. Мы видим метафизическую смерть бессмертной Софии⁹¹.

В пьесе «Балаганчик»⁹² поэт описывает некий театр, он как будто хочет сказать, что земной мир — это балаган с меняющимися масками. Человек — это паяц, играющий на подмостках, это Арлекин или Пьеро с раскрашенным лицом. Мир предстает перед поэтом в виде какой-то феерии или фантазмагии. В пьесе «Незнакомка»⁹³ Блок представляет поэтов своей эпохи, наиболее близких ему, — таких как Верлен, — в виде завсегдатаев кабака. Они, напившись допьяна, сидят за столом среди объедков и обмениваются банальностями. Блок показывает искусство, даже в самых утонченных формах

⁷⁹ См., напр.: Соловьев В. Оправдание добра // Собр. соч.: В 10 т. Репр. Брюссель, 1966. Т. 8. С. 1–511.

⁸⁰ См., напр.: Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 347–359.

⁸¹ Иванов Г. (1894–1958) — русский поэт.

⁸² Иванов Г. Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 1. С. 313.

⁸³ Вергилий (70–19 до Р.Х.) — римский поэт.

⁸⁴ Данте А. (1265–1321) — итальянский поэт.

⁸⁵ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. С. 232.

⁸⁶ Астарта — древнесемитская богиня любви.

⁸⁷ Артемида — древнегреческая богиня охоты.

⁸⁸ Дурга — древнеиндийская богиня-воительница.

⁸⁹ Кали — древнеиндийская богиня мрака и гибели.

⁹⁰ Геката — древнегреческая богиня мрака и чародейства.

⁹¹ См.: Блок А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. С. 263.

⁹² См.: Блок А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. С. 7–21.

⁹³ См.: Там же. Т. 4. С. 72–102.

символизма⁹⁴ (вернее — изнанку этого искусства), как мусорную кучу. Поэт видит в иллюзорной красоте искусства пошлую брань и пьяные шутки. Следует другая картина: София, яркая звезда, сорвавшись с неба, падает на землю и превращается в Незнакомку. А в стихотворении «Незнакомка»⁹⁵ поэт видит ее в загородном ресторане, чуть ли не в том же кабаке, чуть ли не среди тех же пьяных. Это уже воплощенная София, заключенная в чуждую ей материальность, но в то же время сохранившая следы прежней неземной красоты.

В стихах из цикла «Пузыри земли»⁹⁶ душа попадает в демоническую сферу, она полностью овеществляется, становится частицей космоса. Жизнь — всего-навсего пузыри, возникающие на поверхности «пучины тряской». Иногда София является в образе женщины, упавшей на самое дно жизни, это — блудница, которая, сбросив с себя одежды, пляшет перед толпой на площади⁹⁷. Нетрудно увидеть в этом намек на розенкрейцерский девиз: «Чтобы познать добро, нужно до конца познать грех». Это — диавольская диалектика ордена, к которому принадлежал Блок. Но поэту мало превратить Софию — человеческую душу — в уличную проститутку, он, как розенкрейцер, хочет выпить чашу греха до конца. И он доходит до глубочайшего, уже метафизического, дна: он глумится над Божией Матерью в цикле стихов «Арфы и скрипки»⁹⁸, глумится так, как это делал другой известный розенкрейцер, антропософ⁹⁹ Рудольф Штейнер¹⁰⁰. В этом цикле Блока миннезингер¹⁰¹ «Прекрасной Дамы» превращается в Мефистофеля — демона. В мистической символике розенкрейцеров одеяние души состоит из трех цветов: белого, красного и зеленого. Белый означает невинность и чистоту; красный — грех во всех его проявлениях; зеленый — мудрость, которую человек приобрел через сравнение невинности и греха, а в некоторых случаях через синтез добра и зла.

Последнее произведение Блока — знаменитые «Двенадцать», которые представляют собой, как мы уже говорили, розенкрейцерскую мистерию, как бы мрачный апофеоз всей блоковской поэзии. Место Христа занимает Люцифер. Его двенадцать апостолов — двенадцать красногвардейцев, залитых кровью, это, по идее розенкрейцеров, — заключительный акт истории: восстановление Люцифера в его правах; Люцифер снова становится солнечным духом, а затем отдает царство свое вулкану — вечному огню. «Стихи о Прекрасной Даме» как будто нарисованы белой акварелью — это снежинки, которые, касаясь земли, превращаются в грязь. А розенкрейцерские мистерии, — такие как «Роза и Крест»¹⁰² и «Двенадцать», — написаны багряной краской. Это — огонь пожарищ и человеческая кровь. Блок попытался водрузить на чело Люцифера венок из белых роз, но синтеза не состоялось. Мудрость, которую сатана обещал розенкрейцерам, для Блока обратилась безумием. Поэт умер, исповедовав читателю в поэме «Двенадцать», что для него, Блока, Христом является Люцифер.

«Черная музыка» Блока очаровывала сердца людей именно потому, что касалась мистических пластов души человека, но мало кто слышал в его стихах змеиную песню Эосфора-Люцифера¹⁰³.

Каковы главные искушения, встречающиеся на пути той части интеллигенции, которая, преодолев гордость ума и претензию на кастовую элитарность, старается искренно включиться в жизнь Церкви, регулярно посещает храмовые службы, соблюдает посты и другие церковные установления?

⁹⁴ *Символизм (1870–1910)* — направление в литературе и искусстве.

⁹⁵ См.: Блок А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 185–186.

⁹⁶ См.: Блок А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 8–25.

⁹⁷ См., напр.: Там же. Т. 1. С. 508.

⁹⁸ См.: Блок А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. С. 158–226.

⁹⁹ *Антропософия* — оккультно-мистическое религиозно-философское учение.

¹⁰⁰ *Штейнер Р. (1861–1925)* — немецкий философ-мистик, основатель антропософии.

¹⁰¹ *Миннезингер* — немецкий средневековый рыцарский поэт-певец.

¹⁰² См.: Блок А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. С. 168–246.

¹⁰³ *Эосфор* (греческое *ἑωσφόρος*) — то же, что Люцифер.

Мы отметим из многих искушений следующие (хотя они касаются не только интеллигенции, но именно она переживает их особенно остро и болезненно):

— *состояние богооставленности*;

— *чувство одиночества*.

А также и другое, противоположное по своему характеру искушение, которое скрывается под видом благополучия и благодушия:

— *желание создать комфортное христианство*.

В начале своего духовного пути человек ярко ощущает присутствие благодати: он словно на крыльях летает. Этот период необходим, как необходимо ребенку встать на ноги, чтобы самому научиться ходить. Но со временем помощь благодати уменьшается, она как бы скрывается от человека. Человек недоумевает, однако это состояние духовной сухости и охлаждения является средством для воспитания человеческой воли. Впрочем, бывают периоды, когда человек переживает не только смотрительное отступление благодати, но и *состояние богооставленности*. Христианин, уже как-то возросший духовно и приобретший реальный мистический опыт, неожиданно оказывается в метафизической пустоте: он молится, но его молитва бессильно падает на землю, как будто бы само небо сделалось железным; он призывает Бога, но не слышит ответа. Иногда христианин испытывает мучительную тоску, словно ад поселился в его душе. Иногда человека тревожит чувство шемящей неизвестности, а иногда человеку кажется, что он в какой-то черной пустоте, без конца и начала. Подобное искушение часто дается духовно сильным людям. Вот они вырвались из мира, как из темницы, сломав решетку собственными руками, но... за стенами тюрьмы их встретила труднопреодолимая преграда — пустое пространство, которое нужно пройти. А человек страшится этого непривычного для него и неизвестного ему пространства. Он не знает, что ему делать: он не может идти вперед, но не может и вернуться в свою клетку. Этот опыт, переживание богооставленности, бывает необходим людям, чтобы они, познав свою немощь, поняли, что без помощи Божией, одними человеческими силами и даже подвигами, спастись невозможно.

Второе искушение, как мы уже сказали, — это *чувство одиночества*. Человеку не с кем поделиться внутренними переживаниями. Он ищет духовного друга и не находит его, а духовный наставник может уделить человеку лишь немного времени, да и то эти краткие встречи ограничиваются чаще всего исповедью и разрешением сиюминутных потребностей. То есть найти такого «духовного брата», который бы понимал человека с полуслова и имел с ним как бы одну душу, человек не может. Но и здесь — Промысл Божий: созидать свой внутренний мир нужно с Богом — в молитве, а не в поисках общения с другим человеком. В искушение одиночеством чаще всего впадают люди с нежной, легко ранимой и «привязчивой» душой. Этим испытанием Господь помогает таким людям стать независимыми от других, стать более твердыми духом.

Третье искушение — *желание создать комфортное христианство*: посещать храмы, исполнять обряды, но при этом не менять прежнего образа жизни, вернее — избегать таких грубых грехов, как прелюбодеяние, обман, воровство и тому подобное, но жить прежними чувствами, находиться в том же, прежнем, информационном поле. Человек в своем сердце хочет соединить мир страстный и безблагодатный с Церковью, соединить грубо чувственное и духовное, создать из религии какой-то гибрид, где христианство сочеталось бы с гедонизмом. Но комфортного христианства не существует, это — ложь, прикрываемая именем Христа. Существует одно — аскетическое — христианство, которое призывает человека к постоянной борьбе с самим собой. Соединить в один сплав страстную душевность и духовность — невозможно. Такая «сплавленная» душа будет похожа на Сизифа, который вкатывает камень на вершину горы, но у самой вершины камень вдруг срывается к подножию; или — на Пенелопу, которая днем тклет саван, а ночью распускает готовую ткань; такой человек трудится, но получает мало. При таком «сплавлении» возможны два исхода: или душевное поглотит

духовное, и человек будет воспринимать религию внешне, «оземленно», через призму собственного воображения, или духовное будет постепенно вытеснять душевное, и человеку станет чуждо и безразлично то, чем раньше жило его сердце, и он сам откажется от того, что стоит преградой между ним и Богом. Господь уподобил души услышавших евангельское слово зернам, из которых выросли колосья; число зерен в выросшем колосе может быть различным: тридцать, шестьдесят и сто (см.: Мк. 4, 8, 20). Это мера стяжания благодати Духа Святого, мера подвига и смирения человека.

Мы рассказали о препятствиях и искушениях, которые могут постигнуть людей, ведущих церковную жизнь. Но суд Божий — не суд человеческий, на нем будет учтено все, и даже одно тайное движение человеческого сердца к Богу, даже одна добрая мысль не упадут с чаши весов Божественного правосудия.

Интеллекту не легко принять мысль, что абсолютный Дух, первопричина и промыслитель мира,— это Живая Личность. Интеллигент постоянно путает два понятия: личность и индивидуальность. Между тем личность — это высшая форма бытия, а индивидуальность — это обособленная форма бытия. Ограниченность как свойство индивидуальности интеллигент переносит на личность; ему легче представить Бога как некую силу, которая пронизывает весь мир. Божественная Личность сверхвременна и сверхпространственна. Бог весь во всем и весь выше всего. Он объемлет все, но в Его существо ничто не может проникнуть. Интеллекту трудно принять это через веру, поэтому он склонен считать Бога некоей универсальной, космической энергией, обладающей свойствами высшего разума.

Но если интеллигент преодолел это искушение и сердцем принял Бога как Личность, то перед ним опять стоит вопрос,— как войти в общение с этой Личностью. Интеллигент привык изучать и анализировать, а ему говорят: «Склони голову и молись; твой ум не может объять абсолютное Божество, но твое сердце может принять Его, отразить в своих глубинах Его вечный свет». Это не интеллектуальный свет ума, а духовный свет, льющийся с небес. Трудно интеллигенту войти в свое сердце, он привык скитаться и жить вне дома, он был готов изучать самые дальние уголки земли, но забывал о своей собственной душе, и вот он отдал сердце свое страстям, а страсти поселились в его сердце и укрылись там, словно звери в темных норах. Интеллигент видел свои страсти только тогда, когда они «выползали» наружу, в область сознания и рефлексии. Теперь ему говорят: «Бог, Который живет на небесах, должен открыться тебе через твое сердце». Он понимает, что это значит: сердце должно быть чисто, как небо; но тем не менее интеллигент не борется со страстями, не искореняет их, а начинает мечтать о подвигах и представлять себя, во взлетах своей фантазии, каким-то подвижником, чуть ли не святым. Но иллюзии рано или поздно рушатся, и у человека опускаются руки. Он понимает, что напрасно надеялся на собственные силы, что надо было просить помощи у Бога. Человек начинает молиться, но этот внутренний труд непривычен для него. Молитва требует концентрации мысли, а интеллигент привык читать и размышлять. Его необузданному уму тесно в молитве, он хочет привычного для себя простора. А молитва требует жертвы: человек должен свести к минимуму внешние впечатления, и тогда образуется глубина мысли за счет отказа от широты: так сдавленный скалами поток реки устремляется вверх...

Молитва — способность интуитивного проникновения в духовный мир через слово; это — созерцание, способность к которому катастрофически теряет или уже потерял современный человек, да и, кроме того, интеллигент привык к огромным дозам информации. Если уместно такое сравнение, то заваленный книгами письменный стол современного интеллигента похож на стол Гаргантюа¹⁰⁴, заставленный невероятным количеством кастрюль и сковородок с пищей. Избыточная информация, как и избыточная пища, может вызвать ожирение. И творческие силы души перерождаются в ленивое

¹⁰⁴ *Гаргантюа* — персонаж романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» французского писателя Франсуа Рабле (1494–1553) (см., напр.: *Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль*. М., 1973).

воображение и ленивую память, интеллектуальная энергия расходуется лишь на то, чтобы узнавать новые факты и сведения и запоминать их. Постепенно интеллигент все более отвыкает от самостоятельного мышления и начинает нуждаться в рафинированной пище, пропущенной через телевизоры и компьютеры. Учиться молитве интеллигенту так же трудно, как перенесшему паралич снова привыкать ходить. Предположим, что человек, обладающий сильной волей, преодолевает и это искушение. Он заставляет себя молиться, у него со временем образуется даже привычка молиться, но перед ним стоят и еще преграды: он хочет, выражаясь интеллигентским языком, верить разумно, то есть найти в христианстве ответы на те мировоззренческие вопросы, которые он решал «сам», как большинство интеллигентов, и которые приняли вид интеллектуальных комплексов — внутренних соперников молитвы. Эти вопросы возникают иногда во время самой молитвы, в них звучит холодный смех Мефистофеля.

Интеллигент начинает изучать религиозную литературу. И это вроде бы целесообразно и оправданно, но вся беда в том, что религиозная литература неоднородна. Многие, внешне религиозно настроенные, авторы на самом деле боролись с религией, под видом «абстрактного христианства» клеветали на Церковь, а иные, под флагом защиты Православия, выражали мысли, несовместимые с Православием, в сущности отравляя души своих читателей. Впрочем, некоторые из этих авторов, «пища» то, что накопилось и суммировалось в их сердцах, не понимали, что они являются медиумами какого-то неизвестного им духа. Кстати, следует заметить, что дух рационализма и скептицизма давно проник даже в наши духовные академии. Еще в дореволюционное время многие богословские работы были написаны и под влиянием протестантизма, и по схемам католической схоластики. Напротив, творения святых отцов — это богословие, основанное на созерцании, отцы стремились показать христианство в его внутренней красоте, а если и доказывали истинность веры, то для того, чтобы охранить чистоту учения от ереси. Созерцание создавало свои формы, а мировосприятие — свой язык. Святоотеческий язык из-за своей глубины может показаться несколько тяжелым для современного интеллигента. Этот язык также требует созерцательного подхода или по крайней мере неспешного, осмысленного вчитывания. Кроме того, глубина святоотеческой мысли открывается только по очищению человеческого сердца.

В настоящее время модернисты и «обновленцы» стараются распространить под видом Православия свои ложные идеи, а в сущности — дискредитировать чистые источники Православия, перевести Православие в «душевное», они стараются вызвать у христианина внутреннее недоверие к Преданию Церкви. Они даже не стесняются упоминать о дарвинизме-эволюционизме¹⁰⁵, понятие о котором прочно вошло в менталитет интеллигенции. Космология, биогенез, история мира рассматриваются в этом ракурсе. Но эволюционизм и креационизм (учение о творении) несовместимы друг с другом. Эволюционизм рассматривает само христианство и Церковь не как полноту Божественного Откровения, не как истину, которая тождественна себе самой, а как развивающиеся идеи и совершенствующиеся институты. При таком подходе понятие истины уничтожается: истина ставится в зависимость от культурного уровня человечества, а так как человечество не может достигнуть конца эволюционной лестницы, то истина-де должна меняться.

Такие популярные писатели, как отец Александр Мень¹⁰⁶, диакон Андрей Кураев¹⁰⁷ и другие, пытаются представить Библию не Божественным Откровением, а фольклорным произведением. Проводится мысль, что текст Библии изменялся и искажался. Хотя отец Андрей Кураев критикует отца Александра Менья, но в отношении к Библии они так же похожи друг на друга, как депутаты левого и правого толка, сидящие в одном ряду. Отец

¹⁰⁵ *Дарвинизм* — учение об эволюции органического мира. Основатель — Чарлз Роберт Дарвин (1809–1882), английский естествоиспытатель.

¹⁰⁶ *Мень А., свящ. (1935–1990)* — русский богослов.

¹⁰⁷ *Кураев А., диак. (р. 1963)* — русский богослов и публицист.

Андрей Кураев «грозит кулаком» Александру Меню, но в то же время продолжает дело отца Александра: отец Александр утверждает, что, вместо пророка Исаии, было четыре Псевдо-Исаии¹⁰⁸, утверждает, что Послания под именем апостола Павла появились в Церкви во II столетии¹⁰⁹, а отец Андрей, на страницах православного журнала «Альфа и Омега», выражает мысль, что под именем пророка Моисея скрывается антивавилонский полемист-сатирик¹¹⁰. Начитавшись «обновленцев от Православия», интеллигент приходит к выводу, что, возможно, Библия это отнюдь не Священное Писание, а собрание мифов (только лучше отредактированное, нежели аналогичные фольклорные тексты других народов), и опять оказывается в привычной для себя стихии рационализма и скептицизма. Вот почему необходимо читать Библию «глазами» святых отцов. В святоотеческой литературе с огромной силой и глубиной разрешены извечные вопросы, которые волнуют человеческую душу на протяжении всей истории человечества, святоотеческая литература — это чистая вода, текущая из чистого источника.

Но что же означает само слово *интеллигенция*?

Следует рассмотреть его в трех аспектах:

— *этимологическом*;

— *историческом*;

— *семантическом*.

Слово *интеллект* означает *дух, разум* (греческое *νόος*). В этом смысле еще священномученик Дионисий Ареопагит¹¹¹ говорил об Ангелах, что они «суть разумы (*νόες*)», интеллекты¹¹².

В этимологическом плане интеллигенция — носительница духовных начал. Исторически семантика этого слова-термина видоизменялась соответственно духовным состояниям человечества.

Первые интеллигенты возникли в жреческой среде. Это были теурги — хранители культа. Культ включал в себя гимнографию, поэтому интеллигенты были религиозными поэтами. Что касается богодухновенной религии, то в ней Божественное Откровение проявлялось в теургическом и храмовом действиях, а Библия, как Божественное слово, переданное через человеческое слово, была дана Пророкам, которые передали это Откровение в форме священной поэзии. Затем интеллигенцией стали философы и ученые. В древности разделения на философию, науку и искусство не существовало, поэтому эрудиты античного мира были носителями единого «сплава» знаний и хранили его как корпоративную тайну.

Что же касается интеллигенции ветхозаветной Церкви, то среди нее философов почти не было: богословие занимало место философии и этим вполне удовлетворяло духовные запросы людей. В языческом мире суррогатом Предания явилась мифология. И Священное Писание (вместе со Священным Преданием), и мифы написаны особым языком, который называют символическим, но между ними существенная разница. Миф — это система символов в виде шифра, то есть та же корпоративная тайна. При этом сам миф является сюжетом языческого культа, а особенно языческих мистерий, явленных в драматической форме. Миф — это замена исторической реальности особой поэтической интерпретацией, которая скрывает эту реальность от «внешних» и открывает только узкому кругу посвященных, то есть элите.

В отличие от языка мифа, язык Священного Писания не является языком конспирации; он рассказывает о реальных событиях, только истолковывая их иносказательно, символически, то есть расширяя их буквальное значение, используя так,

¹⁰⁸ См.: *Мень А., свящ.* Библиологический словарь: В 3 т. М., 2002. Т. 1. С. 563–570.

¹⁰⁹ См.: Там же. Т. 2. С. 333.

¹¹⁰ См.: *Кураев А., диак.* Полемичность Шестоднева // *Альфа и Омега*. 1997, № 1 (12). С. 268.

¹¹¹ *Дионисий Ареопагит, сщмч. († 96)* — отец Церкви.

¹¹² См.: *Dionysius Areopagita. De Divinis nominibus* // *Opera omnia*: In 2 v. P., 1857. V. 1. Col. 693. (PG, 3). См. также 29-ю Гомилию святителя Григория Великого († 604): *Gregorius Magnus. Homilia 29* // *Opera omnia*: In 5 v. P., 1849. V. 2. Col. 1214. (PL, 76).

как используют простые конструкции для построения многоэтажного здания. Реалии Библии следует понимать в историческом, аллегорическом, нравственном, анагогическом¹¹³ и других смыслах, не исключаящих, а дополняющих друг друга. Миф стремится к символическому образу, или не существующему объективно, или же наделенному, как бы «обросшему», ирреальными чертами и свойствами. В Священном Писании образ — это живой человек или реальная историческая картина, но сами по себе они служат прообразами других, будущих реалий. Священное Писание, в отличие от мифа, лишено таких элементов, как фантазия, изобретательность, басенная метафоричность и тому подобное.

В языческом мире интеллигенция стала приобретать все более элитарный характер, даже при деградации культа и трансформации его в культуру эта элитарность сохранялась в теургии¹¹⁴, философии, науке и искусстве. В ветхозаветной Церкви сословного элитаризма не существовало. До нас не дошло сведений ни об одной научной, философской или поэтической школе, существовавшей в Палестине до периода раввинизма; и только затем начинается выделение интеллигенции в лице ветхозаветных книжников и фарисеев, что знаменовалось бурным расцветом синагогальных и раввинистических школ. Сходную картину мы видим в христианстве. В первенствующей Церкви не было философских систем, не было научных корпораций, не было профессионального искусства,— такого как светская поэзия, театр и так далее. Был культ, то есть служение Богу, культ, который заполнял собой всю жизнь христианской общины; но и в христианстве с постепенным охлаждением к религии и отходом от культа начинает возрастать культура.

Религия — это жизнь человека в духовном плане, культура — жизнь в душевном плане. Слово *интеллигенция* уже не обозначает духовность, а начинает обозначать умственно-душевную деятельность. Происходит расщепление: дух принадлежит религии, душа — культуре. Но это только кажущееся разделение, на самом деле душа начинает агрессию против духа, завоевывает его владения и секуляризирует их. Христианская интеллигенция жадно впитывает в себя языческую культуру. Аристотель¹¹⁵ и Цицерон¹¹⁶ стоят на одной полке с Библией. Когда говорят о периоде Возрождения, то в первую очередь отмечают ренессанс в искусстве, а ведь ренессанс в науке или в философии возник гораздо раньше. Интеллигенция ставит себе утопическую задачу — соединить античную философию с христианством. Впрочем, уже греко-иудейский философ Филон Александрийский¹¹⁷ пытался соединить Библию с «Диалогами»¹¹⁸ Платона. Первыми интеллигентами такого рода явились гностики, а затем уж на сцену вышли прямые еретики,— такие как, например, Ориген и Арий¹¹⁹. Но соединить христианство с античной эклектикой не удавалось: эти попытки, как правило, кончались пантеизмом. Зато происходило другое — менялся менталитет интеллигенции: все больше отдалялись друг от друга два града — град этого мира и град Божий, Церковь.

Интеллигенция с ее языческими представлениями, с ее сократо-платоническим¹²⁰ интеллектуализмом и аристотелевскими категориями осталась за границами Церкви.

Философия пытается заменить собой Откровение. Наука, оторванная от духовного мира, материализует мысль человека. Искусство возбуждает человеческие страсти и стремится заменить Божественную красоту тленной и обманчивой земной красотой.

Возникает вопрос: может ли философ, ученый или художник быть христианином?

¹¹³ Анагогический — мистический, духовный.

¹¹⁴ Теургия — здесь: магия богоуподобления.

¹¹⁵ Аристотель (384–322 до Р.Х.) — древнегреческий философ.

¹¹⁶ Цицерон (106–43 до Р.Х.) — римский политический деятель, писатель и оратор.

¹¹⁷ Филон Александрийский (ок. 25 до Р.Х.— ок. 50 по Р.Х.) — греко-иудейский философ.

¹¹⁸ См., напр.: Платон. Соч.: В 3 т. М., 1968–1972; Он же. Диалоги. М., 1986. (Доп. том).

¹¹⁹ Арий (256–336) — александрийский пресвитер-ересиарх, основатель псевдохристианского учения.

¹²⁰ Сократ (ок. 470–399 до Р.Х.) — древнегреческий философ.

Нам кажется, и да, и нет. Если человек считает, что посредством усилий своего разума, в системах строгого логизма, он может познать истину без Откровения, то он не христианин. Если он обращается к философии как к средству для выражения мысли, если он использует философию для уточнения терминологии и упорядочения мышления, то он может быть христианином.

Если ученый считает истиной только факт, подтверждаемый в эксперименте, и ищет материальный субстрат как опору для мысли, то он не христианин. Если ученый признает духовный гносис, относящийся к миру сверхреалий, не смешивая при этом метафизику с физикой, то он может быть христианином.

Если художник или поэт смотрит на мир как на высшую ценность, автономную от Бога, и не видит вечности, на фоне которой проходит земная история, если он не понимает, что материальный мир с его красотой — это ступень к духовному миру, если он не видит в конечном отблеск бесконечного, то творчество такого художника будет служить только удовлетворению душевных страстей. Такой художник не может быть христианином. Если же для него видимый мир — это песня, составленная во славу Божества, и в земной красоте он прозревает следы вечной красоты, то он может быть христианином. Но мы, к сожалению, вынуждены констатировать, что интеллигенция не ищет Бога в видимом мире, а только старается удовлетворить свои страсти, притом и плотские, и интеллектуальные, и душевные. Чаще всего философ говорит: «Я могу без Бога познать мир». Ученый говорит: «Наука может дать счастье человеку, создав обилие материальных благ на земле. Вечность — гипотеза, а Земля — реалья; давайте жить тем, что мы видим своими глазами и имеем в своих руках». Люди искусства говорят: «Живи мгновением, любуйся мгновением, оно неповторимо; чем глубже твои страсти, тем полнее и прекраснее твоя жизнь. Зачем ограничивать себя?». Конечно, есть и верующие интеллигенты, может быть их даже немало, но им необходимо совершить подвиг души, как мы уже отмечали, своего рода подвиг воли. Они должны приобрести истинную, духовную, интеллигентность и отказаться от душевной интеллигентности или по крайней мере подчинить ее духу. Интеллигенция часто упрекает народ в предрассудках и суевериях, но чаще всего эти суеверия относятся к поверхностному слою религии, а «комплексы» интеллигенции — интеллектуальные предрассудки — касаются самой сущности религии, поэтому они намного опаснее, чем «детское» невежество. Наивные суеверия могут быть легко разъяснены и затем отброшены, а чтобы избавиться от своих предрассудков, интеллигенту надо подчинить вере свой менталитет, то есть, говоря прямо, изменить его.

Кстати сказать, на пути в Церковь интеллигент встречает несколько своеобразных «таможен». Первая — это антибиблейская литература, вроде Давида Фридриха Штрауса¹²¹, Бруно Бауэра¹²², Лео Таксиля и тому подобного. Но пройти «контроль» на этой «таможне» не трудно. Интеллигент нашего времени обычно не слишком интересуется теориями и гипотезами различных мифологических и сравнительно-исторических школ. Такая литература, громоздкая и неуклюжая, похожая на какого-нибудь бронтозавра или библейского бегемота (см.: Иов. 40, 10–19), нужна тому, кто хочет оправдать свое неверие, а тому, кто ищет Бога,— тому эта литература не может ничего ни доказать, ни опровергнуть. Что касается «Забавной Библии» Таксиля¹²³ и прочей подобной пошлятины, то такие книжки скорее вызовут отвращение, чем интерес, так как наша интеллигенция в течение десятилетий должна была брести по грязи атеистической клеветы, как по сточным канавам, и у нее уже выработался стойкий иммунитет. Для интеллигента более опасен Жозеф Эрнест Ренан¹²⁴, так как он, с хитростью несостоявшегося иезуита и вполне состоявшегося масона, на одной и той же

¹²¹ Штраус Д.-Ф. (1808–1874) — немецкий богослов и философ.

¹²² Бауэр Б. (1809–1892) — немецкий философ.

¹²³ См., напр.: Таксиль Л. Забавная Библия. М., 1976.

¹²⁴ Ренан Ж.-Э. (1823–1892) — французский писатель и религиовед.

странице и громко клянется в любви Иисусу, и тишком старается показать Его мечтательным романтиком и политическим авантюристом. Такую книгу можно назвать «Поцелуй Иуды».

Следующая «таможня» ведет более строгую проверку. Интеллекту надо удостоверить себя в качестве христианина. Эта «таможня» — литература оккультного, теософского¹²⁵ и псевдоиндуистского характера, в которой христианство рассматривается как один из множества радиусов — духовных путей, которые ведут от окружности к центру — Божеству. Тут, «на одной полке», и теософки Елена Блаватская¹²⁶ и Анни Безант¹²⁷, и Рам Мохам Рой¹²⁸, и «псевдойог» Йоги Рамачарака¹²⁹, талантливый интерпретатор йогических систем, который переделывал, как бы переодевал, эти системы на европейский лад, чтобы скрыть их атеистическую сердцевину. Тут и марксист и коммунист Ромен Роллан¹³⁰, который описал жизнь Рамакришны¹³¹ и Свами Вивекананды¹³² в агиографическом духе и, проповедуя единство религий, обстоятельно изложил учение этих отцов «новоиндуизма». На этой «таможне» интеллекту предлагают стать членом сразу всех Церквей и адептом сразу всех религиозных учений. Какой соблазн для мечтательного гигантизма интеллектуала! Если же он поймет, что универсальной религии не существует и что, обещая открыть какие-то «тайны древней мудрости», его просто водят за нос, и увидит, что между христианством и остальными религиями лежит непреодолимая пропасть, тогда-то он пройдет через эту «таможню», пройдет, но... опять на его пути демон воздвигнет новое препятствие.

Очередная «таможня», где досмотр производят с чрезвычайной строгостью и тщательностью,— это экуменизм. Человеку говорят, что христианство едино, оно заключается в личности Христа и Его учении, что для человека главное — исполнение евангельских заветов, а конфессиональные различия представляют собой исторические недоразумения. Его уверяют, что содержание Православия — такое же, как в католицизме, протестантизме и различных сектах, и что долг христианской любви в том, чтобы не разделяться, а соединяться, что человек духовной культуры должен стать выше конфессиональных различий... Сердцу интеллигента особенно трудно устоять перед этим искушением: интеллигент еще не вошел в Церковь, а ему уже предлагают стать над Церковью, он еще не выбрал конфессию, а ему предлагают участвовать в объединенной конфессии. Какой соблазн: отцов Церкви можно объявить невежественными людьми, которые не поняли хорошо, в чем состоит смысл христианства, а его, как культурного, просвещенного человека, следует сделать арбитром в вековых исторических тяжбах,— арбитром, который разъяснил бы представителям Православия, как малым детям, что они ошибаются, что надо почувствовать себя просто христианином, делать людям добро, и этого достаточно, а на все остальное не стоит обращать внимания.

Экуменизм считает, что ни Православная Церковь, ни другие конфессии или религиозные организации и секты не обладают самопознанием и поэтому им надо открыть глаза на самих себя и объяснить, что все они одно и то же, как изображение одного лица во множестве зеркал. Если интеллигент не поддастся на эту утопию, вернее — уловку, и не захочет поверить, что святые, отразившие в себе дух и любовь Церкви,— такие как святители Афанасий Александрийский¹³³, Николай Мирликийский¹³⁴, великие

¹²⁵ *Теософия* — мистическое псевдобуддистское религиозно-философское учение.

¹²⁶ *Блаватская Е. (1831–1891)* — русская писательница, основательница теософии.

¹²⁷ *Безант А. (1847–1933)* — теософка.

¹²⁸ *Рой Р.-М. (1772–1833)* — реформатор индуизма.

¹²⁹ *Рамачарака Й. (Уильям Уокер Аткинсон) (1862–1932)* — американский писатель, популяризатор йоги и оккультизма.

¹³⁰ *Роллан Р. (1866–1944)* — французский писатель и музыковед. Нобелевская премия (1915).

¹³¹ *Рамакришна (Гададхар Чаттерджи) (1836–1886)* — индийский общественный деятель и религиозный проповедник.

¹³² *Вивекананда С. (1863–1902)* — индийский общественный деятель и философ.

¹³³ *Афанасий Александрийский, свт. († 373)* — отец Церкви.

Каппадокийцы¹³⁵ и другие, прославившиеся в борьбе с еретиками, могли быть провокаторами против любви Христовой и единства Церкви; если не захочет поверить, что Вселенские Соборы, где были выкованы догматы Церкви и определен ее канонический фундамент, представляют собой «черную гвардию», которая «расстреливает» анафематизмами своих братьев по вере только за то, что они вместо «а» сказали «о», и если, пройдя через эту «таможню», интеллигент приблизится к самим вратам Церкви, то его ждет еще одно искушение. Искушение из тех, на которые столь богаты «хамелеоны» от религии, которые приняли «окрас» Православия, однако исподтишка выступают против основ Церкви. Эти «хамелеоны» проникли в издательства, в том числе церковные, в прессу, в том числе церковную, в учебные заведения, в том числе духовные, а некоторые даже занимают академические кафедры. «Хамелеоны» не так просты, чтобы сразу же выказать свое истинное лицо, они шумно выражают свою приверженность Православию. Иногда они даже полемизируют между собой, чтобы скрыть свое родство и землячество, но их всех объединяет одна цель: посеять сомнения в источниках Православия, в Библии, как в Откровении Божиим, и в Церкви, как хранительнице Откровения. «Хамелеоны» хотят опровергнуть теорию креационизма, заявляя о необходимости примирения Библии с наукой, а по сути дела, переводят Священное Писание на рельсы эволюционизма. Они хотят внушить сомнение в подлинности Библейских Книг, приписывая их другим, позднейшим авторам (эту же тактику они применяют по отношению к святоотеческим творениям, называя авторов Псевдо-Дионисиями, Псевдо-Макариями, Псевдо-Василиями и так далее). То есть «хамелеоны» хотят уверить читателей и студентов, что некоторые святоотеческие произведения недостоверны, что наука доказала их подложность, и таким образом дискредитировать патрологию, а заодно и саму Церковь, которая якобы не может отличить истины от лжи. Обычно они утверждают, что и сами библейские тексты, включая Новый Завет, подверглись интерполяциям (вставкам) и искажениям, следовательно, можно сомневаться в любой фразе Священного Писания. Поверив этому, человек остается без твердых критериев истины. Здесь начинается религиозный скепсис и индифферентность к Церкви.

Если же и это искушение будет преодолено, и человек скажет: «Я чувствую благодать в Церкви, я ощущаю реальность этой благодати в Таинствах, поэтому я верю, что в Церкви действует Дух Святой, Дух Истины, и Церковь не может ошибаться», — тогда «хамелеоны» говорят: «Ты полностью прав; мы рады, что ты пришел к вере в Церковь, мы также верим в Церковь и в то, что вне Церкви и вне Голгофской жертвы нет спасения. Только подумай: что такое Церковь? Ты сам сказал, что познал Церковь, как присутствие Духа Святаго, а разве Дух Святой обитает только внутри стен храма, ограниченный от всего мира камнями, разве Он действует только по разрешению и решению священника, разве Он ограничен обрядами и Таинствами? Ведь Дух Святой всесвободен; Он весь во всем. Ты правильно сказал, что спасение в Церкви, но ты ограничил ее, поэтому, сам того не замечая, унизил; Церковь не только там, где служатся молебны и накрываются поминальные столы. Дух Святой ищет достойных людей, которые делают добро и стремятся к правде, они в Церкви, хотя бы и не сознавали этого, они искуплены Христом, хотя бы даже не верили во Христа, они исполнили заветы Евангелия, хотя бы и не читали Евангелия. Они слушались своей совести, поэтому на том свете узнают Христа, как своего Спасителя, а Христос их примет, как Своих детей. Это и будет истинная Церковь, а границ ее на земле мы пока не знаем, это — тайна».

Затем они патетически восклицают: «Церковь всегда там, где творится добро, Церковь кончается там, где делается зло. То, что вы считаете исторической Церковью, на самом деле есть отделившаяся ветвь, которая держится духом конфессиональной

¹³⁴ Николай Мирликийский, свт. († ок. 345) — учитель Церкви.

¹³⁵ Каппадокийцы — имеются в виду святители Василий Великий († 379), Григорий Богослов и Григорий Нисский († после 394).

гордыни. Мы не против исторической Церкви, мы находимся в ней, но тем не менее мы себя ею не ограничиваем: ведь нельзя ограничить географической картой мир, в котором живешь». Это — серьезное искушение для современного интеллигента, которого пугают такие выражения, как «узость мышления», «конфессиональная непримиримость», «фанатизм» и тому подобное. Интеллигенту к тому же говорят: «Неужели тебе не жалко тех, кто остался вне Церкви и поэтому не спасется?». И тот отвечает: «Разумеется, жаль». Тут же следует вопрос, направленный, как стрела Париса в пяту Ахилла: «Если тебе их жаль, неужели Богу их не жаль, неужели у тебя любви больше, чем у Бога, или, по-твоему, Бог не всемогущ?». Эти вопросы обычно вызывают у интеллигента, воспитанного в духе гуманизма, прямой шок. Но ведь на эти вопросы богословие давно дало ответ: человек не предмет, а личность, поэтому спасение человека невозможно вне личности самого человека. Блаженный Августин¹³⁶ говорит, как бы от лица Господа: «Я создал тебя без тебя, но не могу спасти тебя без тебя»¹³⁷. Христос свидетельствовал о том, что Его ученики представляют собой малое стадо, то есть они будут малочисленны на земле, подразумевая не тех, кто носит название христианина, а тех истинных христиан, кто идет по узкому и тернистому пути (см.: Мф. 7, 13–14).

К сожалению, большинство людей всегда верило и будет верить лжи. Сама земная жизнь дана человеку как время для определения. Земная Церковь — это не филиал небесной Церкви, а вместе с ней — единое тело Спасителя. Христианин мог бы спросить у ученых «хамелеонов»: «Какие же свойства, атрибуты и вероучение у вашей универсальной Церкви?». Они, естественно, ответили бы: «Это тайна, о которой мы узнаем в будущем». Тогда следует сказать так: «Как же я могу принадлежать Церкви, которая мне неизвестна, до самой моей смерти и верить в Церковь, которой я не знаю? Как я могу верить в какой-то универсальный “икс” с неизвестным для меня содержанием? Мне кажется, что вы как раз хотите лишить меня Церкви, а затем сообщить, как открытие, что весь космос — это Церковь, ну а так как следы добра можно найти везде, то все существующее в конце концов предназначено к спасению, то есть вы хотите привести меня или к банальному пантеизму, или к замаскированному оригенизму. Быть православным — значит верить в Православную Церковь, принимать то, что она принимает, и отвергать то, что она отвергает».

В давние времена возникали тринитарные и христологические ереси, теперь — время ексхиастических ересей. Все ереси претендовали на защиту достоинства Божества. Арианство¹³⁸ говорило о том, что равенство Отца и Сына унижает Предвечного Отца; монофизитство¹³⁹, — что человеческая природа в Ипостаси Спасителя ограничивает Его Божественную сущность; иконоборчество¹⁴⁰, — что изображение Иисуса Христа профанирует Божество как Божество сверхпространственное и неопишное. Теперь ексхиастические ереси, не отрицая Церкви, хотят уничтожить само понятие Церкви, — тоже якобы во имя очищения, прославления и возвеличивания самой Церкви. Некоторые из супероригенистов даже говорят, что нужно любить самого диавола, чтобы он подобрел и покаялся, не понимая, что воплощенное зло любить невозможно, как невозможно любить чуму, как невозможно любить голод, землетрясение, извержение вулканов и тому подобное. Вспомним, что еще недавно политические утописты говорили о любви к будущим поколениям и, во имя этой декларативной любви, уничтожали миллионы своих современников. Ложь и зло не могут показаться в своем прямом обличье, им обязательно нужна какая-нибудь маска. Чем красивее маска, тем губительнее ложь.

¹³⁶ Августин, блж. († 430) — учитель Церкви.

¹³⁷ Augustinus. Sermo 169 // Opera omnia: In 15 v. P., 1831. V. 6. Col. 923. (PL, 38).

¹³⁸ Арианство (IV–VII) — еретическое учение. Названо по имени основателя — Ария.

¹³⁹ Монофизитство (V) — еретическое учение, приведшее к отделению от Православной Церкви Армянской, Коптской, Эфиопской и некоторых других Церквей.

¹⁴⁰ Иконоборчество (VIII–IX) — еретическое учение.

Много сложностей и противоречий в мятущейся душе интеллигента. Как разрешить их? Поверить Церкви. Церковь — это путь к стяжанию Духа Святого. Надо стяжать Дух Святой как видимое и вечное сокровище. Только в преображении человека через благодать исчезают сомнения и противоречия, человеку открывается истина, причем не только как сумма интеллектуальных знаний, а истина как жизнь, которую человек видит и которую ощущает всем существом. Церковь имеет неоспоримое доказательство истины: это — сама благодать Духа Святого, пребывающая в ней, Церкви.

Интеллигенция часто упрекает Церковь за ее приверженность к древним богослужебным языкам и расценивает это как литургический анахронизм и затянувшийся конфликт с действительностью. Но так ли это?

Почему Китай, страна древней культуры, и Япония, ставшая чудом технократической цивилизации, сохраняют системы иероглифов, которые включают в себя несколько десятков тысяч знаков? Эти иероглифические системы, возникшие на заре истории древних народов, бережно охраняются. Есть китайская поговорка: «Китаец смотрит двумя глазами там, где европеец — только одним». Китайский народ отличается прагматичностью и утилитаризмом, японский — смелостью решений и твердостью воли в их осуществлении. И эти государства и не думают заменять иероглифическое письмо, требующее нескольких лет для изучения, простым фонетическим алфавитом, в котором звуку соответствует буква.

Японию нельзя упрекнуть в косности, а Китай — в социальной близорукости. Дело в том, что эти народы по-настоящему культурны и понимают, что подобная реформа означала бы для них разрыв со своей историей и образование нового менталитета. Такая модернизация или, если угодно, европеизация лишила бы два великих народа их культурных сокровищ, сделала бы недоступной для них не только классическую литературу и поэзию, но и все искусство. Это значило бы уничтожить свое прошлое одним ударом, как срезают цветок подсолнуха одним движением ножа.

Китай и Япония идут на определенные жертвы, чтобы сохранить национальное лицо, чтобы сберечь свои традиции, чтобы не стать в культурном отношении международными нищими. Этот кажущийся консерватизм является, скорее — духовным аристократизмом. Вообще, традиция — понятие аристократическое: чем благороднее человек, тем более он дорожит своим прошлым, своими родовыми обычаями, своей фамилией. Для босяка нет традиции.

Хранителем христианской традиции была Церковь, самая жизнь которой приняла твердые формы. Иначе Церковь не могла бы сохранить истину, данную ей от Апостолов. Народ в биологическом отношении похож на реку, в которую вливаются все новые реки и от которой берут начало протоки и каналы. Но существует и нечто постоянное: это — само русло. Таким руслом являются культура и традиции народа и религия как формообразующая сила. Важными константами национального единства, не только в географическом пространстве, но и в историческом процессе, являются язык и письмо. Секуляризация сознания и ослабление традиции приводят к реформам письма и к искажению языка. Перемена или реформы алфавита и деградация языка обычно происходят вместе с историческими потрясениями и духовным упадком. В России это имело место во времена Петра I и Ленина. Но и в последние годы язык наш стал ухудшаться с небывалой быстротой. Газеты, журналы, радио и телевидение говорят с нами каким-то пошлым, искаленным «языком», похожим на базарный жаргон. Люди стали терять литературный язык, он уже кажется чуть ли не устаревшим. А ведь «расцвет» жаргона свидетельствует о потере интеллектуальности, если угодно, интеллигентности интеллигенции, и внедрение жаргона в язык народа есть не только следствие исторических потрясений, но и одна из причин, ускоряющих сам этот процесс.

Содержание рождает форму. Но форма — это не мертвая оболочка, а фактор сохранения самого содержания. Они взаимодействуют друг с другом. Теперь нам предлагают отказаться от родного языка того периода, когда он достиг своего расцвета, и

отказаться потому, что он якобы стал непонятным. Произведения, на которых воспитывались наши предки, преподаются в сокращенных переводах-пересказах, имеющих обзорный характер. Странно, что интеллигенция, которая должна быть так чутка к красоте слова, готова жертвовать этой красотой ради того, чтобы древний текст «легче пелся»; но на самом деле текст становится еще более непонятным, потому что такой перевод-пересказ делает текст плоским и опошляет его. В переводе дух произведения исчезает — остается только его бледная тень. Если этот процесс не будет приостановлен, если древний наш язык перестанет звучать уже и в наших университетах, то, значит — мы похороним нашу культуру, то есть мы станем другим народом. Странно, что наша интеллигенция вдруг застыла, как бы загипнотизированная, перед словом *прогресс*. Ей кажется, что необходимо сломать старое, чтобы построить новое. Некоторые представляют прогресс в виде движущегося экспресса, за которым надо бежать изо всех сил, скинув обувь и сверкая голыми пятками...

Итак, интеллигенция упрекает Церковь за ее приверженность к древним богослужебным языкам, однако следует заметить, что между древними и новыми языками, при известной близости лексики, существует качественное различие в синтаксисе и, так сказать, в самом «духе». Древние языки чрезвычайно образны и динамичны. Они похожи на мощное пламя; их грамматический строй более сложен и в то же время более совершенен. Глагольные формы поражают своим богатством. В каждой фразе — внутренняя экспрессия, порыв и движение, как будто бы фраза имеет крылья, как будто бы каждый звук — в полете.

Древние языки обладают особой внутренней глубиной, древние языки лаконичны: чтобы современным языком постараться адекватно выразить некую реалию, нужно гораздо больше слов, чем в древнем языке, причем фраза, получаясь громоздкой и неуклюжей, все равно остается обедненной в семантическом плане. Современный лексикон увеличился за счет варваризмов, которые приходят из других языков, а значит — связаны с менталитетом других народов, а также с техникой и наукой, хотя, между прочим, в русском языке существуют аналоги многих варваризмов, но о них как будто забывают.

Современное мышление аналитично, поэтому современные языки более приспособлены к такому же дробному и фрагментарному мышлению. Древнее мышление более синтетично, поэтому древние языки отличаются большей внутренней цельностью и глубиной выражения. Сохранить язык — это значит: сохранить способность не только знать историю, но также и говорить со своей историей на одном языке.

Кстати сказать, и язык древнего искусства — это, прежде всего, образное мышление. «Перевести» его на современный язык адекватно невозможно: все равно что цветную картину попробовать воссоздать простым карандашом.

Все сказанное в еще большей степени относится к языку, употребляемому в Церкви. Замена литургического языка современным языком будет означать реформу богослужения и дальнейшую десакрализацию Церкви. Нарушается автономия Церкви, которая имеет право осуществлять свою особую миссию в своих особых, традиционных формах, включая язык, календарь, иконопись и так далее. Сам ритм церковных гимнов изменится, когда будет изменен синтаксис древнего языка. Церковная гимнография — это особый вид священной поэзии, а поэзию адекватно перевести невозможно. То же будет и с литургией — нам навяжут новый ритм и новое дыхание, которое будет иметь мало общего с ритмом молитвы.

Наша интеллигенция, напомним, воспитана на принципах эволюционизма и поэтому считает, что новое обязательно будет лучше старого: наша интеллигенция больше ломает, чем созидает. Нужно отметить, что призывы заменить древний язык современным чаще всего исходят от людей, мало включенных в церковную жизнь; эти люди еще сами не вошли в храм, а уже хотят указывать, какой предмет там оставить, какой переменить, а какой вынести. Но любовь к переделкам, к модернизациям часто оказывается самым

банальным хамством по отношению к собственной истории. Неужели еще при нашей жизни мы услышим в православных храмах богослужение на языке эсперанто, богослужение, проводимое «во имя единства и прогресса»?!

Христос распялся за наши грехи. Мы не можем возложить ответственность за это злодеяние на какой-либо народ или сословие. Христа распяли грехи всего человечества. Однако мы видим некоторую закономерность. Христа предала на смерть интеллигенция: иудейская интеллигенция в лице ее представителей — книжников, фарисеев и храмового жречества и языческая интеллигенция в лице прокуратора Иудеи — Понтия Пилата. Именно интеллигенция бросила ферменты зла в гущу народа, который в Иерусалиме кричал: *распи, распни Его!* (Лк. 23, 21), а на улицах Рима: «*Christianos ad leonem!*» («Христиан — ко льву!»). Последние дни земной жизни Спасителя сопровождает цепь предательств, но они повторялись и в последующем, они совершаются и в настоящее время.

Первое предательство — первосвященника Каиафы, который заявил, что Христос губит народ и поэтому достоин смерти. Современные каиафы пытаются доказать, что Православие является преградой для цивилизации и прогресса, что оно способствует косности и невежеству нации, что оно отрывает народ от культурных центров мира и ведет страну к изоляционизму и застою, поэтому оно должно быть уничтожено; их приговор, как перифраз слов Каиафы (см.: Ин. 11, 50), звучит так: «Пусть лучше будет уничтожена Церковь, чем погибнет народ». Впрочем, некоторые каиафы предлагают не распятие Церкви путем гонений, а искажение ее учения, тогда от Православия останется только одно имя. Лжемессий не распинают.

Второе предательство — это предательство Иуды. Он был рядом со Христом, слышал Его учение, видел знамения и чудеса, но не очистил свое сердце от страстей, не умертвил этих внутренних чудовищ, которые терзали его душу, поэтому потерял благодать апостольства и продал Христа.

Мир предлагает плату — возможность удовлетворить свои страсти, и человек, уже познавший христианство, меняет благодать на чувственные наслаждения. Это — тридцать сребреников, за которые Иуда продает Христа. Впрочем, не только чувственные наслаждения, но и тонкие душевные страсти могут сделать человека, одержимого ими, предателем Христа, предателем своей веры.

Затем следует предательство лжесвидетелей, нанятых синедрионом, которые на суде у Анны (см.: Ин. 18, 13–24) старались извратить слова Христа в угоду своим работодателям. Сколько интеллигентов клеветало и клеветает на Церковь, извращая ее учение, как по собственной неприязни к Православию, так и по «спецзаказу»! Это — лжесвидетели продолжающегося суда над Христом, который ведется, тайно или явно, в течение двухтысячелетней истории Церкви.

Далее — предательство Пилата, который как судья должен был добиваться истины и судить по справедливости, но на самом деле боялся истины; Пилат спрашивает Христа и выходит из комнаты, не дождавшись ответа. Истины для Пилата не существует, он скептик и агностик¹⁴¹.

Как часто люди, которые вроде бы являются элитой народа, прячутся от истины под покровом философского агностицизма! Они говорят, что истина недоступна для человека, хотя истина — рядом. Так Христос — Живая Истина — стоял перед Пилатом. Но эти люди не знают истины, потому что не хотят ее знать. Место истины у Пилата занимали мощь Римской империи, воля цезаря и тому подобное. Если не существует истины, то справедливость и правосудие приносятся в жертву пользе: полезно убить Христа, чтобы успокоить толпу, полезно убить Христа, чтобы избежать возможного гнева цезаря. Здесь Пилат выступает как прагматик.

Итак, Пилат выходит из комнаты, не дождавшись ответа от Христа. Так поступают те, кто на словах спрашивают, что есть истина, но, не желая услышать ответа от Церкви,

¹⁴¹ *Агностицизм* — учение о непознаваемости того, что находится за границами опыта.

не желая вникнуть в суть Православия, отворачиваются от истины, как будто вопрос уже решен. Предательство судьи — это страх перед цезарем. Пилат страшится человека больше, чем Бога, и осуждает Невинного на смерть. Так поступают те, кто из-за боязни князя этого мира страшатся жить наперекор стихиям мира, страшатся по-христиански мыслить и поступать, страшатся быть гонимыми. Они могут называть себя христианами, но не решаются быть ими на самом деле. Пилат отдает Христа на распятие. Так грешат те, кто заставляют молчать свою совесть и этим убивают и распинают Христа, мистически живущего после крещения в душе человека.

И последнее предательство — это второй грех Иуды, который совершил самоубийство. Это — состояние сердечного окаменения, когда человек чувствует, что он духовно погибает, но только озлобляется от этого и предпочитает лучше быть с демоном, чем принести покаяние. Отчаяние не может надеяться, гордость не может просить.

Как интеллигенция защищает себя от веры в Бога?

Ее аргументы удивительно похожи на «блестящие» доказательства Остапа Бендера, которые тот привел в «историческом» споре с ксендзами. Эти доводы можно разделить на:

- н а у ч н ы е;
- и с т о р и ч е с к и е;
- п с и х о л о г и ч е с к и е.

«Н а у ч н ы е» доводы были кристаллизованы Остапом Бендером в таких словах: «Бога нет!.. Нету, нету... и никогда не было. Это медицинский факт...»¹⁴². Около этих слов, как около стержня, накручены все остальные научные доказательства атеистической пропаганды. Интеллигенция среднего калибра уверовала в науку с каким-то особенным религиозным рвением. Что такое наука, — она вряд ли сможет правильно сформулировать, но это слово ассоциируется у нее (интеллигенции) с космическими полетами, с вакцинами против чумы, с компьютерами и так далее. Поэтому «наука доказала» принимается интеллигентом без всякого рассуждения — на веру. Для интеллигенции это конечная инстанция истины, как для пифагорейцев¹⁴³ слова: «Он (Пифагор) сказал...».

Однако наука — это вовсе не фактология. Наука — это нахождение закономерностей, которые можно подтвердить в эксперименте (эмпирионауке, которая вовсе ничего не доказывает), и научная теория, которая основана на гипотезах, то есть предположениях. На основе одних и тех же фактов можно строить различные гипотезы; кроме того, при накоплении этих фактов, гипотезы нуждаются в коррекциях и заменах, поэтому различные теории — область предположений и интеллектуальных гаданий, в которых несомненно только одно: со временем они будут отброшены или изменены.

Вопросами причин и цели бытия занимается не наука, изучающая процессы, а философия. Если философия претендует на научность, то это значит, что она привязывает себя к современным ей проходящим теориям и мыслит в постоянно меняющихся категориях.

Если все-таки спросить интеллигента, что такое наука, то он, в лучшем случае, ответит: «Это — сплав всех человеческих знаний», — но так как знание, абстрагированное от фактов, гипотетично, то синтез недостоверностей не может дать достоверное; да и на уровне человеческого интеллекта он просто невозможен. Более того, когда определенные эмпирические сведения из антропологии, биологии, космологии вкладывали в компьютер, чтобы тот ответил, могут ли мир и жизнь произойти сами собой, то ответ был однозначно отрицательным. Компьютеры высказывались за первичную «информацию (план)», а затем за ее осуществление в формообразованиях, а не наоборот. Так что аргумент «наука доказала» доказывает только одно: интеллектуальный уровень Остапа Бендера.

¹⁴² Ильф И., Петров Е. Золотой теленок // Собр. соч.: В 5 т. М., 1961. Т. 2. С. 198.

¹⁴³ Пифагореизм — направление в древнегреческой философии. Основатель — Пифагор (VI до Р.Х.) — древнегреческий философ и математик.

К «научным» доказательствам можно также отнести перечисление латинских исключений, которыми Остап Бендер поразил своих слушателей¹⁴⁴. Иногда приходится быть свидетелем, как вовсе не глупый человек начинает в виде аргумента называть элементы атома, затем приплывает сюда же частицу,— нейтрино, и торжествующе смотрит на собеседника, как будто этим доказал, что, раз существует электрон, Бога существовать не может. Некоторые интеллигенты говорят: «Если наука пока еще не может дать ответа на метафизические вопросы, то у нас уже есть ключ к ним — это научная методология». В общем, как у Андрея Белого¹⁴⁵:

На робкий роковой вопрос

Отвечает философ этот,

Почесывая бледный нос,

Что истина, что правда... — метод¹⁴⁶.

Но какое отношение имеет к мировоззрению метод, который пока не дал ничего устойчивого? Это все равно что сказать: «Хотя пули летят мимо, зато у нас есть прицел, так что все в порядке».

Но дело в том, что единого научного метода не существует. У каждого исследователя своя методология, а некоторые научные открытия могут показаться парадоксальными. Если методология связана с формальной логикой, то ее еще можно как-то увязать с классической физикой Исаака Ньютона¹⁴⁷, но она, логика, уже дает осечку в «принципе дополнительности» Нильса Бора¹⁴⁸ и перестает действовать в теории относительности Альберта Эйнштейна¹⁴⁹, с ее безграничным релятивизмом.

...Если лихая кавалерийская атака не увенчалась успехом и перечисление, например, латинских исключений не ошеломило слушателей, то интеллигент (а в «Золотом теленке» Остап) переходит к следующему, «и с т о р и ч е с к о м у» (историко-лирическому), аргументу: ксендзы-де Галилео Галилея¹⁵⁰ преследовали (что крайне испугало впечатлительного Козлевича¹⁵¹). Поэтому-то интеллигент обычно говорит в таком роде: «Это они нарочно притворяются верующими, но если им дать власть, то они всех нас сожгут». И тут же, для большей убедительности, приводят один или два анекдота из «Декамерона» или из жизнеописания Александра Борджиа¹⁵². Если же интеллигенту скажут, что религия — это, прежде всего, идея, в которую должен быть включен человек, что люди, совершавшие преступления, были недостаточно подготовлены к своей миссии, что они поступали вопреки самой религии и что непорядочно забывать о героях и подвижниках веры, обращая внимание только на грех лицемерия, что если уж говорить о наказаниях и инквизиции, то следует вспомнить о преступлениях, которые совершали атеисты (число жертв атеизма за несколько десятилетий XX столетия едва не превысило число жертв всего Средневековья), а срывы в насилие и жестокость — это следствие непобежденного греха гордыни, а вовсе не следствие религии... Так вот, когда все это скажут интеллигенту, тогда у интеллигента появляется третий и последний, «п с и х о л о г и ч е с к и й», аргумент. Но это уже аргумент не Остапа Бендера, а его друга Козлевича: если Бога нету, то выпьем¹⁵³. Этот аргумент — самый убедительный. «Зачем я должен в чем-то ограничивать себя? — думает интеллигент.— Зачем я должен испытывать угрызения совести, преступая нравственные законы. Если Бога нет, то эти законы

¹⁴⁴ См.: Ильф И., Петров Е. Цит. соч. С. 198.

¹⁴⁵ Белый А. (Борис Николаевич Бугаев) (1880–1934) — русский писатель и поэт.

¹⁴⁶ Белый А. Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1966. С. 304.

¹⁴⁷ Ньютон И. (1643–1727) — английский математик, астроном и физик.

¹⁴⁸ Бор Н. (1885–1962) — датский физик. Нобелевская премия (1922).

¹⁴⁹ Эйнштейн А. (1879–1955) — немецкий физик. Нобелевская премия (1921).

¹⁵⁰ Галилей Г. (1564–1642) — итальянский физик и астроном.

¹⁵¹ См.: Ильф И., Петров Е. Цит. соч. С. 200.

¹⁵² Борджиа А. (Родриго Борджиа) (1431–1503) — папа Римский Александр VI.

¹⁵³ См.: Ильф И., Петров Е. Цит. соч. С. 201.

условны. Если Бога нет, то, значит — мне все дозволено, поэтому, если Бога нет, будем есть, пить и веселиться...».

Впрочем, то, что мы сказали, относится скорее к полуинтеллигенции, чем к интеллигенции, то есть относится к тем, кто считает, что все вопросы уже полностью и окончательно решены, кто настолько бескультурен, что постоянно и восхищенно твердит о своей культуре.

Многие философы отмечали, что интеллигенция по духу своему революционна, но как-то особенно революционна, как будто исполняет некий религиозный долг, она протестует с каким-то мистическим энтузиазмом,— будь то перестрелка на баррикадах или беседы в тесном кругу друзей. Нам кажется, что гуманизм, пока он не слился с либерализмом и не стал постепенно поглощаться последним, представлял собой теорию перманентной революции. В гуманизме вера в человека как в высшую ценность входит в драматическое противоречие с той ситуацией, с теми условиями, в которых оказывается человечество на протяжении всего своего исторического бытия. Жестокость, несправедливость, обман, бесправие и насилие, царящие в жизни, вызывают не только чувство сострадания, но и, в еще большей степени, протест, из которого вытекает желание — даже путем жертв — превратить жизнь человека и человечества из трагедии в счастливую сказку. Гуманизм, повторимся, отрицает внутреннюю наследственную испорченность человека, из-за которой грех сделался свойством земного бытия. Гуманизм ищет причину зла во внешних ситуациях. Поэтому протест гуманизма направлен против Бога и против социального строя. При этом протест против Бога обычно кончается атеизмом (часто его внешней формой — агностицизмом) или пантеизмом, который не признает личного Бога,— Промыслителя мира, к Кому гуманист питает органическую вражду.

Характерно, что хотя Французскую и Октябрьскую революции подготовила интеллигенция, по крайней мере она активно участвовала в электризации революционными идеями народа, но затем она сама стала жертвой этих революций. Она сделала свое дело, а затем оказалась опасной для революционных диктаторов. Поэтому постреволюционные правительства подвергали репрессиям интеллигенцию именно как перманентно-революционное «беспокойное» сословие.

Гуманизм — это любовь к человеку, но любовь чересчур программно декларированная, любовь к абстрактному, идеализированному человеку, любовь, обреченная на разочарование. Гуманизм оторвал человека от Бога — источника любви. Гуманизм сделал человека слепым, закрыл от него его собственную красоту, как образа и подобия Божия. Гуманизм отверг Бога как «несправедливого властителя мира», но рано или поздно он должен был, переходя, как мы уже говорили, в эгоизм, отвергнуть и человека, сказав: «Какая же это дрянь!».

Сама интеллигенция ужаснулась революции, которую она вырастила; так ужасается маг, вызвавший демонов из темных недр земли, так ужасается женщина, родившая вместо ребенка монстра, так ужасаются дети, которые, играя с огнем, нечаянно подожгли собственный дом. Христианство дало человечеству могучий импульс любви. И любовь еще жила в постхристианской культуре, но постепенно инерция ее ослабевала, пока совсем не исчезла: у интеллигенции оставался только протест против зла, но без какой бы то ни было любви к человеку, причем протест уже не во имя счастья человека, а во имя его свободы, точнее — собственной свободы интеллигента, которая все больше приходила в столкновение с моралью. Так произошла ассимиляция гуманизма с либерализмом. И так началась агония интеллигенции: она ищет выхода в декадентстве¹⁵⁴. Но это только пошло красивые театральные маски на отвратительном лице порока, это только золотистая парча, в которую завернут труп.

¹⁵⁴ *Декадентство (вт. пол. XIX — нач. XX)* — широко распространенное в европейской литературе и искусстве настроение декадана, «упадка», вызванное началом общего кризиса традиционных христианских ценностей.

Либерализм и любовь несовместимы друг с другом: нельзя любить похожее на мусорный ящик отвратительное существо, погрязшее в разврате, нельзя любить циничную душу, для которой нет ничего святого, кроме ненасытной жажды наслаждений. Отсюда начинается новый этап потери любви и дружбы (даже простой коллегиальной солидарности) — эмоциональное охлаждение, которое становится психологической катастрофой современности. «Зачем бороться или чем-то жертвовать ради двуногих поросят, которым ничего не надо, кроме лужи? Не лучше ли жить для самого себя?».

Гуманизм начался с бездуховности, а кончился бездушием. Отказавшись от Бога, он перекрыл источник. Вода не могла долго сохраниться в русле: на месте потока появилось сначала болото, затем лужа, а затем и сухое каменное дно.

Сейчас мы живем в атмосфере внутреннего изоляционизма, в атмосфере полного отчуждения друг от друга. Интеллигенты превращаются в бомжей или дельцов, причем бомжи — лучшая часть интеллигенции, которая понимает, что она никому не нужна, что она вымирает, как мамонты во время наступления ледников. Метаморфоза-превращение другой части интеллигенции в дельцов политических и торговых коснулась худшей ее части, которая стала похожа на беженцев: вот они, побросав свои дома и имущество, бегут от наступающего врага, имя коего — нужда, бегут куда глаза глядят. И наступает следующий виток падения.

В античные времена человек ассоциировался с его разумом. В человеке уважали его ум, его знания и умение философски мыслить. Христос раскрыл человеческое сердце. Христианство — это религия сердца. Рассудок подобен холодному свету, а любовь — огню. Гуманизм, по сути дела, лишил человека духовного сердца, место сердца занял желудок, воспеваемый различными социально-экономическими теориями. Либерализм опустил человека еще ниже. И интеллигенция, агонизируя, расчистила путь для духовных потомков — железных ящеров, с узким лбом и твердой, непроницаемой чешуей. Если бы у этих ящеров имелись сыновние чувства, то они назвали бы интеллигенцию своим заботливым родителем, который, сам того не желая, и родил и взрастил их. Но ящерам нет дела ни до Бога, ни до истины. Для них эквивалент силы и счастья — деньги. Они смотрят на мир глазами игроков, для них такие слова, как *любовь* и *правда*, — безнадежные анахронизмы.

Интеллигенция убила Бога в сердце человека, а значит — убила и человека, убила и самое себя. Поэтому мир, который стал холоден, как пустынные космические пространства, мир, который населяют теперь монстры в облике людей, — это реальность тех утопий, которыми интеллигенция обманывала себя и других на протяжении столетий. Интеллигенция писала книгу красочных утопий, но слова этой книги превращались в кровавые буквы апокалипсиса.

Нигилизм и цинизм — это предпоследние звенья в борьбе с христианством. А уж за ними выступает та сила, которую мы назвали сатанизмом, — религия зла и бездушия, претендующая на роль всемирной религии.

Античные философы, в том числе неоплатоники¹⁵⁵, рассматривали зло и грех как оскудение и недостаточность добра. Хотя язычники верили в существование и добрых, и злых духов, но эта нескончаемая вереница почитаемых язычниками божеств была общей семьей. Зло являлось, скорее — внешней, разрушительной силой, которая нарушает гармонию природы. Но личностного зла, воплощением и источником которого стал сатана, и темных глубин греха, таящихся в сердце человека, ум самых великих античных философов не мог себе представить и понять. Поэтому в борьбе против зла они оказывались бессильными и как бы слепыми, как перед врагом, захватившим потаенные обители их собственной души. Говорят, что над воротами Дельф было написано: «Познай

¹⁵⁵ *Неоплатонизм (III–VI)* — направление в древнегреческой философии.

самого себя»¹⁵⁶, — но этот призыв так и остался невыполненным: познать истину можно только через Откровение, а глубины души, похожие на преддверие ада, — через благодать. Философы смогли дойти до самого поверхностного, самого неполного определения греха — как недостатка добра. Впрочем, здесь следствие спутано с причиной. Именно грех явился действенной силой, изгоняющей добро, свойственное человеку до грехопадения, из его души. Не зло является следствием недостатка и оскудения добра, а само оскудение произошло из-за действия олицетворявшего зла. И только христианство открыло нам трагическую картину борьбы человеческой души с космическим всепронизывающим злом. Оно показало зло как реальную силу, как сатанинскую энергию, а источник зла — как живую личность павшего первоангела, который борется с Богом в человеческом сердце.

Человеческая душа по природе добра, но мы получили не ее первозданную природу, а искаженную, испорченную, проеденную грехом и тяготеющую к греху. Наша душа — образ Божий, полюбивший демона, и в этом страшный внутренний трагизм человеческой души. Грех — не простая ошибка. Сравнительно редко случается, когда человек делает грех по ошибке. В нас живет совесть, которая как бы посылает в наше сознание безмолвные сигналы тревоги, предупреждает нас. Но зло чарует, пленяет человека, обманывает его, и человек совершает грех из-за ложной сладости греха, которая тут же превращается в горечь. И что самое страшное, человек не учится на собственных грехах, а наоборот, ищет каких-то необычайных ощущений в еще больших глубинах новых грехов.

Прародительский грех — это действующая динамическая сила. Он проявляется не после образования человеческого существа, а уже в процессе его образования. У эмбриона еще нет головного мозга и сердца, но грех уже вошел в него и отравил его существо. Первородный грех содержит в себе «программу» всех грехов, поэтому человек в своей греховной природе действительно грешен во всем. В нем отражены грехи всего человечества так, как море отражается в каждой капле своей воды. Некоторые считают, что в человеке грех существует потенциально и проявляется только при определенных обстоятельствах. Но это не так: он активно действует в темных недрах человеческой души, но мы фиксируем его только тогда, когда он проявляется в виде помыслов и греховных образов в области нашего сознания. Так и ядовитую змею мы можем заметить только тогда, когда она высовывает из своей норы голову наружу и шипит на нас.

Грех внедрился в нашу душу, стал как бы ее свойством и поэтому требует себе пищи. Если грех был бы чужд человеку, то человек, однажды испытав его горечь, боялся бы его, как боится змеи и инстинктивно обходит ее стороной. Но человек забывает о демонической мощи греха и возвращается к нему снова. Однако существует и еще одна сторона греха: когда человек сознательно, через грех, общается с сатаной: на этом основаны ритуалы черной магии.

В чем, например, пленяющая сила поэзии Шарля Бодлера¹⁵⁷ и Артюра Рембо¹⁵⁸? В их сатанизме. Почему интеллигенция так жадно читает Жориса Карла Гюисманса¹⁵⁹ и Валерия Брюсова¹⁶⁰ («Огненный ангел»¹⁶¹)? Потому что интеллигенция хочет постичь секреты магии или по крайней мере подышать одним воздухом с сатаной. Почему Блок был назван Галактионом Табидзе¹⁶² «королем» поэтов? Потому что в скрытых символах его поэзии (которых большинство не понимает, но, какими-то подсознательными ассоциациями, чувствует) явлен дух богоборчества, одновременно лиричного и

¹⁵⁶ На фронтоне храма Аполлона в Дельфах было начертано: Γνώθι σεαυτόν. Изречение приписывается древнегреческому философу Фалесу (ок. 625 — ок. 547 до Р.Х.) (см.: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 75).

¹⁵⁷ Бодлер Ш. (1821–1867) — французский поэт.

¹⁵⁸ Рембо А. (1854–1891) — французский поэт.

¹⁵⁹ Гюисманс Ж.-К. (1848–1907) — французский писатель и критик.

¹⁶⁰ Брюсов В. (1873–1924) — русский писатель и поэт.

¹⁶¹ См., напр.: Брюсов В. Огненный ангел // Собр. соч.: В 7 т. М., 1974. Т. 4. С. 7–327.

¹⁶² Табидзе Г. (1892–1959) — грузинский поэт.

ожесточенного. Напомним: «Стихи о Прекрасной Даме» — это история отпадения души от Бога, это опустевший храм, в котором нет Христа. Вторым персонажем, после персонажа первого — одинокой души, «падшей звезды», выступает уличный паяц — раскрашенный клоун, который олицетворяет собой насмешку над святыми. В стихотворении «Незнакомка» незнакомка — «Прекрасная Дама», «падшая звезда» — появляется в кабаке среди пьяной толпы. Некоторые считают названное стихотворение «бессмертной балладой», однако перед нами — мистическое обручение души с сатаной. Последние, заключительные слова этой мистериальной «баллады»: «Истина — в вине»¹⁶³, то есть истина — в грехе. Наши романтически настроенные интеллигенты хотят видеть в этом стихотворении нечто возвышенное, но его смысл лучше всех поняли «ночные феи» Петрограда, которые обращались к прохожим со словами: «Я — “незнакомка”, хотите, познакомимся». В другой раз душа предстает в образе цыганки Фаины, которая своей бешеной пляской «заслонила... всех подруг»¹⁶⁴. В драме «Роза и Крест» верность и честь изображены в виде уродливого рыцаря Бертрана, который защищает «Даму», распутницу-изменницу: рыцарь стоит на страже, когда «Дама» совершает разврат, и умирает, защищая своей грудью чужой грех¹⁶⁵. Стихи «Арфы и скрипки» — это агония Блока как поэта и как человека. После поэтической «клинической смерти», продолжавшейся несколько лет, его талант снова вспыхнул демоническим светом в поэме «Двенадцать», которая, как мы уже говорили, представляет собой розенкрейцерскую мистерию, разыгранную в снежной ночи Петрограда. Пьяную ватагу красногвардейцев, забрызганных кровью, возглавляет Люцифер в образе Христа. По розенкрейцерскому учению, Люцифер должен занять место Христа. Этому падшему ангелу — тайно и явно — всю жизнь служил Блок, стихи поэта заставляли как бы эхом звучать люциферианские струны в глубинах человеческой души.

Сатанизм — это безумие. Сатана — это не только воплощенный грех, но и первый безумец. И Блок отразил падение человеческой души не только своими стихами, но и самой своей жизнью.

Как легко человек отдается страстям и греху и как легко оправдывает себя! Потому что человек считает грех ошибкой, извинительной слабостью, недоразумением, вроде какой-то неудачной загородной прогулки, после которой, впрочем, можно спокойно возвращаться домой. Человек не видит метафизического лица греха, а ведь это — лицо сатаны. Падший ангел предстоит человеческой душе, он действует на нее своим мрачным обаянием, своей чарующей песней, но это — песня смерти. Некоторые склонны думать, что грех — это страстное стремление к наслаждениям, когда душа за секунду греха готова отдать вечность. Но это не совсем так. Многие грехи не сопряжены ни с каким наслаждением, и именно там проявляет себя любовь ко злу, если не считать, правда, что для плененной демоном души богоборчество и осквернение святыни — тоже наслаждение, но другого свойства. Это наслаждение — ненависть к Богу и стремление через попрание всех заповедей и через оплевание святынь приобрести хоть какую-то свободу. Все ритуалы черной магии и сатанинских сборищ содержат в себе изощренный грех — грешить ради сатаны — и желание приблизиться к сатане, стать как бы одним духом с ним. Грех — это иллюзия счастья, грех — это включенность в мир порочного воображения и фантазии. Наша интеллигенция живет в мире своего воображения. Страсти интеллигенция, как мы уже отмечали, считает разноцветными красками палитры, которыми она рисует собственную картину жизни, легко впадая в тайный демонизм.

Для античных философов и большинства наших современников грех — это только «что» (поступок, потеря, состояние и так далее). Но есть живое сердце греха, это — «кто», это — личность, это — сатана. Не «что», а «кто» борется с нашей душой, с ним мы входим в общение и приобщаемся его смертоносной, похожей на разрушительную радиацию, энергии.

¹⁶³ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 186.

¹⁶⁴ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 254.

¹⁶⁵ См.: Там же. Т. 4. С. 245.

Чтобы бороться с грехом, надо ненавидеть не только «что», но и «кого», надо ненавидеть и личность, точнее — индивидуальность сатаны. Но для победы над грехом необходимо еще одно условие, может быть главное. Сатана сильнее человека, в единоборстве с ним человек будет побежден. Личность может победить только другая личность, поэтому наша победа — дать в сердце место Христу — Победителю смерти и ада.

В понятии о личности как воплощении и источнике добра и зла содержится тайна вечной жизни и вечной смерти. Вечная жизнь — это выбор добра, как Личности Христа, единство с Ним в любви и приобщение через Него бесконечных, Божественных совершенств. Не что иное, как Личность Христа — Предвечного Бога, открывает человеку вечную жизнь, включает человека в царство света, делает его самого лучом этого света. И напротив, выбор греха — это приобщение к олицетворению и источнику греха — сатане.

Грех имеет свою метафизическую и мистическую сторону — это любовь души к сатане, любовь блудная, несчастная и мучительная, но любовь личностная, которая уподобляет и единит. Если бы грех был только «что» — суммой поступков, а геенна — юридическим наказанием за эти поступки, то было бы непонятно, как за временное можно карать вечным. Но грех — это «кто», поэтому человек через грех делает выбор: он вяжет себя своей роковой нерасторгнутой любовью с сатаной. Любовь уподобляет. Человек становится демоноподобным. Сатана — это море ненависти к Богу. Грешник пьет воду, текущую в вечную смерть, из этого темного источника. Грешник иногда явно, а чаще всего скрытно от самого себя ненавидит Бога. В вечности эта ненависть будет раскрываться, то есть делаться все более глубокой и интенсивной. Грешник в благом уделе вечности не может оказаться уже потому, что он стал через свою порочную любовь частицей сатаны.

Любовь души ко Христу сильнее смерти, так как Им побеждена смерть. Любовь души к диаволу — это победа смерти, так как сатана первым умер для Бога и дает тем, кто любит его, то, что имеет, — смерть.

Тайна вечности заключается в том, что мы выбираем добро и зло как личностную любовь. Вечность — это, прежде всего, ответ души на вопрос, с кем быть. Не преобладанием добрых дел или грехов, в результате их сложения-вычитания, решается участь человека, напротив, участь человека зависит от того, чей образ воцарился в его сердце.

Впрочем, многих смущает один вопрос: если вера или неверие зависят от состояния человеческого сердца, в котором суммируются все желания, слова и поступки человека, то почему люди, которых можно назвать благородными по своему характеру, добрыми по своей натуре и которые нередко обладают выдающимися знаниями, часто оказываются атеистами или по меньшей мере индифферентными к вере. Такие люди являются людьми вполне порядочными и подчас даже кажутся нам «христианами без Христа». Для многих здесь какой-то психологический парадокс.

На это следует заметить, что гордость многогранна. Есть мирская гордость: это превозношение, чванство, высокомерие. Есть духовная гордость: это отвержение помощи Божьей. Но существует еще и другая: тонкая интеллектуальная гордость, которую так же трудно увидеть, как и муравья, ползущего в траве. Эта скрытая, тайная гордость, как яд без запаха и цвета, отравляет душу человека. Приведем такой пример. В интеллигентной семье растет дитя — предмет попечения и радости родителей. В нем стараются воспитать чувство доброты не только к людям, но и к животным. Родители с раннего возраста обучают ребенка чтению, восхищаются, когда он декламирует классиков, и всячески поощряют его успехи. Ребенок выделяется среди своих сверстников, и в нем зарождается чувство умственного превосходства. Родители считают, что похвала — это стимул для усидчивых занятий, и сами внушают своему чаду мысль, что он не такой, как остальные. Вот тут-то и начинается «работать» тайная страсть тщеславия. Ребенку нужны лидерство, удивление и похвала. Это становится для него допингом. Дитя хочет знать все, но это

нереально, поэтому его знания поневоле становятся фрагментарными и хаотичными: он просто собирает информацию как огромную коллекцию фактов, даже не пытаясь по возможности, осмыслить ее. В сущности, глубокое мышление обрекает человека на внутреннее одиночество, оно не может быть предметом восхищения. Чем примитивнее мыслит человек, тем он более популярен среди окружающих.

Главные вопросы бытия требуют времени и размышления, и при этом они мало кого интересуют. А фейерверк слов и пустых идей пленяет внимание людей, хотя, как и всякий фейерверк, быстро гаснет, не оставляя следа. Человек по-настоящему культурен только тогда, когда он видит свои знания маленьким островком в море неведомого. По-настоящему интеллигентен только такой человек, который понимает пределы своего рассудка, и тогда его мышление приобретает такие свойства, как смирение и осторожность. А гордый человек перестает понимать, как он мало знает, поэтому перестает искать. Гордость — это вид слепой веры. Гордец уверовал в свой рассудок, сделал из него идола, поклоняется этому идолу и приносит ему в жертву собственную душу. Бог — соперник этого идола, поэтому гордый человек будет до конца «защищаться» от Бога. Такой человек будет говорить о широкой веротерпимости, но при этом готов считать саму веру видом самовнушения, добровольного гипноза, которому подвергают себя люди. А он-де не намерен затемнять «ясность» своего мышления. Но что бросается в глаза, если присмотреться к гордецу повнимательнее, так это то, что его суждения поверхностны и непоследовательны, знания неглубоки, а мысли непродуманны. Экскурсы гордеца в историю похожи на анекдотофагию. И еще парадокс: чем важнее предмет, тем меньше гордец о нем знает. Он может рассказать о войне этрусков с римлянами, о путешествиях капитана Джеймса Кука¹⁶⁶, но сведения о философии он заимствует в справочниках и брошюрах, а знания о религии — из газетных статей. Вообще, метафизика кажется гордецу пустой схоластикой, но, как «культурный» человек, он не отказывается от метафизических споров, причем старается при этом держать себя весьма мягко и корректно.

Когда вопросы касаются религии, сдержанность гордеца несколько отступает, в глазах его могут мелькнуть огоньки раздражения, а на губах — саркастическая улыбка, но он стирает со своего лица это выражение, как школьник — резинкой рисунок на бумаге. Если гордеца спрашивают о какой-нибудь философско-богословской книге, вроде книг отца Павла Флоренского или Николая Лосского¹⁶⁷, считая, что он должен знать все выдающиеся произведения современности (это он и сам внушает своим друзьям), то он уклончиво отвечает: «Этот богослов не имел нужных знаний в области инженерной генетики». И что самое интересное, сам верит, что это точный и научный вывод из книги, которой он не читал. Впрочем, помимо слегка перелистанных им антирелигиозных брошюр, гордец почитывает любимую им мемуарную литературу, поэтому ему известны подробности о похождениях Александра Борджиа и «подвигах» инквизиции в Испании.

Такой человек может быть «по-своему» нравственным, может добросовестно исполнять работу, участвовать в общественных мероприятиях, может быть примерным семьянином (хотя измену жене не считает большим грехом) и заботливым отцом; даже в кругу близких себе людей он помнит, что он, прежде всего, джентльмен, поэтому не позволит себе оскорбить — прилюдно — супругу или наказать ребенка. В служебных делах он исключительно, как-то торжественно и демонстративно, честен, с начальством независим, к подчиненным снисходителен, но главное несчастье такого человека в том, что он не видит своей интеллектуальной и нравственной ограниченности, что ему органически претит мысль о собственных ошибках и грехах, а покаяние он увязывает с истеричностью и мазохизмом. Поэтому его порядочность есть проявление внешней этики. Внутренней жизни для него не существует. Меньше всего в мире гордец знает самого себя, то есть глубину своей души. В глубине души гордеца — занавес, который он не

¹⁶⁶ Кук Д. (1728–1779) — английский мореплаватель.

¹⁶⁷ Лосский Н. (1870–1965) — русский философ.

хочет и не может отдернуть. Убеждение в своей порядочности дает ему чувство самоуспокоенности. Он хоть и не осознает, но интуитивно понимает, что вера даст другую оценку его жизни, развеет его «богатства», как ветер рассеивает прах, что вера лишит его привычного для него интеллектуального и нравственного уюта. Поэтому гордец заранее принял все меры, чтобы защитить себя от Бога.

Такой человек хорошо знает мифологию Греции и Рима, но Библию, кроме разве что Книги Екклесиаста, не посчитал нужным даже прочитать, он верит, что Библия — это собрание «сказок». Однако гордец достаточно вежлив, чтобы сказать это верующему собеседнику, он выражается даже так: «Да, Библия — это выдающийся памятник литературы. Она оказала значительное влияние на развитие культуры, но у авторов Библии неправильная методология». Что гордец подразумевает под неправильной или правильной «методологией», неизвестно ему самому, но зато он сохраняет лицо. Не прочитав Библии, не коснувшись деталей, которые выдали бы его некомпетентность, гордец дает ответ, претендующий быть лаконичным итогом якобы произведенного гордецом исследования.

Опять парадокс! Почему для гордецов, для этих людей, обладающих значительной эрудицией и живущих если не в христианской, то в постхристианской стране, Библия и православное учение представляют собой какие-то белые пятна? Почему их мнение о Православии, сочиненное прямо на лету, — либо удивительное по невежеству и апломбу положение, либо же заученный в школе атеистический шаблон? Так почему? Ответ один: гордость не терпит соперников, Бог является врагом гордецов. Поэтому они старательно прячутся от того, что может им напомнить о Боге. Они просто боятся, что Бог есть! Впрочем, джентльмен должен быть снисходителен и веротерпим. Поэтому, пока его не трогают, он относится к религии индифферентно, даже считает, что вера приносит пользу простому народу, как сказки детям, но гордец не представляет, как он может встать перед кем-либо на колени. Для него это равносильно капитуляции, это как защитнику крепости выбросить белый флаг из окна.

Гордость ума — это змея, таящаяся в кустах роз; нектар цветов она превращает в яд.

Если мы захотим вкратце описать линию духовного пути такого человека, то должны будем отметить главное: его воспитатели не ставили перед гордецом самый главный вопрос, — вопрос о смысле человеческой жизни. Гордец глубоко не задумывался над таким феноменом, как смерть, над такой категорией, как вечность. Его ум с самого детства был парализован потоком информации. Его собственные способности, его любознательность и память стали ловушкой для него самого. Он привык к рафинированной пище, которую можно глотать не разжевывая. Его интеллектуальные успехи развили в нем чувство исключительности, а затем и соперничества и тщеславия. Гордец развивал свой ум, как борец развивает свои мышцы, но эти мышцы со временем «обросли» жиром. Тайное восхищение своими знаниями, своим умом постепенно переросло в страсть. Кстати, в гордеце воспитывали и эстетическое чувство, только не в христианском, а в языческом понимании этого слова, и это чувство превратилось в космофилию. Красота мира стала для гордеца исключительной и самодовлеющей. Он не задавался вопросами почему, откуда и зачем. Он твердо усвоил урок, что на «почему» нет ответа, что «почему» — это область иллюзий и мечтаний, которыми можно только забавляться. Гордеца учили уважать людей, быть добрым и сострадательным, но случилось так, что эти свойства неожиданно обратились против него: обильная информация сделала его ум простым «складом» знаний, она лишила его той пронизательности и дерзновения, которые помогают изучить поставленный вопрос до конца. Рано развитый эстетизм, сопряженный с чувственной страстностью, подавил мистическую интуицию, а нравственность, — не как внутреннее состояние, а как урок поведения, — превратилась в этикет джентльмена, который делает добро для поддержания чести джентльмена, а людей уважает, чтобы не уронить в их глазах достоинства джентльмена. С другой стороны, уроки доброты, которые такой человек получил в

детстве, уроки, не подкрепленные нужным смирением, привили ему и какую-то сентиментальность. А далее случилось так, что тщеславие, как момент красования перед восхищенной аудиторией, перешло в гордость, и человек стал «артистом для самого себя». Произошло самое страшное: человек потерял чувство реальности, позабыв о своей ограниченности, не понимая, что его жалкое счастье в оболочке «эго» — есть самое страшное несчастье, что чувство самодостаточности — есть самая большая потеря. Гордец религиозен «наизнанку», он обожествил свой ум, он в восторге от своей культуры, он удовлетворен своими знаниями, он не нуждается в Боге, он чуть ли не Пьер Симон Лаплас¹⁶⁸, который, рассказывая Наполеону I о своей теории происхождения Солнечной системы, заметил, что он не нуждался в гипотезе о существовании Бога. Гордец нашел успокоение в отчаянном убеждении, что Бога нет, только это убеждение — не горячего, а холодного отчаяния, которое гордец, впрочем, называет трезвостью ума. Если бы Христос явился ему, как Великому инквизитору у Достоевского, то гордец тоже сказал бы: «Уходи отсюда поскорее», — только сердце его не горело бы от поцелуя Христа, как сердце старого инквизитора¹⁶⁹. Гордец просто посчитал бы Христа пустым мечтателем, Который к тому же недостаточно воспитан, и поспешил бы вымыть лоб после поцелуя Христа.

Интеллектуальная гордыня — это духовный микроб, который, как и всякий микроб, невозможно разглядеть. Мы наблюдаем только клинику болезни, ведущей к смерти. Душа человека, пораженная этим микробом, начинает как бы излучать холодный, люциферианский свет. Святые отцы сказали, что если соединить все пороки вместе и положить их на чашу весов, то гордость одна перетянет их. Гордый как бы говорит: «Бога нет, а если Он есть, то почему Он Бог, а не я сам?». Гордого невозможно исправить, его может спасти только чудо.

Мы привели один пример, историю одной болезни, хотя вариантов интеллектуальной гордости много, она многолика и многообразна. Но у гордости наличествует одно свойство — свойство идола: идол имеет глаза, но не видит, и не видит сущности явлений; имеет уши и не слышит, и не слышит голоса вечности; имеет уста, но не может проглаголовать. Гордецу так же невозможно произнести имя Бога, Которым мир вырван из небытия и Которым мир существует, как идолу раскрыть свои каменные губы.

И все-таки мы благодарны даже такому гордецу, как Николай Рерих¹⁷⁰, за то, что этот отступник, сам того не желая, предупредил наш, погруженный в дремоту, мир о том, какая опасность надвигается с Востока. Рерих всю свою жизнь отдал служению лжи. Он лгал словом, но рука художника «проговорила» и открыла в картинах то, о чем хотел бы умолчать философ. Рерих показал Гималаи как страну смерти, эти горы похожи на лунный пейзаж, эти горы — как надгробный камень над бездонной могилой; Рерих открыл и горы Памира, в их метафизическом зазеркалье, в этих горах из-под панциря льдов текут потоки крови. А горы Тибета как будто источают холод смерти. Это не холод льда и снега, а космический холод межзвездных черных пространств.

Как-то мы были в питомнике змей и видели этих рептилий, упрятанных за стекло. Некоторые из них были красивой окраски, они словно были одеты в шелка с узорами красного, желтого, зеленого и синего цвета. Змеи не обращали на людей никакого внимания, они лежали, свернувшись клубком, как бы погруженные в глубокий сон. Но какое-то странное чувство наполнило нашу душу, какая-то глухая тревога, какой-то мертвящий, почти метафизический холод ощущался в этих существах.

Подобное чувство мы испытывали, когда смотрели на картины Рериха. Он — певец Гималаев, но он хочет еще и того, чтобы его гимны Тибету звучали реквиемом христианскому миру. Рерих не любит Гималаи: сердце буддиста не может любить никого, оно похоже на осколок льда, который сорвался с вершины и, упав, разбился на части. Но Рерих служит, как и Рамакришна, богине смерти Кали — «матери мира», служит с

¹⁶⁸ Лаплас П.-С. (1749–1827) — французский астроном, математик и физик.

¹⁶⁹ См.: Достоевский Ф. Собр. соч.: В 12 т. М., 1982. Т. 11. С. 309–310.

¹⁷⁰ Рерих Н. (1874–1947) — русский художник, археолог, путешественник и писатель.

усердием неопита. Сердце буддиста не может любить, но может ненавидеть холодной ненавистью, и Рерих ненавидит христианство, из-за которого сатана еще не стал самодержцем мира.

Мы благодарны Рериху за то, что он показал нам связь между буддизмом и сатанизмом, Буддой¹⁷¹ и антихристом, Чингисханом¹⁷² и Лениным, Лхасой и Советским Кремлем, лхасским дворцом-капищем Потала и мавзолеем на Красной площади, как будто обнажил подземный кабель. Он приоткрыл духовную связь между некрофагией лам, поедающих трупы, и «людоедством» создателей ГУЛАГа. Уже Чингисхан показал Европе, что такое Восток, но раны истории зарубцовываются и забываются быстро, и память народов, увы, коротка... Хотя существует предание о том, что гроза, которая потрясет мир, придет с Востока, но оно стало как-то постепенно забываться, и теперь, в наш технологический век, когда вместо людей стали думать компьютеры, оно кажется сказкой.

Говорят, что Рерих принял буддизм, но это не совсем так. Он принял ламаизм. Буддизм — это религия небытия, а ламаизм — смерти. Небытие — это то, чего не существует. Мистика небытия — это отождествление мира с иллюзией; смерть — это то, что существует, но это «существующее» приговорено к уничтожению. Мистика смерти — это мистика кровавого жертвоприношения, поэтому в Монголии, на Тибете и в маньчжурском Китае Чингисхан почитается как великий махатма, великий святой. Ламаисты называют его благословенным и просветленным. К его гробнице в Китае идут и идут паломники для поклонения; у его могилы совершаются сатанинские инициации.

Рерих в сопровождении тибетцев привез в Россию письмо от махатм, старцев гор, к Советскому правительству и горсть земли для Мавзолея Ленина. Махатмы выражали радость в связи с тем, что коммунисты уничтожают Церковь и семью, что шестая часть мира погружается в кровавую тьму. В этом письме махатмы называли Ленина своим «братом-махатмой» и обращались к нему как к живому. Кроме того, Рерих привез картину «грядущего Будды», последнее воплощение («аватара») которого должно совершиться в конце мировой истории, и преподнес эту тибетскую «икону» кремлевским властям в лице Луначарского, — известного «поджигателя церквей». Рерих был принят с честью, а «икона» Будды — с благодарностью. Марксисты высокой степени знали, кто нарисован на ней.

Затем произошло нечто необычайное: дипломатический корпус и спецслужбы Советской России начали оказывать содействие Рериху в его путешествиях по Юго-Восточной Азии. (Следует сказать, что некоторые участники этих экспедиций, вернувшиеся в Россию, были уничтожены и следы их исчезли в подвалах ОГПУ.)

У первого гностика, Симона-волхва¹⁷³, была спутница, по имени Елена, бывшая блудница из Сидона. Симон-волхв говорил, что он — образ Божества, а его подруга — воплощение той Елены, из-за которой погибла Троя, и образ падшей человеческой души, которая последовала за Божеством. У Рериха тоже была жена и спутница, по имени Елена¹⁷⁴, но, в отличие от Симона-волхва, Рерих объявил свою Елену божеством и «матерью мира», а себя — ее паладином, беззаветно преданным рыцарем. Мадам Рерих добросовестно исполняла роль Астарты, Кибелы¹⁷⁵ и Дурги и оставила после себя так называемую йогу любви, в которой продолжала развивать теософские взгляды другой «великой» Елены, — Елены Блаватской, причем с такими же претензиями на индуистский шактизм. Таким образом, Николай Рерих становится жрецом своей собственной жены и пишет ее «иконы».

¹⁷¹ Будда (*Сиддхартха Гаутама*) (623–544 до Р.Х.) — основатель буддизма.

¹⁷² Чингисхан (*Темучин*) (ок. 1155–1227) — основатель и великий хан Монгольской империи.

¹⁷³ Симон-волхв (?–I?) — первый ересиарх.

¹⁷⁴ Рерих Е. (1879–1955) — русский философ.

¹⁷⁵ Кибела — древнегреческая богиня плодородия.

Изображение Гималаев на полотнах Рериха вызывает, повторимся, чувство внутренней тревоги, как будто само небо над вершинами застыло в судороге, а горы затаились и замерли, как хищники перед прыжком. Иногда кажется, что пейзаж — это перевернутая картинка, что горы уходят своими вершинами не ввысь, в небо, а вниз, в бездну, в какое-то мертвое пространство, как будто они, как корни деревьев, зарываются глубоко в землю. А иногда кажется, что горы вот-вот разомкнутся, как ворота, и орды Чингисхана снова обрушатся на Запад, как потоки огненной лавы, сметая все на своем пути. В пещерах и монастырях Тибета стоят идолы с оскаленными зубами, они похожи на демонов, их атрибуты — орлиные когти и львиные клыки. Эти чудовища — боги Тибета и Гималаев. Они жаждут крови, и им поклоняются сатанисты, для которых, кстати, оккультные и псевдовосточные учения, вроде «Агни Йоги»¹⁷⁶ той же Елены Рерих, есть колыбельная песнь одуроченному Западу.

Характерно, что Рерих завещал свои картины России еще при власти коммунистов, зная, что они будут в надежных руках. Он оставил свои картины, возможно, для оккультных медитаций. Сатана остроумен, но нередко он обманывает сам себя. Картины Рериха — это не только песнь Гималаям и открытие Тибета, это — предупреждение всему христианскому миру о грядущем царстве антихриста, и в этом смысле они апокалиптичны. Но не только Предание, а даже пророчество и предсказание даются в определенных образах и символах, как бы в загадках, которые надо разгадать, иначе они детерминируют ход истории. Предание — это полотно, на котором показаны тени событий, и в этих тенях, иногда четких, иногда неясных и расплывчатых, нужно увидеть картину будущей истории. Однако часто перед нами иносказание, не сами будущие реальные земные события, а их духовный план. Поэтому мы не знаем, как нам понимать нашествие с Востока: как бой тигров с гладиаторами на арене мирового цирка или как невидимую чуму, которая в Средние века почти уничтожила Европу. И это нашествие в виде языческого оккультизма, принявшее характер эпидемии, уже началось.

Тибетские махатмы шлют приветствия Ленину как своему «великому» брату, показывая тем самым оккультную изнанку революции. Гитлер ждет откровений с Тибета, ламы становятся инструкторами кровавых войск СС. Во время Гражданской войны на территории России появляются отряды китайцев, которые совершают карательные операции, а затем куда-то бесследно исчезают. На улицах и площадях взятого штурмом Берлина валяются трупы тибетцев в форме немецких офицеров, тибетцы эти покончили жизнь самоубийством, чтобы унести с собой в могилу какую-то оккультную тайну... Казалось, что война, с ее ужасами и неисчислимыми бедствиями, должна наконец пробудить христианское сознание. Но если и было пробуждение, то оно оказалось кратким и неглубоким. Атеизм (ответ сатаны: «Меня нет дома») сменяется оккультизмом (ответом сатаны: «Я у себя дома»). Европа и Америка, Балканы и Сибирь оккупированы оккультными силами, которые ведут с христианством борьбу не на жизнь, а на смерть.

Наше, еще промежуточное, время породило духовный гибрид, или, если угодно, гражданство с двумя прописками: человек по имени и традициям — христианин, а по влечению сердца — сатанист. Мы видим, как расширяется «церковь» сатаны, — будто пятно мазута на поверхности моря.

Картины Рериха — это «победа» зла над добром, смерти над жизнью, но это ложный триумф. Поэтому, кстати, в пейзажах Тибета, написанных Рерихом, преобладают два цвета: красный и синий; красный — цвет крови, синий — цвет трупа. И все-таки поэма Рериха о Гималаях не дописана, она оканчивается стоном, внезапным, как звук, по Чехову, лопнувшей струны¹⁷⁷.

Уж не потому ли, что на смену одряхлевшему рерихианству и «кремлевскому» материализму несется, как поток прорвавшейся воды, демонизм, который буквально

¹⁷⁶ См., напр.: [Рерих Е.]. Агни Йога: В 6 т. М., 1992.

¹⁷⁷ См.: Чехов А. Избр. соч.: В 2 т. М., 1979. Т. 2. С. 638.

затопляет страны православного региона, увы, православного теперь только в историческом аспекте.

За одной «чумной» волной демонизма следует другая. Все смешалось в «ведьмином котле»: оккультный импорт из Гималаев и с Тибета, мистерии древнего язычества, которые казались давно похороненными на кладбище истории, учения оккультных сект и союзов, которые, оказывается, тайно существовали в странах Европы. Теперь они неожиданно появились на свет, как грибы после обильного дождя.

Экспансия оккультизма возрастает не с каждым годом, а с каждым днем. Теперь даже кощунственные и жестокие ритуалы сатанизма перестают быть конспиративными. В судебной медицине появилась новая отрасль — «ритуальные убийства». Как бы «мягкий» вид магии — астрология — настойчиво популяризируется широкой прессой и телевидением и прочно входит в сознание современного человека. Возрождаются древние учения герметиков, гностиков и даже орфиков¹⁷⁸. Открываются всё новые масонские ложи, в которые входят самые известные деятели современной культуры. Симптоматично, что первая масонская ложа в посткоммунистической России открылась при Доме писателей. Розенкрейцеры, иллюминаты¹⁷⁹, теософы и антропософы, о которых можно сказать, что *легион имя им* (ср.: Мк. 5, 9), собрались под черным знаменем сатаны. Их объединяет общая ненависть к христианству, особенно к Православию.

Духовные катастрофы должны предшествовать тем трагическим событиям, мировым катастрофам и катаклизмам, о которых приоткрыто нам в Апокалипсисе. Сатанисты гордо заявляют, что их религия будет самой многочисленной в XXI столетии. И все же и эти несчастные являют собой образ Божий, хотя и затемненный демоническими грехами. Их душа подобна обгоревшей в костре и покрытой копотью иконе, на которой еле различим контур почерневшего лика. И они, эти несчастные, в какой-то мере являются нашими близкими, потому что для них еще открыта возможность покаяния и возрождения.

Исповедь оккультистов — это особо ответственное дело, которое требует от священника молитвенной подготовки и любви к падшему в бездну человеку. В Ветхом Завете оккультисты подлежали смертной казни. В Новом Завете смерти подлежит грех, но не грешник. Поэтому Церковь не отвергает никого из приходящих к ней.

Священнику не требуется знать подробности оккультных учений, но для него обязательно показать обратившемуся из оккультизма нравственную силу, цельность и внутреннюю красоту христианства — то, что отсутствует в оккультизме и магии.

Демонизм и оккультные увлечения похожи, напомним, на духовную эпидемию, которая, как чума, охватила мир. Мы должны бороться с демонической силой, но при этом сохранять сострадание к обманутым сатаной людям.

Кстати заметить, у тех, кто пришел к Православию после увлечения восточными религиями и оккультными учениями, а особенно у тех, кто практически занимался восточно-оккультными психофизическими упражнениями, остается в душе долго не заживающая рана, которая крайне болезненно дает знать о себе в области мистики и молитвы.

Оккультизм — демонообщение, во время которого происходит не фиксируемый самим человеком процесс демоноуподобления. Впрочем, в черной магии это демоноуподобление уже не скрывает себя; оно является содержанием и целью ритуалов: всех этих мантр, заклятий и призывов темных духов. Если рассмотреть историю падения сатаны как клиническую картину, то становится очевидным, что сатана, как мы уже говорили, — это первый душевнобольной, одержимый манией величия, первый визионер и параноик, который в своем больном воображении представил себя вторым Божеством. Гордость повлекла за собой потерю любви. Демон — дух, incapable вместить в себя луч любви, хотя бы такой тонкий, как луч, идущий от звезды, — дух, incapable вместить в себя и каплю смирения, хотя бы такую малую, как утренняя росинка на листке

¹⁷⁸ Орфики (VI до Р.Х. — V по Р.Х.) — члены древнегреческого религиозного движения.

¹⁷⁹ Иллюминаты (XVIII) — члены тайного масонского общества.

цветка. Характерно, что душевнобольной находится в состоянии аутизма (погружения в себя), он не в состоянии любить других людей, он в постоянной тревоге, в постоянных фобиях, но даже когда он дрожит от страха, то не способен смирить себя. Душевнобольной теряет свою собственную личность, он надевает на себя выдуманную личину, с которой отождествляет себя. Чаще всего это маска какого-нибудь великого человека. Душевнобольной создает мир иллюзий (мир болезни), бежит в этот мир и живет в нем. Подобное чувство испытывает и оккультист. Он становится жесток и холоден к своим ближним, его душа в постоянной тревоге, он думает о себе как о ком-то великом, он живет в ирреальном мире, созданном собственным воображением. Уподобление демону проявляется как паралич сердца. Центр жизни оккультиста переходит из сердца в область страстей — в периферию сердца.

Апостол Павел пишет о демонах как о духах поднебесных (см.: Еф. 6, 12). Они находятся не на небе, а в некоей области под небом. Так наши страсти находятся не в нашем сердце, а в области около сердца и действуют на него как бы извне. Со страстями соединен рассудок, наполненный мечтами, грезами и картинками самого цветистого воображения. Впрочем, кроме самого человека здесь действует и невидимый «живописец» — диавол. Отсутствие любви и смирения — это признак душевной болезни. Переход из оккультизма в Православие требует следующего: реанимации человеческого сердца, возрождения двух движущих сил души — любви и смирения, осознания собственной личности.

В оккультизме Бог как Личность отсутствует. Это — пустая абстракция, а в некоторых случаях просто символ космической энергии. Оккультизм имеет дело с духами, а не с Богом. У оккультистов пропадает чувство живой личности, для них человек — предмет пользования, а демон — инструмент для осуществления своих страстей. Практическую мораль оккультистов можно охарактеризовать термином *инструментализм*. Их мантры и заклинания, упражнения и ритуалы похожи на работу со сложным компьютером; слова и ритуалы — это рычаги и системы связи компьютера. Поэтому оккультные инициации часто заключаются в открытии неопиту неких магических имен.

Переход из оккультизма в Православие в этой плоскости должен знаменовать собой переход от инструментализма к личностному общению — к персонализму, общению с конкретными личностями. Разорвать порочный круг страстей, переместить ум из области рассудка в сердце, оживотворить и согреть лед своего сердца любовью — должно стать задачей такого человека. Заклятие — это императив, повеление. Медитация — это беседа с собой, это созерцание определенной идеи или предмета. Для оккультиста молитва — это вид словесной энергии, или трансформация энергии собственной души в слова молитвы, или действие через энергию, заключенную в самих словах и именах. Поэтому оккультист по инерции отождествляет действие молитвы с самой молитвой, а себя — с энергетическим генератором. Он ожидает ответа не от Бога, а от самой молитвы, ответа как ее следствия, как реализации заключенных в молитве потенциальных сил. Молитва — это мольба, то есть благоговейная просьба, а оккультист никого ни о чем не просит. Он забывает о самом главном, что обращает его к Богу как Живой Личности; для оккультиста молитва не диалог, а монолог.

Оккультизм в какой-то степени связан с пантеистическим мировоззрением — одушевлением сил природы и обожествлением космоса. Мистика пантеизма — это мистика слияния с «духом» космоса, — состояние, называемое в индуизме *самадхи*¹⁸⁰, или мистика достижения нирваны (пустоты (небытия) как истинного состояния бытия) в буддизме; это мистика упрощения, то есть освобождения души от слов, представлений, чувств, эмоций и так далее для погружения в бесформенную пустоту. А так как бывший оккультист, смешивая молитву с медитацией, стремится к этому упрощению для освобождения души от ее содержания, то он питает какую-то скрытую неприязнь к

¹⁸⁰ *Самадхи* — своего рода психическое сосредоточение в индуизме и буддизме.

общественному богослужению, старается не приходить в храм, когда там праздничная служба и много народа, а предпочитает молиться один в своем доме; там ему легче погружаться в подобное состояние. Вообще оккультист чувствует себя во время литургической службы плохо. Он объясняет это шумом в церкви, давкой, неумением людей вести себя в храме. Но на самом деле здесь более глубокая причина: стремление темных сил оторвать человека в мистическом плане от храма, от места, где небо соединено с землей. Оккультист привык рассчитывать только на себя и надеяться только на свои силы, поэтому он одинок в храме. В Церкви он ищет не благодати Божией, а какой-то «космической энергии». Это не общение с Богом, а как бы включение себя, вроде прибора, в электрическую сеть. Оккультист редко приходит в церковь до службы, а чаще всего он опаздывает на литургию и уходит раньше, не дождавшись ее конца. Следует отметить, что мистика католиков включает в себя элементы медитации. Поэтому некоторые исследователи находили сходство между католической мистикой и йогой. Католики редко скажут: «Я молюсь в храме», скорее: «Я медитирую». Характерно, что скамьи, находящиеся в костелах, предназначены больше не для молитвы, а для размышления, для медитации.

Бывший оккультист должен научиться тому, что делает каждый ребенок: просить; научиться просить у Бога — вечного и временного для себя и для других; чувствовать Бога, как ребенок чувствует своего отца, доверять Ему, а не собственным силам.

Обычно, когда определяют различие религий или конфессий, то останавливаются на их вероучении — догматике, затем — на обрядах и ритуалах. Но есть одна область, которая трудно поддается определению, но в то же время является самой сердцевиной религии: это — мистика.

Оккультисты, вступая в Церковь, несут в себе инерцию пантеистической и демонической мистики. Особенно разрушительное действие эта инерция проявляет в искажении молитвы. Поэтому несколько остановимся на этом вопросе. Мы не задавались целью разбирать бесчисленное количество школ и систем неоязычества, а только хотим указать на некоторые факты, чтобы помочь людям осознать, какую рану они могут носить в себе.

Индуисты, вернее — индуистские мистики стремятся к состоянию, как уже говорилось выше, называемому самадхи. Оно имеет сходство с экстазом неоплатоников. Гималайский пантеон богов — это персонификация свойств «единого»; многобожие — религия толпы; картинки, нарисованные для детей, которые не познали Божественное начало, обитающее в них самих. Но «посвященный» индуист знает, что существует только единый, а множественность — иллюзорна. Он отвлекает свой ум от множественности форм, мыслей, картин и представлений. Это интеллектуальное упрощение относится как к внешнему, так и к внутреннему, психическому миру самого человека. Он как индивидуум кажется себе иллюзией: «Нет ни меня, ни тебя; существует только он», другими словами: «Я — есть ты, ты — есть он». Человек пытается путем медитаций отождествлять себя с этой аморфной и безликой единицей как единственным бытием, вне которого начинается мир иллюзий. Он посредством медитативных упражнений хочет слить себя с абсолютным и остается с единственной верой в то, что он и Божество — едины, а точнее — он сам свое божество. Психическая жизнь подавлена, как бы уничтожена; вере в свою божественность ничего не противостоит. Эта идея охватывает всего человека и приводит его в состояние транса. Разумеется, молитва здесь отсутствует: кому молиться, если молящийся тождественен абсолюту? Притязания на богоравенство или самообожение являются основой первородного греха и ведут начало свое от отпадения сатаны, который посчитал себя богом.

Итак, прошедший путь индуистской мистики под видом молитвы обращается не к Богу, а к самому себе и заменяет молитву медитацией. Самое страшное искушение для такого человека, что он в христианстве с трудом приобретает чувство общения с Богом как с Личностью; для него Божество — неопределенный универсум. Поэтому у людей,

пришедших из пантеистических религий и оккультных учений, если они были практически включены в них, надолго остается какая-то холодность ко Христу как Богочеловеку. Оккультист Владимир Соловьев подменяет Богочеловека богочеловечеством. Ранние философские работы Соловьева, а также произведение «Смысл любви» носят пантеистический характер. Впрочем, в ранних произведениях философ пытался обобщить христианский и восточно-пантеистический опыт, только не мистики, а мышления. А «Смысл любви», как мы уже отмечали, проводит идеи шиваизма¹⁸¹ и шактизма. Характерно, что Соловьев долгое время занимался спиритизмом.

Что касается Флоренского, пришедшего к христианству от платонизма и гностицизма, то он пишет о Христе каким-то ледяным тоном: так можно писать о мертвецe. По сути дела, у Флоренского Христос, еще раз подчеркнем, заменен Софией — «матерью мира».

Прошедшему путь буддизма следует помнить, что буддизм в своих отрицаниях-негациях еще более радикален, чем индуизм (нам, впрочем, кажется, что точнее будет название *шиваизм*). Если шиваизм учит о сведении психической жизни человека к некоей универсальной единице, то мистика опустошения в буддизме стремится свести всю психическую жизнь к нулю, объявив злом всякое бытие. Шиваизм ищет единого бытия под многообразием форм жизни. Буддизм отрицает бытие универсума. Его мистика — не уничтожение форм, а уничтожение самого бытия как иллюзии, влекущей за собой реальные страдания (мы об этом уже говорили в связи с творчеством Рериха). Здесь не только уничтожаются мысленные объекты, но подвергается беспощадной ампутации вся эмоциональная сфера человека.

Продолжением буддизма, который чуждался философско-метафизических проблем, является его вариант в виде ламаизма¹⁸², хотя это «продолжение» нам представляется как шаг назад, к индуизму. По этому учению, предсуществует пустота, которая рождает сама из себя элементы бытия, настолько кратковременные, что их можно назвать вневременными. Эта пустота является первоосновой вещей. Этот вакуум, в котором должна раствориться без остатка душа человека, представляет собой вожделенную цель ламаистов. Ламаизм пытается философски осмыслить буддизм, но буддизм не делал попыток осмыслить и определить нирвану, для него определение нирваны в словесной формулировке было бы уничтожением самой нирваны. Буддизм остановился на уровне эмпирики, поставив саму психику человека в неестественные условия искусственного торможения душевных процессов. Буддизму нет дела ни до Божества, ни до души, ни до метафизического мира, ни до начала, ни до конца мироздания. Для него само бытие отождествлено с понятием зла: это — диссонанс, постоянно терзающий человека. Страдания человека можно уничтожить, только если уничтожить само бытие, а точнее — остановить проявления бытия. Пришедшие в Церковь из буддизма отличаются склонностью к субъективизму и индивидуализму; их религиозная жизнь как бы застывает в их рассудке. Буддисты и ламаисты (так же, впрочем, как и шиваисты), напомним, теряют чувство личностного Бога. Для них Божество — это энергетическое начало. Они ищут Его не в молитвах, а в медитациях, и само понятие молитвы у них искажено: для них, повторимся, молитва не мольба, а рассуждение, обращенное не столько к Богу, сколько к собственной душе; они ищут субъективных состояний, а не общения с Богом как с Живой Личностью. Для них остается чуждой первая заповедь евангельских Блаженств: *блаженны нищие духом* (Мф. 5, 3). Они чувствуют себя в молитве не нищими, а теургами и часто приписывают словам молитвы самостоятельную силу. Поэтому пришедшие к Православию от этих учений не должны забывать, что молитва, как сказано выше,— это диалог между двумя личностями: ограниченной

¹⁸¹ *Шиваизм* — оргиастическое течение в индуизме.

¹⁸² *Ламаизм* — течение буддизма, распространенное в Тибете и Монголии.

человеческой и безграничной Божественной. Это синергизм¹⁸³ двух волей. Результат молитвы — от Бога, наша — только просьба.

Хотя оккультизм не отрицает ценности земного бытия, но он отрицает цель бытия как общение с Божеством; для оккультизма нет Бога как объекта молитвы, оккультизм имеет дело с космическими духами (а на самом деле с демонами); он хочет влиять на мир словами и магическими ритуалами.

Демон имеет индивидуальность, но личность в нем стерта. Молитва оккультиста носит характер императива — повеления; это — агрессия в мире агрессоров с целью заставить их служить оккультисту посредством магических знаков и таинственных имен (как паролей и талисманов). Это — общение с демоном через уподобление ему, вот почему у оккультистов до чудовищных размеров развивается гордость.

После перехода в Православие оккультисту, привыкшему к монологу, трудно почувствовать Бога как Живую Личность. Сатана — холоден; сердце у оккультиста также холодно, там нет любви, хотя душа сектанта постоянно обуреваема страстями (страсть — это пламя, которое жжет, но не согревает). Молитва оккультиста также обращена по инерции к некоей безликой силе, поэтому ему нужен особый контроль над собой. Он ищет способы к молитве, но забывает о главном: что молитва есть плод смирения и любви.

Всем этим людям крайне необходим духовный руководитель, как тяжелобольному нужен врач. Смирение с покаянием рождает любовь; только любовь может согреть и оживотворить заблудшее сердце. Смирение начинается с послушания, а послушание — с осознания того, что человек своими собственными ограниченными (изъеденными страстями, как дерево дровоточцем) силами не может бороться с грехом, живущим в нем. Духовный тупик, в котором оказался оккультист (или последователь восточных религий), подобен, как ни странно, перекрестку двух дорог, где решается дальнейшее направление жизни оккультиста.

Либо оккультист думает, что у него достаточно внутренних возможностей, чтобы самому преодолеть этот тупик, что его состояние — это результат допущенных ошибок и внешних препон. Но если он решает сам исправить свою жизнь, сам выйти из лабиринта демонического мира, в котором оказалась его душа, то в результате несчастный делает еще один круг и приходит к тому же тупику.

Либо оккультист понимает, что грех — это демонически активная сила, которая живет в его душе (и требуется непрерывная борьба с грехом, со всеми его многообразными проявлениями); он понимает, что находится в окружении демонических существ — врагов беспощадных и коварных, более опытных, чем он; понимает, что в его душе живут страсти, которые он любит и с которыми в тайне сердца не хочет расстаться. И тогда оккультист начинает искать помощи, а именно помощи Божией через послушание духовному отцу, через отсечение своей непокорной воли, которая стоит, как стена, между ним и Богом.

Оккультист может настолько хорошо изучить духовную литературу, в том числе аскетику, что иногда будет знать о внутренней жизни не хуже святых отцов и даже сможет рассказывать об этом другим, но без духовного отца этот несчастный будет подобен хирургу, который, зная анатомию человека, не может тем не менее провести операцию на своем собственном теле. Только послушание, как высшая жертва, может сделать оккультного богоборца новым боголюбцем.

Людям, перешедшим из оккультизма в христианство, не следует увлекаться богословием, ибо и здесь тайная гордость ума может получить себе пищу. Им надо начать с исполнения заповедей: если можно так сказать, с практического христианства, чтобы реанимировать свое сердце; как мы уже отмечали, им надо перенести центр религиозной жизни из головы в сердце. Они должны научиться уважать любого человека как богоподобную личность, отказавшись и от интеллектуального элитаризма, и от горделивого противопоставления себя, как якобы просвещенных в духовной жизни

¹⁸³ Синергизм — здесь: взаимосвязь.

(«пневматиков»),— окружающим людям, сплошь профанам (невеждам). Они должны научиться наконец не просто читать молитвы, а просить милости у Бога,— научиться делать то, что так трудно их гордому уму. Переход в Православие из пантеизма — это переход от космофилии к теофилии, от безликой «космической силы» и духов-посредников — этих актеров в масках — к личностному общению с Личным Богом, Который есть Жизнь, Истина и Любовь.

Когда мы говорим, что искусство последних полутора веков пропитано духом демонизма, который для людей, живущих душевно-страстной жизнью, подобен пьянящему запаху сандала (для людей, вступивших на духовный путь, это — зловоние тления и смерти), то мы предвидим негодование тех, для кого такое искусство стало эталоном красоты. Признать, что перед ними — дух смерти,— значит признать себя душевными некрофагами. Как не возмущаться и не кричать в ответ, что это — клевета на саму красоту, которая, как говорят, спасет мир¹⁸⁴! Нас будут упрекать в обскурантизме, душевном одичании; нам припишут желание уничтожить все книги, так, мол, халиф Омар¹⁸⁵ сжег Александрийскую библиотеку в 642 году по Р.Х. Нам скажут: «Вот пример, как человек, неправильно понявший христианство и не стяжавший любви, впал не то в детство, не то в дикость». Но, не будем угадывать, как обзовут нас оппоненты. Признаем, что в этом «искусстве» они сильнее и остроумнее нас...

Мы говорим об «искусстве» нарастающего декаданса, которым живет наша интеллигенция, хотя считаем, что литература предшествующих веков, оторвавшись от Бога, в какой-то степени подготовила этот декаданс. Нам скажут, что у нас притупилось и как бы атрофировалось эстетическое чувство, что мы говорим с ультраконфессиональной позиции и поэтому наше свидетельство есть свидетельство одностороннее и необъективное, что наш голос есть голос неудачника, который удалился в монастырь, пытаясь скрыть озлобленность на весь мир. Поэтому мы просим интеллигентов принять во внимание свидетельство стихотворца, обладавшего наиболее тонкими поэтическими интуициями, Александра Блока,— одного из самых любимых и почитаемых поэтов современной интеллигенции. Друзья Блока вспоминают, что он говорил о своих стихотворениях не как автор, а как медиум, проводник неких «высших», потусторонних сил. О медиумичности Блока сообщает даже Корней Чуковский¹⁸⁶, вовсе уж не такой религиозно настроенный литератор,— первый переводчик Уолта Уитмена¹⁸⁷ и известный детский поэт, которому удалось спрятаться за невинными стихами для детей от репрессий, обрушившихся на советскую интеллигенцию в 1930-е годы. Заядлый декадент поневоле превратился в литературного обер-шефа детских садов — в веселого «дедушку Корнея». Так что, думается, характеристика, данная Блоку Чуковским, а вернее — видение «короля» поэтов при непосредственных встречах с ним в последние годы его жизни — это мнение отнюдь не религиозного фанатика. Чуковский писал, что лицо Блока, лицо с потухшими глазами, напоминало ему лицо Мефистофеля, а Блок представлял собой как бы живую ипостась поэзии XX столетия.

Обратимся к чрезвычайно характерному для блоковской поэзии стихотворению «К Музе»¹⁸⁸, похожему на исповедь, только на исповедь без покаяния.

«Есть в напевах твоих сокровенных»,— именно не в словах, а «в напевах»,— в том, что лежит под словами, что спрятано от внешнего взора, но заставляет звучать сокровенные струны души.

¹⁸⁴ См.: Достоевский Ф. Собр. соч.: В 12 т. Т. 7. С. 67.

¹⁸⁵ Омар I (ок. 591/581–644) — правитель Арабского халифата.

¹⁸⁶ Чуковский К. (Николай Васильевич Корнейчуков) (1882–1969) — русский писатель, поэт и литературный критик.

¹⁸⁷ Уитмен У. (1819–1892) — американский поэт и публицист.

¹⁸⁸ Цит. по: Блок А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. С. 7–8.

«Роковая о гибели весть»,— «роковая» — неизбежная; «о гибели»,— плененная демоном душа чувствует свою погибель, но не может спастись, уйти, убежать, как птица, прикованная глазами змеи. «Весть» — сердце слышит при жизни весть о своей смерти.

«Есть проклятье заветов священных, поругание»,— не просто отрицание или отречение, а «проклятье», «поругание», желание осквернить и втоптать в грязь то, чему, как святыне, поклонялась душа. Это — необходимая жертва демонам.

«Поругание счастья есть»,— в любви к демонам, в выборе его, нет ни радости, ни «счастья», но только падение вниз, которое воспринимается, на мгновение, как полет.

«И такая влекущая сила»,— он чувствует себя охваченным чьей-то посторонней силой, как бы увлекаемым потоком реки, которому не в силах противиться пловец.

«Что готов я твердить за молвой»,— повторять то, что испытано им вслед за сатанинским преданием.

«Будто ангелов ты низводила, Соблазняя своей красотой...». Это не только отсылка к апокрифу, «Книге Еноха»¹⁸⁹, повествующей о падении ангелов, прельщенных красотой дочерей Каина,— племени, в котором возникло искусство, это и описание падения душ, ищущих и не нашедших Бога, которые влюбились в земную душевную красоту, отраженную, как в кристалле, в поэзии и искусстве, и через них отдали душу свою хтоническим¹⁹⁰ божествам.

«Зла, добра ли? — Ты вся — не отсюда»,— он чувствует, что в его творчестве живет не только человеческая душа, но в него включены некие неведомые космические духи, которых он боится назвать своим именем.

«Мудрено про тебя говорят»,— по-разному говорят о тебе, но те, кто служит тебе, не могут или не хотят понять тебя до конца, они боятся взглянуть на твой лик, как на лик Горгоны¹⁹¹.

«Для иных ты — и Муза, и чудо»,— они живут тобой. Твоя красота кажется им постоянным чудом.

«Для меня ты — мученье и ад»,— глубокие поэтические интуиции поэта открыли ему лик того, кто нашептывал ему слова его песен. Он увидел его темные тени в своем сердце,— тени, которые порождают нарастающие муки, долженствующие превратиться в беспросветный мрак и ад. Блок говорит о начале своего полета — падении.

«Я не знаю, зачем на рассвете, В час, когда уже не было сил»,— после ночи бесплодных исканий потерянного неба на земле, обессиленная и впадшая в отчаяние, душа обручает себя неведомому духу.

«Не погиб я, но лик твой заметил»,— не кончилась его жизнь, он увидел фосфорический свет «лика», который явился душе, утратившей Бога, когда нечего было ей терять.

«И твоих утешений просил...»,— утешение — в иллюзорной земной красоте, которая должна была заменить вечность.

Вечность без Бога стала для Блока чужой и ненавистой. В одном из стихотворений он пишет:

*Это — бездна смотрит сквозь лампы —
Ненасытно-жадный паук*¹⁹².

Но поэт, не будучи посредственностью, не в силах был до конца обмануть себя, удовлетвориться миром иллюзий; его мистическое чувство знало, кто его таинственный собеседник. И Блок просил утешений у падшего ангела, как нищий пьяница просит вина.

¹⁸⁹ См., напр.: Смирнов А., *прот.* Историко-критическое исследование, русский перевод и объяснение апокрифической Книги Еноха. Казань, 1888.

¹⁹⁰ *Хтонический* — земной (подземный, загробный). Хтоническим божествам подвластны любовь, плодородие, рождение и смерть.

¹⁹¹ *Горгона Медуза* — древнегреческое мифологическое чудовище.

¹⁹² Блок А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. С. 322.

А в одном из стихотворений («Друзьям») есть поразительные слова, словно судорога боли:

*Зарыться бы в свежем бурьяне,
Забиться бы сном навсегда!
Молчите, проклятые книги!
Я вас не писал никогда¹⁹³!*

Поэт как бы молил, чтобы огонь испепелил его горький рай, но не в силах был поднять глаза к небу.

Этот трагизм великого поэта, к несчастью безысходный, похожий на агонию, вряд ли кто-нибудь решится назвать антикультурным, поэтому будем осторожны в употреблении таких определений, как обскурантизм. Просто Блок увидел то глубокое, что было скрыто от других поэтов.

Сергей Есенин¹⁹⁴ — поэт такого же внутреннего драматизма, как Александр Блок. У Есенина есть творение, аналогичное «К Музе», — это поэма «Черный человек». В ней таинственный собеседник поэта как бы срачивается с душой и становится ее двойником. Есенин видит его перед собой как черное существо. Есенин более непосредствен, чем Блок, и поэтому в своем импрессионистическом восприятии находит только слова: «Черный человек, черный, Черный...»¹⁹⁵.

*Бодлер писал о деве-поэзии:
В мою больную грудь она
Вошла, как острый нож, блистая,
Пуста, прекрасна и сильна,
Как демонов безумных стая¹⁹⁶.*

Бодлер дал своему сборнику стихов название, которое прозвучало пророчески для последующей поэзии: «Les fleurs du Mal» («Цветы зла»).

Семен Надсон¹⁹⁷ в стихотворении «Песни Мефистофеля»¹⁹⁸ говорит о том, что демон является источником его поэтических вдохновений, чуть ли не соавтором его стихов.

Нас могут спросить, почему мы выбрали именно эти имена. Готовы ответить: потому что когда мы в откровенных беседах спрашивали у давних друзей, кто их любимый поэт, без чьих стихов им трудно было бы жить, то в большинстве случаев были названы Блок и Бодлер, а также Есенин и Марина Цветаева¹⁹⁹, которая, между прочим, в своих стихах то выражала желание бороться с Богом, как Иаков, то восхищалась «богородицей хлыстовскою»²⁰⁰... Около всех названных поэтов стоял тот «черный, черный», которого в припадке поэтического визионерства увидел Есенин.

Смерть — итог жизни. Блок умер в припадке буйного сумасшествия. Бодлер отравил себя наркотиками. Для Есенина и Цветаевой их «черный спутник» приготовил петлю и любезно предложил надеть на шею его «ожерелье».

Нам могут сказать, что мы забыли про классика, разве, мол, ее не читает интеллигенция? Интеллигенция изучает классику, а плеяда поэтов, из которой мы перечислили несколько имен, — ее «интим».

Нам хотелось бы обратиться к творчеству еще одной, весьма колоритной и в то же время одинокой, фигуры современной поэзии: это Борис Пастернак²⁰¹ — поэт для поэтов. Вот как он писал в стихотворении «Памяти Демона»:

¹⁹³ Там же. Т. 3. С. 126.

¹⁹⁴ Есенин С. (1895–1925) — русский поэт.

¹⁹⁵ Есенин С. Стихотворения и поэмы. Л., 1990. С. 411.

¹⁹⁶ Бодлер Ш. Цветы зла. СПб., 1999. С. 85.

¹⁹⁷ Надсон С. (1862–1887) — русский поэт.

¹⁹⁸ См. напр.: Надсон С. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1962. С. 305–307.

¹⁹⁹ Цветаева М. (1892–1941) — русская поэтесса.

²⁰⁰ См.: Цветаева М. Сочинения: В 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 93, 89.

²⁰¹ Пастернак Б. (1890–1960) — русский писатель и поэт. Нобелевская премия (1958).

*Приходил по ночам
В синеве ледника от Тamarы.
Парой крыл намечал,
Где гудеть, где кончаться кошмару*²⁰².

Эти кошмары, переложенные на язык ассоциативных образов, Пастернак воплощал в безукоризненные стихотворные формы. Однажды поэт обронил знаменательную фразу, которую, может быть, услышал в своих кошмарах:

*...опередивши мир
На поколения четыре,
По крышам городских квартир
Грозой гремел полет валькирий*²⁰³.

Валькирии — богини мщения в тевтонской языческой мифологии. Рок-музыка и вообще модернистское искусство на четвертом поколении от Пастернака — это кара детям за грехи отцов.

Мы хотели было закончить наше скитание вокруг горы Броккен²⁰⁴, но тут вспомнили еще одного декадента с партийным билетом в кармане — сначала господина, а потом товарища Брюсова.

Михаил Врубель²⁰⁵, незадолго перед смертью в психиатрической больнице, нарисовал брюсовский портрет, и лицо поэта было изображено так, что, казалось, мрак струится из него. Это поразило даже самого Брюсова.

Но что Брюсов считает нужным для поэта? Каковы его заветы?

*Помни второй: никому не сочувствуй,
Сам же себя полюби беспредельно*²⁰⁶.

Чей это завет, похожий на могильный камень? В другом стихотворении поэт провозглашает:

*Как Данту, подземное пламя
Должно тебе щеки обжечь*²⁰⁷.

То есть перед нами такой же, как и, напомним, у Блока, намек на розенкрейцерский завет: «Познай все, изведай глубины греха, пройди через ад, чтобы стяжать мудрость и стать совершенным».

Мы не коснулись творчества грузинских поэтов из братства «Голубые роги»²⁰⁸ и Терентия Гранели²⁰⁹, признавая свою некомпетентность. Впрочем, выражение: «Король поэтов — Блок», — как мы уже отмечали, принадлежит Галактиону Табидзе.

Нас могут спросить: неужели вся поэзия — это шествие под знаменами сатаны? Конечно нет. Есть стихи светлые, как небесная лазурь, и прозрачные, как горный поток. Есть стихи мудрые, навеянные размышлениями о жизни. Есть стихи чистые, как первые слезы любви, стихи, посвященные человеческим чувствам, но не запятнанные грехом. Есть стихи торжественные, подобные гимну Богу. Есть, наконец, народные песни, умиротворяющие душу. Мы говорим не о них, а об опасности не увидеть лик демона под покровом земной красоты. Мы говорим о тех, кто наливает яд в хрустальные бокалы. Мы говорим не о поэзии вообще, а об определенной тенденции в поэтическом искусстве.

Итак, мир спасет красота? Но ложная красота пленяет и без того развращенную душу человека и демонизирует и без того далекий от Бога мир.

Надо помнить, что в нас живет первородный грех, а подобное ищет подобного.

²⁰² Пастернак Б. Стихотворения и поэмы: В 2 т. Л., 1990. Т. 1. С. 118.

²⁰³ Пастернак Б. Стихотворения и поэмы: В 2 т. Т. 2. С. 112.

²⁰⁴ По немецкому средневековому поверью, на горе Броккен в Саксонии в Вальпургиеву ночь (с 30 апреля на 1 мая) проводится ежегодный шабаш ведьм.

²⁰⁵ Врубель М. (1856–1910) — русский художник.

²⁰⁶ Брюсов В. Стихотворения и поэмы. Л., 1961. С. 96.

²⁰⁷ Там же. С. 287.

²⁰⁸ «Голубые роги» (нач. XX) — литературное объединение грузинских поэтов-символистов.

²⁰⁹ Гранели Т. (1898–1934) — грузинский поэт.

Многие интеллигенты говорят: «Я хотел найти истину в Православной Церкви, с которой связана история моего народа, его язык и культура. Я пытался найти истину в вере моих отцов и прадедов, я беседовал со многими священниками, я посещал богослужение, я старался понять философию христианства, определить, в чем превосходство Православия над другими конфессиями, но все оказалось напрасным — истину я так и не нашел. Я уважаю учение Христа, мне нравится церковное пение, но ведь с православным богословием, как с учением основателей других религий, я могу ознакомиться в библиотеке, а церковную музыку послушать в звукозаписи. Я пробовал общаться с людьми, посещающими храм, но не нашел в них чего-нибудь особенного. В обычной жизни они оказались такими же, обычными, людьми с человеческими недостатками, слабостями и эгоизмом. Я пробовал беседовать со священниками о смысле жизни, о загадке бытия, о неразрешенных вопросах, которые стоят передо мною. И результатом этих бесед было разочарование. Я не нашел в Церкви то, что искал, и потому я пришел к выводу, что достаточно самому заниматься нравственным совершенствованием. Наверное, у наших предков были другие духовные запросы, но я не могу притворяться и лгать самому себе, да и Богу этого не нужно».

Что можно ответить такому человеку? Ведь он еще из вежливости не сказал о тех негативных явлениях, с которыми можно столкнуться в Церкви; он ограничился тем, что, по его мнению, является самым главным препятствием.

Однако все же такой интеллигент допустил очевидную ошибку: он искал истину, как алхимик — некую панацею, притом истину интеллектуальную, как сумму определенных знаний (вроде корпоративного секрета), которая хранится в Церкви. Интеллигент пошел к священнику, чтобы тот дал ему «формулу» истины, и после бесед убедился, что священник не обладает философским камнем. Интеллигент искал истину как «что», а истина — это «Кто». В Церкви нет «что», вернее — за всем стоит невидимый «Кто». Это — абсолютная Живая Личность, — воплощенная Истина и Источник всякой истины. Для философа истина — это абстракция, достигаемая логическими отвлечениями, в том числе — негациями. Для науки истина — экспериментально подтверждаемый факт, для Православия Истина — Христос. Истина, создавшая мир, Истина — превышающая мысль и слово, Истина — открывающаяся в общении, то есть в богообщении. Сама Церковь — это условие и путь для постижения Истины, путь, который проходит через человеческое сердце.

Современный интеллигент уверен, что он может найти истину, понять ее, объять ее, усвоить ее, как усваиваются внешние знания.

Религия предлагает путь, который коренным образом отличается от остальных методов познания: это — изменение самого себя. Церковь не университет, где человек обогащается знаниями, усваивая их через запоминание, а рождение в новую жизнь.

Истина — это живая Божественная сила, которая называется благодатью. Это — Божественный Свет, который пребывает в храме, который действует в церковных Таинствах, который озаряет человека в молитве, но надо быть способным воспринять и удержать в себе этот свет. Человек, не очистивший свой ум и сердце, не может воспринять истину: здесь нужен, повторимся, подвиг души, а современный интеллигент хочет заменить этот подвиг одними усилиями разума. Он почувствовал благодать, которая привела его в храм, но не понял, что ему надо делать далее. Он подошел к Церкви с привычными гностическими мерками и поэтому стоит в храме с закрытыми глазами, как слепец в солнечный день, не видя света, и говорит: «Почему я не нашел свет?». Бог обращается не к интеллекту человека, иначе философы были бы Пророками, а ко всей его личности, то есть требует всецелой включенности человека — его ума, души и воли — как ответа на зов благодати. Здесь истина постигается как жизнь и посредством самой жизни. Если бы человек пришел в Церковь с вопросом: «Что мне делать, чтобы быть способным познать истину?», — то получил бы ответ, а он говорит нечто другое: «Дайте мне готовую истину», — прямо как «блюдо на подносе». Интеллигент уверен, что дело

заключается в том, что надо открыть рот и съесть это блюдо. Адам тоже хотел познать истину не через богоуподобление, а через плод дерева — внешний предмет, как бы талисман, и оказался отброшенным от истины в интеллектуальный и духовный мрак. Борьба со страстями безмерно расширяет возможность духовного познания, но современный интеллигент боится расстаться с ними, чтобы не оказаться в мертвой пустоте. Всё, чем интеллигент жил и дышал,— литература, искусство, круг его друзей и знакомств,— всё пропитано запахом страстей, а тут, в Церкви, вдруг требуют от него раздать свое интеллектуальное и эмоциональное «имение» нищим, то есть вернуть свои страсти «нищим» — бесам, отдать то, что от бесов и что принадлежит им.

Новые знания предполагают период ученичества, а интеллигенту трудно решиться найти духовного отца и наставника. Он привык «снимать» все свои вопросы сам. Подчинить себя священнику, который имеет меньше интеллектуального багажа, чем он, проходить послушание, как самый действенный метод борьбы с гордыней,— для интеллигента это так же трудно и страшно, как взяться рукой за обнаженный электрический провод.

Язык Церкви, язык богослужения — язык символов. Символы — это не загадки и ребусы, которые расшифровываются рассудочно. Такая расшифровка, если она даже правильна, мало что даст человеку. Ритуальная символика — это, прежде всего, связь-включенность, но вне молитвы и покаяния духовная включенность невозможна. Рассудочное гностическое познание символов предполагает дистанцию между ними и душой. Символы остаются внешним познавательным объектом, а не становятся пробуждением духа. Современному интеллигенту проще включиться в мир светского искусства, где доминируют не символы, а образы. Получается парадокс: символ, более высокая познавательная категория, оказывается менее доступным для интеллектуала, чем для человека с непосредственным религиозным чувством, который постигает символы интуитивно.

К тому же современный интеллигент стыдится участвовать в ритуале и обряде, считая это уделом простецов, примитивных, по сравнению с ним, людей. Для интеллигента земной поклон, коленопреклонение и так далее кажутся такими инфантильными, хотя в любом символическом обряде заключено глубокое богословие.

Современный интеллигент дорожит своей индивидуальностью, а в Церкви стирается индивидуальность (по крайней мере, игнорируется индивидуальность, но раскрывается личность). Для интеллигента индивидуальность превалирует над личностным началом, она как бы поглотила личность. Поэтому в Церкви интеллигент чувствует себя как бы потерявшим собственное «эго». В личности присутствует элемент идеального; становление личности — это движение от эмпирического к идеальному, а в индивидуальном присутствует обособленность, она застывает на врожденной данности и эмпирике.

Современный интеллигент в своем развитии находится на душевном уровне, он не понимает, что ему необходим переход от душевного к духовному. Все, чем он жил, включая тонкие эстетические впечатления,— все принадлежит душе и земле. Интеллигент и ищет в Церкви привычных ему душевных наслаждений, он ищет «поле» творчества, а ему говорят: «Вот дорога, указанная Христом, вымощенная святыми отцами,— иди по ней, не уклоняясь ни влево, ни вправо. Церкви ты ничего не можешь дать, ты можешь только взять, а возьмешь столько, сколько можешь вместить, а вместить можешь столько, насколько ты очистился от эгоизма, гордости и страстей. Если ты станешь участником Божественного Света, то увидишь, что все в Церкви насквозь пропитано этим светом. Великая радость Церкви, если ты возьмешь этот свет из ее вечных источников». И вот современный человек оказывается на распутье, как юноша, который боялся оставить свое имя (см.: Мк. 10, 22). Юноша ожидал, что Господь откроет ему тайну спасения, а Господь сказал: *оставь все, что имеешь* (ср.: Мк. 10, 21) — и ревность юноши погасла.

Религия — это сама жизнь, а не только время, отдаваемое храму, религия — это, прежде всего, дело воли. В сердце суммируется вся жизнь человека, в сердце решается вопрос,— кто он и с кем он, а сердце современного интеллигента представляет собой целый пантеон, наполненный идолами, собранными со всех концов света. Сможет ли интеллигент сжечь их и, как нищий, войти в храм или, постояв у дверей храма, отойдет прочь?! По крайней мере человек, пришедший в Церковь, должен помнить, что он глубоко болен грехом, что Церковь — это Божественная сила, что человек может видеть свет Церкви только отраженным в собственной душе, а для этого необходимы подвиг и аскеза. Надо понимать, что Церковь не освобождает человека от страданий, она дает терпение и радость в самих страданиях, надо верить, что смысл жизни лежит за пределами земного пути.

Недавно самым главным врагом христианства был атеизм, теперь этот враг, как артист, сыграв свою роль, ушел за кулисы. Вместо него появились два, не менее лютых, противника христианства — это гуманизм и либерализм.

Напомним: гуманизм — зачеркивает вечность; это — религия земного человека, занявшего место Бога. Либерализм — зачеркивает нравственность; это — религия земного человека, превратившегося в нравственный труп. Иногда эти противники христианства объединяются, иногда как будто борются друг с другом, но всегда остаются врагами религии.

Если интеллигент честен перед собой, то на вопрос, чего он искал в Церкви и так-таки и не нашел в Церкви, ответит: «Я искал в Церкви то, чего не нашел в миру, я искал в Церкви любовь, которая согрела бы мое сердце, и там я не нашел этой любви. Я слышал проповедь о любви, но не почувствовал реальной силы, которая стоит за этим словом. В Церкви меня не покидал гнетущий дух одиночества, а некий голос говорил мне, что я никому не нужен».

Что можно сказать на это? Потеря любви — это проклятие нашего века, это один из самых верных признаков приближающейся апокалиптической катастрофы. Но перед нами очевидная ошибка — человек пришел в Церковь для того, чтобы его любили, но не для того, чтобы самому научиться любить, он об этом даже и не подумал, он этого вовсе и не хотел. Интеллигент желал, чтобы его отогрели любовью, но если бы это и случилось, то приписал бы отношение людей к себе своим личным достоинствам и вряд ли бы смог ответить тем же. Церковь дает другую возможность — научиться любить самому, сделать любовь внутренним двигателем своего сердца. Любви противостоят страсти; христианская любовь — это не голос эмоций, это голос духа. Человек бывает истинно счастлив не тогда, когда его любят, а когда он любит сам, не тогда, когда его прощают, а когда он прощает сам своих обидчиков. Этой любви не ищет современный интеллигент, он и здесь хочет быть потребителем. И вот срыв. Церковь — это больница, в ней собрались больные, с гниющими ранами, они ищут исцеления, но много ли среди них тех, кто действительно хочет исцеления, кто ищет в Церкви новую жизнь?!

Церковь во все исторические времена, как известно, была малым стадом Христа, и, кстати, те, кто имеет духовную любовь, мало говорят о ней, они сдержанны в ее внешних проявлениях. В мелодии всегда более явственны диссонирующие звуки. Пусть интеллигент спросит себя, чего он больше хочет: чтобы его любили или — чтобы он любил. А самая высокая степень любви — это любить тех, кто не любит тебя, то есть и врагов. Некоторые воображают, что они имеют такую любовь, но на самом деле это — иллюзия, которой они тешатся. С заоблачной высоты своей пустой фантазии такие гордецы низвергаются на землю, но при этом твердят: «Как я любил людей, а они отплатили мне неблагодарностью» — при том, что на самом деле они никогда никого не любили.

Любовь, о которой разглагольствует мир, представляет собой сублимацию²¹⁰ страстей, это — трансформированная чувственность, которая обязательно разделяет мир

²¹⁰ *Сублимация* — здесь: «возгонка» страстей и замещение ими любви.

на своих и чужих. У человека могут ослабевать определенные душевные напряжения, «сниматься» психические фобии, когда человек чувствует, что его любят, но это — душевная радость, а как все душевное, она не глубока.

Истинная любовь не берет, а отдает. Но в том и тайна духовной любви, что, чем больше она дает, тем больше она приобретает. Когда враг человека становится как бы частью души человека, то человеку кажется, что он приобрел весь мир. Это — величие Церкви, которого не видят те, кто мечтает об одном — избавиться от страдания.

Два ученика Христа просились быть рядом с Ним в Небесном Царстве, а Господь сказал в ответ: *чашу, которую пью, и вы будете пить* (ср.: Мф. 20, 23). И эта чаша — чаша страдания. А современный человек желает получить Небесное Царство без своей собственной Голгофы, даже больше — современный человек только и ищет, как избежать Голгофы.

Человека может утвердить в вере молитва. Один из святых сравнивал молитву со сверкающим мечом Гедеона (см.: Суд. 6, 11–8, 32), но современный человек мало способен к молитве, он не готов жертвовать для нее внешними впечатлениями и поэтому во время молитвы, под гнетом помыслов, не понимает собственных слов. Между тем святые отцы говорили, что на небе слышен голос не уст, а сердца. А у современного человека сердце почти всегда отключено от молитвы, сердце молчит, оно живет своей автономной жизнью, и поэтому молитва становится внешней и фальшивой. Но без молитвы вера теряет внутренние свидетельства, становится только теорией, пусть и теорией с определенной степенью достоверности, но все-таки теорией, а не жизнью. Без молитвы душе недоступен личный Бог, живой Бог. Интеллигент, приходя в храм, должен понимать, что уж кому-кому, а ему-то как раз нужно много трудов и усилий, чтобы дойти до известной степени духовности. Способен ли интеллигент на такой подвиг?!

Для современного интеллигента, воспитанного в традициях гуманизма, оказываются непонятными и правила Церкви, запрещающие молитвенное и евхаристическое общение с еретиками. Интеллигенту кажется, что в этих правилах проявляются духовная гордость, самоизоляция, нетерпимость и отсутствие христианской любви. Он уверен, что эти правила представляют собой позднейшие прибавления к учению Христа, которые искажают сущность Евангелия. «Это средневековый фанатизм, от которого Церковь упорно не хочет отказаться», — говорят интеллигенты и стараются противопоставить учению Церкви свое понимание любви и добра, только любви — без Бога — и добра — без отрицания зла. «Мы верим в одного Христа, — говорят господа гуманисты, — а церковные каноны — это только перегородки». Надо сказать, что сам гуманизм по существу своему нерелигиозен и индифферентен; он выключил человека из жизни Церкви еще до того, как тот формально покинул Церковь. Гуманист перестал понимать, первое, — что такое догматы, второе, — что такое молитва. Более того, само слово *догмат* носит в сознании гуманиста отрицательный оттенок, как нечто косное, неподвижное, убивающее мысль и творчество. Между тем догмат — это Откровение Бога о Себе Самом, та вечная истина, облачаемая в человеческое слово, которая дает человеку свет и умственное нетление. Искажение догмата — это искажение образа Христа в душе человека, ложный догмат — это ложный образ Бога, а духовная ложь — это темный лик сатаны. Гуманисту кажется, что все конфессии верят в одного Бога; но в том-то и заключается трагедия, что ереси и секты верят в другого Бога, хотя бы и называли его Христом, хотя бы и знали наизусть Евангелие. Господь сказал о поклонении Небесному Отцу. Современный человек привык смотреть на философские суждения как на нечто недостоверное, как на научные гипотезы, как на временную модель, нуждающуюся в постоянном обновлении. Под этим ракурсом он обычно рассматривает догматы и поэтому считает, что учение Церкви можно модернизировать, чтобы согласовать его с принципами современного гуманизма.

Но здание церковной догматики — это единый монолит: искажение одного догмата ведет за собой деформацию всего строения. Мы не признаем единства вне истины. Мы считаем, что вне истины не может существовать самой любви. Гуманисты редко

понимают значение Евхаристии как принципа единства Церкви, единства по образу Святой Троицы. Церковь — это не союз, не соглашение, не ассамблея, а духовное единство живого организма. Ересь — это инородное тело в живом организме, и если это тело не будет отвергнуто, то оно приведет весь организм к смерти. Литургическая молитва — это осуществление духовного единства. Сознательное единство с еретиками делает православных солидарными с ересью и ответственными за нее. Современный человек, как мы уже говорили, путает молитву с медитацией, то есть с размышлением, с самопогружением. Медитация — это субъективное психологическое состояние, а молитва — это великий треугольник, вершина которого — Бог, а нижняя линия — люди, соединенные единой верой, единым упованием.

Евхаристическая молитва соединяет присутствующих в храме в один живой духовный организм, в одно мистическое тело Христа. Святые отцы выражают это единство с помощью такого образа: христиане похожи на зерна пшеницы; во время молитвы эти зерна растираются жерновами, становятся мукой, смешиваются друг с другом, и из этой муки выпекается единый евхаристический хлеб. Молитва с еретиками — это хлеб, в который попали плевелы. С еретиками невозможно единство. Догматы — необходимые условия для духовного единства. Этого не может понять современная интеллигенция, для которой догмат — только теория, притом созданная-де в процессе эволюции. Мистически не пережив догмата как Божественного Откровения, не почувствовав его достоверности во внутреннем религиозном опыте, не подчинив свой малый разум великому разуму Церкви, интеллигенты подходят к догматике не как к Божественному Откровению, а как к философским тезисам, то есть результату интеллектуального творчества.

Что главное в христианстве? Если спросить интеллигентов, они ответят, что нравственная сторона его учения. Но и здесь противоречие. Мало кто из интеллигентов решается жить по заповедям — нравственным догматам: большинство удовлетворяется нравственным компромиссом, который в сущности своей безнравственен.

Что же влечет интеллигента к христианству? С одной стороны, внутренняя неудовлетворенность: человек чувствует, что живет неправильно, что он одинок и несчастен, и он ищет выхода из тупика. Жизнь в Церкви представляется ему как некая альтернатива его наличному состоянию (состоянию охваченности пошлыми страстями, которые безраздельно владеют интеллигентом), — как альтернатива чувству безысходности и разочарования. С другой стороны, интеллигента влечет к Церкви мистическое чувство, живущее в человеке. Человек ощущает таинственную красоту Евангелия, догадывается о существовании неизвестного для него мира, но, увы, пытается проникнуть в этот мир не с помощью изменения всей своей жизни, а с помощью интеллектуальных усилий. Еще не войдя в Церковь, интеллигент уже требует реформ, которые сделали бы для него понятными жизнь и учение Церкви. Для гуманиста догматов веры не существует. Для них только один догмат — это «живой» человек, притом абстрактный человек. Поэтому гуманисты и возмущаются, что в Православной Церкви нельзя молиться вместе с еретиками и иноверцами. Для современного интеллигента Церковь — это группировка, а не единство. Он ищет в такой группировке солидарности, защищенности, взаимопомощи, аудитории, ищет возможности поговорить, только поговорить, о вере, — в общем, он ищет привычного интеллектуального уюта.

Притом интеллигент в глубине души думает, что он оказывает честь самой Церкви, когда ходит в храм. А когда не чувствует «уважения» к своей элитарности и привилегированности, то возмущается: его поставили в один ряд с простым народом. Он хочет блеснуть умом, а ему говорят: «Стой смиренно!». От этого у интеллигента немедленно появляется горечь в душе, и он начинает мечтать: как было бы хорошо создать особую Церковь интеллектуалов, в храмах которой проповеди читали бы не священники,

окончившие семинарию, а верующие гуманитарии, вроде Сергея Аверинцева²¹¹, Льва Гумилева²¹² или Мераба Мамардашвили²¹³.

Но вернемся к вопросу о возможности молитвы с еретиками. Во-первых, для этого мы должны признать, что догмат несуществен для мистического единства, то есть должны отказаться от Православия. Во-вторых, мы должны обмануть самих еретиков, свидетельствуя, через экуменическую молитву, что можно спастись, пребывая в ереси (сердце Церкви — это евхаристическая Жертва и общая молитва). Но, молясь вместе с еретиками, мы оказываемся не в Церкви, а в каком-то неопределенном и расплывчатом христианстве. Содержание, как мы уже отмечали, рождает форму, а форма хранит содержание. Так что для совместных молитв с представителями других конфессий и сект надо отказаться от православной литургии и перейти на вновь сочиненные экуменические молитвы, которые содержали бы в себе богословский минимализм, а именно расплывчатую идею о Высшем существе, так как большинство ересей и сект отвергают реальность Причастия. Но для того чтобы «причаститься» с еретиками, надо реформировать литургику по протестантскому образцу, а вернее — создать новую литургию, когда бы Таинство было заменено воспоминанием о библейском событии. Поэтому, чтобы молиться с еретиками, нам нужно, прежде всего, перестать быть православными.

Мы указали выше, что интеллигенция путает два совершенно разных явления — молитву и медитацию: обращенность к Богу и обращенность к самому себе. Но в среде интеллигенции встречается и такое мнение насчет молитвы. А именно: молитва — это энергия души. Перед нами скрытый материализм в виде энергетизма. Молящийся человек, с этой точки зрения, похож на динамо-машину, которая вырабатывает особый «психический ток». В такой общей молитве создается целеустремленный энергетический поток. Но эта молитва не направлена к Богу, в ней нет чувства Бога как Живой Личности, в ней нет главного — покаяния. Человек просто направляет свою «энергетику» для достижения определенной цели, соединяя ее с «энергетикой» таких же синхронно молящихся человек. Здесь вообще исчезает всякое различие вероисповеданий. И мусульманин, и язычник, и иудей — все в своих мысленных концентрациях «вырабатывают» некую психическую энергию. А «узлами» этой энергии могут одинаково служить и христианский храм, и буддийская пагода, и исламская мечеть. Это уже не экуменическая, а теософская молитва, притом — молитва без Бога. А так как современному интеллигенту в Церкви не совсем уютно, то он обычно приходит к мысли, что лучше собраться вместе с друзьями и в тишине и спокойствии предаться психическим опытам по выработке энергии с помощью слов. Иногда, впрочем, молчаливо предполагается, что вместе собираться не обязательно, просто пусть каждый, в указанный час, посылает свою психическую энергию к определенному объекту. Это уже напоминает «Церковь атеистов», которая, кстати, существует в Европе. В такой молитве слово Бог употребляется как синоним космической энергии, впрочем, это слово вообще избегают произносить. А мы думаем, что единственный путь интеллигента к Церкви — это упрощение себя. Не обеднение, а упрощение. Интеллигент должен отбросить иллюзии о могуществе своего ума, о своих интеллектуальных привилегиях и о своей мнимой порядочности.

В Апокалипсисе сказано: «Ты думаешь, что ты богат, а ты беден, нищ и окаянен» (см.: Откр. 3, 17).

Современный человек любит все упоминать слово *культура*, но если уж говорить об истинной культуре, то она начинается с умения увидеть свою некультурность, познать ограниченность своего ума, бесстыдство и безобразия своих страстей, этой тайной

²¹¹ Аверинцев С. (1937–2004) — русский филолог, культуролог, библиист и переводчик.

²¹² Гумилев Л. (1912–1992) — русский историк и географ.

²¹³ Мамардашвили М. (1930–1990) — русско-грузинский философ.

болезни души; истинная культура — стать рабом Христа и послушником Церкви, чтобы через подобное рабство получить свободу.

Наша интеллигенция постоянно путает два аспекта, в которых действует человеческая душа,— духовный и чувственно-душевный. Явления, относящиеся к духовному аспекту, переносятся на душевный, и наоборот. Критерии и ориентиры истинной и ложных религий при этом пропадают. В душевном контексте-аспекте определить и различить духовные явления невозможно. Поэтому религии в их внешних проявлениях начинают представляться интеллигенту, повторимся, внутренне мало различающимися традициями, с близким друг другу содержанием. Значительная часть интеллигенции искренне не понимает, почему Православие так резко отделяет себя от других конфессий. Многие считают это дефицитом любви и узостью мышления, даже не представляя того, что перевести духовное на уровень душевного — означает: погасить и умертвить дух. Перед нами вполне закономерное явление: человек, не вышедший из области душевного и страстного, не может познать, что такое дух, а так как к этому непониманию обычно прибавляется интеллектуальная гордость, то человек негодует: как это он, такой образованный и умный, не может чего-то понять. Неужели простым верующим доступно то, что не доступно его просвещенному наукой уму и облагороженному искусством сердцу. Если даже интеллигент и осознает, что его дипломы не могут стать «билетиками» в страну истины, то все равно будет искать эту истину в привычном ему душевном аспекте, в котором, сказать по правде, религиозной истины нет. Истина — это Бог и путь от души к Богу. Бог открывается человеку в духовном аспекте, через Свои Божественные силы и энергии, называемые благодатью. Через пробудившийся, как бы воскресший, дух очищается и совершенствуется душа, она становится подобием духа и причастницей благодати; через душу благодать освящает и тело: происходит преобразование всего человеческого существа. Если главное звено в этой иерархической цепи разрушено или отсутствует, то душа не может увидеть Божественный Свет, она мечется и бьется, как слепая, пребывая во тьме своих интеллектуальных грез и представлений. С непробужденным духом, лишенная видения и ведения внетварного и незримого света, натура интеллигента строит по привычным ей дискурсивным²¹⁴ методам свои понятия о религии, как о неведомых островах. Православие, принятое в одном душевном аспекте, без пробуждения духа, а самое главное — без искания благодати, не дает человеку чувства внутренней достоверности, оно воспринимается эмоционально или формально и поэтому так же отличается от истинного Православия,— общения с благодатью, как тень человека от самого человека.

Чем же достигается выход из душевного в область духа? Борьбой со страстями, с воображением и чувственностью; затем послушанием, подчинением своего малого разума великому разуму Церкви и отказом от соблазна ввести дискурсивное мышление, как инструмент анализа, в область веры. Для веры нужна жертва, этой жертвой, прежде всего, должна стать интеллектуальная гордость. Простой человек, имеющий духовный опыт, стоит на лестнице духовной мудрости выше, чем эрудит, перелиставший целую библиотеку, но не очистивший свой ум от путаницы представлений и хаоса помыслов, а сердце — от страстей. Интеллектуал, старающийся поймать истину сетью своих логических суждений, если даже он считает себя верующим и позволяет себе изредка посещать храм, так же мало знает о Православии, как мало знает о меде тот, кто только видел пчелиные ульи.

Экуменические симпатии нашей интеллигенции являются выражением ее душевности и индифферентного к вероисповеданию гуманизма. В душевном аспекте понять различия между конфессиями или доказать истинность Православия — трудно, но в духовном — они как бы высветляются и становятся видны. *Прииди и виждь* (Ин. 1, 46),— говорит Апостол, увидевший свет Христа, Нафанаилу; последуй учению Церкви не только умом и чувством, но и сердцем, волей очищай его, как учат аскеты, оставайся

²¹⁴ *Дискурсивный* — рассудочный.

ребенком рядом с ее мудростью и тайной, борись со своей гордыней, как со смертельным врагом, и в тварном свете духа своего ты увидишь вечный свет Христа или, точнее — свет Христа озарит и оживотворит твой дух.

Смирение, это великое таинство,— есть открытость души для Бога. Открытость нельзя заменить никакой добродетелью, даже всеми добродетелями, взятыми вместе. Смирение открывает сердце навстречу Богу, и бездна человеческого сердца наполняется полнотой из «Божественной бездны», или, говоря по-другому, образно,— луч благодати освещает бездонные глубины сердца, и капля благодати наполняет волнуемое море сердца радостью и дает человеку неземной покой.

Иногда какой-нибудь интеллигент говорит: «Мне хорошо в храме, но что мне может дать священник? Я готов принять его как исполнителя Таинств, но, кроме этого, что может быть у меня с ним общего?».

Или в этих словах выражается обычное интеллигентское пренебрежение к священству, или наш интеллигент исходит из собственного случайного опыта. Возможно, интеллигент подошел к священнику с вопросом, ответ на который мог бы быть дан только на уровне информации или дискурсивного мышления, в том числе казуистически-схоластического. В таком случае интеллигент потребовал у священника того, чего у священника могло и не иметься. Результат был бы таким же, спроси он у врача об электронной технике. Священник — это не философ, не схоласт, не историк и даже не богослов-эрудит (хотя одно не исключает другого). С точки зрения эрудита, ответы священника могут показаться наивными, а иногда могут быть действительно ошибочными. Но если бы интеллигент подошел к православному священнику не как к совопроснику, а как к духовному руководителю и спросил бы совета, как ему, интеллигенту, спастись, то в большинстве случаев получил бы правильный ответ. Священник, многие годы служащий литургию, возносящий молитвы и ектеньи, принимая Причастие, то есть соприкасаясь с Божественным Светом, не может не иметь определенного духовного просвещения и поэтому способен дать ответы на голос души, желающей приблизиться к Богу, а не на вопросы любознательного и скептического рассудка.

Еще одна характерная интеллигентская черта — слабое знание самого себя, что, как ни странно, может сочетаться со способностью к тонкому психоанализу. Оно и понятно: проникнуть в глубины души можно только при свете благодати. Анализ на уровне рефлексии — это картины сменяющих друг друга волн. Интеллигент обычно болеет гордостью; он везде хочет быть значимым. Если интеллигент не идеализирует себя, то он готов выглядеть и в своих глазах, и в глазах окружающих самим демоном, только бы не мелким и паршивым бесенком. Священник, как правило, интуитивно чувствует внутреннее состояние своих духовных чад и видит их главную болезнь, с которой надо начать лечение. Поэтому слова священника могут показаться на первый взгляд не соответствующими вопросу, но они будут содержать то, что нужно спрашивающему. Это проверено опытом. Впрочем, и здесь требуются определенные условия — любовь со стороны священника к спрашивающему и доверие спрашивающего к священнику: тогда появляется внутренняя связь, тогда благодать может открыть священнику то, что скрыто под непроницаемым покровом от любого психолога.

Религия — это, прежде всего, новая жизнь, а не информация. Для новой жизни необходима жестокая и в большинстве случаев продолжительная борьба с самим собой. В этой борьбе не помогут блестящие идеи, цитирование святых отцов и собственные изобретения. Здесь необходим волевой контроль над своей жизнью и, больше того, над своим сердцем — источником жизни.

Некоторые интеллигенты, прочитав какую-нибудь книгу об Иисусовой молитве, считают, что достаточно теоретически овладеть методом, и успех обеспечен. На самом деле Иисусова молитва неотрывна от евангельских заповедей, от образа жизни человека. Ее нельзя изолировать от литургической жизни Церкви, ее нельзя рассматривать отдельно

от всей христианской аскетики, как цитату, вырванную из контекста. Молитва является сердцем духовной жизни, жизнь человека должна стать приготовлением к молитве. Иисусова молитва вне жизни по Евангелию или замирает и гаснет, как лампада без масла, или превращается в механическое и поверхностное повторение слов, а в некоторых случаях — при явных плотских грехах — может привести к душевному расстройству, своего рода истеричности.

Борьба со своими страстями похожа на лечение хронической, закоренелой болезни. Для борьбы нужны время и настойчивость, а наша интеллигенция хочет получить все легко и быстро. Современный интеллигент, еще не смыв грязи страстей, считает, что, едва переступив порог Церкви, он уже готов к встрече с Богом, и чувствует себя обманутым, если эта встреча не состоялась.

Вопрос о духовном отце — один из трудных вопросов нашего времени. Для этого надо, прежде всего, почувствовать свою духовную недостаточность, и — отсюда — необходимость в духовном руководителе как в проводнике по незнакомой местности, где много путающихся тропинок, много рытвин и обрывов. Необходимо и наличие волевой решимости исполнить благословение духовника. Отношение к духовнику не должно переходить в фамильярность и панибратство, с одной стороны, и — в нежную сентиментальность или в ложное смирение с бесконечными поклонами и словесным афишированием своей греховности, с другой стороны. Духовный отец, о чем бы он ни говорил, дает тебе урок, этот урок ты должен понять и выполнить все требования. В религиозной жизни никакие знания не могут быть прочными, если они не основаны на опыте, если они не заработаны, так сказать, потом и кровью. Священник должен уметь сочетать любовь к своим духовным чадам со строгостью к ним и сам должен следовать уставам Церкви. Руководство может протекать только в русле церковного Предания и евангельского учения. Излишняя суровость и излишняя ласковость — это две крайности, которые должны быть чужды духовному отцу. Суровость обижает сердце человека, он замыкается в себе, а излишняя ласковость чрезмерно привязывает к духовному отцу в душевном плане, и это может стать скрытым «страстным» состоянием.

Как выбрать духовного отца? Надо молиться об этом и прислушиваться к свидетельствам своего сердца. Необходимо и духовное взаимопонимание, похожее на родство. Говорят, что грудной ребенок безошибочно узнает свою мать среди многих женщин. Так душа человека может узнать, — кого избрать своим духовным отцом. Духовный отец должен говорить кратко и ясно, а больше любить молиться. Молясь, он невидимо присутствует рядом со своими духовными чадами, где бы они ни были. Духовный отец не должен быть тщеславен, а также корыстолюбив. Его «корысть» — это спасенные души. Святые отцы говорили, что где внешняя помпа, там мало духа. Беседы с духовным отцом не должны переходить в мирские посиделки, иначе главное забудется. Надо помнить, что демон будет стараться оторвать человека от духовного отца, будет клеветать на духовного отца через помыслы человека или ложные мнения окружающих. Но лишь в некоторых случаях разрешается переменить духовного отца, и то — после благословения на это у опытных духовников. На такой шаг надо решаться как на тяжелую хирургическую операцию, когда нет другого выхода. Но обычно меняет духовного отца гордый человек, который ищет не простых и смиренных духовных руководителей, а чудотворцев и прозорливцев. Такой человек просто-напросто считает, что духовный отец недостойн его.

Мы сказали, человек не может познать свою собственную душу. Человеческая душа — это глубокое море. И человек видит только тонкую, поверхностную пленку, только тот «внешний слой» души, где мысль принимает форму профористического²¹⁵ слова, а внутренние импульсы ощущаются как чувства и эмоции. На поверхности души мы видим поверхностную же область следствий, а не глубинную область причин. То, что мы знаем о

²¹⁵ Профористический — высказываемый, внешний.

своей душе, относится к ведению феноменологии²¹⁶, а скрытые от нас глубины души — к ведению онтологии²¹⁷. Духовная интуиция духовного отца высвечивает монаду²¹⁸ человеческой души, духовник видит не «голую» атрибутику, а саму субстанцию души, он видит не ее внешнюю жизнь, а недоступный рефлексивной аналитике ноумен²¹⁹ души. Человек ищет причину феномена, а духовный отец говорит о состоянии ноумена, может быть, порой и слишком простыми и «безыскусными» словами. А интеллектуалу кажется, что священник по своей простоте не понял вопроса.

Христианское бесстрашие — не буддийский вакуум, в котором тонет все без разбору,— и душевное, и духовное, это не признак состояния нирваны, когда сама душа превращается в холодный труп, когда царственное место духа занимает «царица-пустота». Христианское бесстрашие — это исцеление страстных сил души. Страсть — это деформированное чувство, это — «лихорадка эмоции», это — болезненная, то есть неправильная, реакция человека на какой-либо внешний раздражитель. Страсть агрессивна. Она захватывает человека, парализует волю, затемняет рассудок. Бесстрашие — действие благодати и возобновление внутренней гармонии, когда душа подчинена духу, а дух — Богу. Но состояние бесстрашия не статично, здесь нужна постоянная борьба с самим собой. Бесстрашие — это истинная жизнь души. Однако бесстрашие, которого хотят добиться без благодати, одними искусственными приемами,— это ложная духовность, она ведет к бесчувствию и мертвенности; не Бог (греческое *θεός*), огонь (греческое *πῦρ* см.: Евр. 12, 29), а демон (греческое *δαίμων*), холодный, как вечные льды, поглощает душу. Образно говоря, христианская аскеза — это вскрытие гнойника, чтобы исцелить больную руку, а буддийское бесстрашие — это отсечение руки вместе с гнойником. Христианское бесстрашие сопряжено с глубокими духовными переживаниями, но в них нет сложностей и противоречий. Они не нарушают тишины благодати.

Иногда интеллигенту кажется, что если он «раздаст» свое душевное имущество, то тут же превратится в бездомного нищего. Такой страх может стать причиной мучительных колебаний. Человек одет в грязные одежды, теперь ему говорят: «Сбрось эту ветошь, и мы дадим тебе царские одеяния», — а он боится, что, расставшись с привычной одеждой, останется нагим. Это — тоже испытание мужества и воли человека. Господь сказал: *женщина мучается от боли, пока родит ребенка, а когда родит, забывает все* (ср.: Ин. 16, 21) — и радуется появлению новой жизни. Когда человек почувствует пробуждение своего духа, тогда он забудет о сомнениях, колебаниях и переживаниях и будет радоваться, что родился в новую жизнь. Все это познается опытом.

Рассудочный гносис, как душевная сила, идет от частного к целому. Он воспринимает объект аналитически, расчлененно, объект в его частичных проявлениях, свойствах и атрибутике, а затем строит модель из отдельных конструкций. Духовный разум воспринимает объект синтетически, через проникновение в его ноумен. Образно говоря, он созерцает идею объекта. Здесь пропадает дистанция между объектом и субъектом, всегда присущая аналитике, здесь происходит нечто похожее на соприкосновение, только без смешения и отождествления. Идеальная сущность объекта отражается в нусе²²⁰ человека. Это своего рода зрение, только более простое и цельное, чем физическое зрение.

Для того чтобы иметь критерий различения душевного и духовного, следует обратиться к учению святителя Григория Паламы²²¹, который, так сказать, догматизировал восточную мистику — учение о несотворенном свете.

²¹⁶ *Феноменология* — здесь: учение о сущностях как предметах возможного опыта.

²¹⁷ *Онтология* — здесь: учение о бытии.

²¹⁸ *Монада* — здесь: неделимый духовный элемент.

²¹⁹ *Ноумен* — здесь: сущность в себе.

²²⁰ *Нус* — здесь: духовный разум, своего рода взаимосоотнесенность бытия и его созерцания.

²²¹ *Григорий Палама, свт. († ок. 1360)* — учитель Церкви.

По учению Григория Паламы, а вернее — православных мистиков-исихастов, существует три вида света: первый — это чувственный свет, который воспринимают телесными очами не только люди, но и другие обитатели Земли. Это — космические эманации²²², имеющие материальную природу. Второй вид света свойствен только человеку: это — свет интеллекта, способность рассуждать и воображать, вызывать в памяти картины прошлого, составлять планы на будущее, находить закономерности между явлениями. Это — свет, который достигает значительной интенсивности у философов, поэтов, ученых; им восхищается мир и часто путает его с духовностью. Образно говоря, этот свет мерцает в лабораториях, льется из театральных рампы, озаряет залы библиотек, но этот свет, как чувственный свет, принадлежит земле, ему недоступно небо. И наконец, третий вид света — это несотворенный свет благодати, это свет Фавора²²³. Этот свет человек может увидеть только через подвиг веры и очищения души от страстей. Это — свет Фиваиды и Синая, это — свет преображения, тайны веры, глубины Евангелия. Мистическая встреча души с Богом и жизнь будущего века открывается в этом свете. Кто хочет увидеть Бога в интеллектуальном свете, того ждет поражение: он увидит призраки своего собственного воображения или, вернее — синергизма своей фантазии и дьявольской лжи.

Католицизм отверг учение о несозданном свете, он назвал его «ересь Паламы», его не приняли также протестантство и другие христианские конфессии, и именно потому, что они душевны. В этом отношении паламизм стал как бы своеобразной границей между Православием и инославием: для Православия экуменизм невозможен. Мы говорим с инославными на разных языках. Апостол Павел прямо сказал: *душевное духовного не понимает* (ср.: 1 Кор. 2, 14), духовное для душевного кажется безумием. Платформа экуменизма — это душевное.

Исихазм означает безмолвие, но это не отсутствие слова-смысла, а полнота, это — луч Божественного Света, того несотворенного света, который, сочетаясь с человеческим духом, дает человеку ощущение исполнения всех его исканий и стремлений, ощущение полноты жизни, и в то же время снимает все противоречия и сложности. Луч благодати наполнил светом бездну человеческого сердца, и наступило безмолвие. Не мертвая статика, а тишина, без сомнений и страстей, — состояние небесного покоя, состояние особой динамики, когда в каких-то внутренних глубинах расширяется самобытие. Мистические переживания католиков относятся к эмоциональным переживаниям: это — область душевных вдохновений, яркого воображения, которое может дойти до визионерства и появления стигм (греческое *στίγμα*) — ран на теле. Видения католических подвижников носят чувственный характер, их записи нередко представляют собой форму диалога с Христом, то есть подвижники пишут от имени Христа, имитируя Евангелие, а стигмы — это результат внутреннего, эмоционального отождествления себя с распятым Христом. Некоторые видения католических монахинь имеют сюжетом встречи с неизвестным духом, которого они называют Христом, встречи с явно романтической окраской. Стиль таких произведений обычно носит нервный, беспокойный характер, в них как раз отсутствует то, что мы назвали безмолвием. В произведениях восточных аскетов мы чувствуем глубину и ясность мысли, внутреннюю гармонию и великую трезвость ума, а у католических мы видим смену эмоций, поднимающихся до состояния экстаза, и какие-то темные провалы сознания. У католиков присутствует постоянное внутреннее беспокойство, своего рода учащение пульса. В католицизме мистика оторвана от богословия и богословие превращено в схоластику.

Религиозный рационализм есть подмена духовного плана душевным, и здесь человек может обратить дары от Бога против Бога. Это особенно видно в мистических сатанинских сектах. Там душевный свет отдается демону и превращается в мертвый,

²²² Эманация — здесь: порождение космоса.

²²³ Свет Фавора — нетварный Божественный Свет.

прямо кладбищенский, свет, который содержит в себе метафизическую тьму. Это — свет люциферианских откровений.

Мы не отождествляем душевность с каким-то негативным началом, не приписываем душе и духу дуалистическое противостояние, мы только говорим о том, что душевное не может постичь духовное, как в физическом свете невозможно увидеть интеллектуальный свет. Но когда нарушается иерархия человеческой личности и душа узурпирует область духа, тогда демонизируется сама религия. Если же душа подчинена пробужденному духу, то возобновляется гармония человеческого существа, и возникает новое видение мира. Например, красота природы и человека может служить не объектом страстей, а средством возведения ума к Богу — тенями и подобиями Божественной красоты. Сам эстетизм, как влюбленность в космос, по природе своей антитеистичен, он оторван от вечности; относительная красота творения, когда жизнь соединена со смертью, кажется ему самоценной. Поэтому эстетизм кончается декадентством.

Современный интеллигент толком не понимает, что ему нужно от Церкви. Он не понимает даже, что такое Церковь. Иногда интеллигент считает Церковь каким-то мирским институтом, члены которого, люди одной веры, собираются вместе для молитвы. Церковь представляется ему коллективом, объединенным ритуалами и чувством корпорационной солидарности. В этом случае оценка Церкви превращается в оценку очень поверхностную, внешнюю, — оценку человеческого элемента Церкви. А эта оценка, как уже было замечено, бывает весьма строга и критична, ибо интеллигент сталкивается в Церкви не со святыми, о которых он читал в книгах, а с простыми людьми, с человеческими недостатками и слабостями. Но ведь Церковь не делает человека святым механически: необходимы, напомним, подвиг воли и изменение жизни. Кроме того, грязь и пыль видны при свете, и во свете Церкви явно обнаруживается то, что таилось в глубине человеческого сердца. Многие пороки выходят наружу после обращения человека к вере, хотя до этого они спокойно «сидели» внутри. В Церковь приходят люди, осознавшие свою болезнь, но Церковь и Православие — еще не гарантия спасения. Из ворот больницы часто выносят трупы. Люди, только пребывающие в Церкви и не исполняющие ее учения, могут по своему внутреннему состоянию оказаться закрытыми для благодати. Помимо всего прочего: грех и зло, в отличие от добра, сразу бросаются в глаза. Христианское добро целомудренно, оно старается скрыть себя от взоров людей. Если бросить в воду золотоносную руду, то крупички золота ложатся на дно. Человеческие грехи и слабости — это не Церковь, а пленка на поверхности Церкви. Церковь — это, прежде всего, невидимая сила, это благодать Божия и условия для приобщения благодати.

Другая распространенная ошибка — в Церкви ищут эзотерики, ищут какие-то мистические секреты, и, конечно, ничего не находят. Люди, занятые такими поисками, похожи на Симона-волхва, который предлагал Апостолам деньги, чтобы купить Дух Святый (см.: Деян. 8, 18–19). Они хотят купить благодать на свои интеллектуальные богатства. Церковь, вместо этого, предлагает им путь борьбы со страстями, смирение ума, послушание, и они часто, подобно богатому юноше из притчи, покидают Церковь, как тот — Христа (см.: Мк. 10, 17–22).

Еще одно искушение в религиозной жизни интеллигента — крайний спиритуализм, когда человеку начинается казаться, что догматы, выраженные словесно, а также ритуалы и Таинства, имеющие материальную форму, уже не соответствуют идее чистого духа, что сама Церковь материализировалась. Спиритуалисты считают, что религию можно свести к самоочищению, и называют себя духовными христианами. Если эти люди пытаются на практике воплотить свои религиозные воззрения, то они приходят к отрицанию не только греха, но и материи, а вместо богообщения — к языческой мистике «упрощения». Пантеистическая элита занималась интеллектуальным созерцанием пустоты, которое у неоплатоников доходило до экстаза. А еще чаще такие люди, ругнув походя Церковь, начинали искать духовность в оккультных учениях и попадали в сети сатанизма. К этому

порой прибавляется яростная защита своей индивидуальности, на которую якобы покушается Церковь.

Гиперсамолюбие наших интеллигентов иногда превращает их душу в какую-то воспаленную рану: неосторожное прикосновение, случайный толчок, а уж тем более замечание, сделанное какой-нибудь «грубой» старушкой, может вызвать у них шоковую реакцию. Но в каком-то смысле это ведь проверка смирения — как будто дверь в храм стала низкой, и интеллигенту надо пригнуть гордо поднятую голову, чтобы войти внутрь. Впрочем, обычно такой человек убеждает себя, что в Церкви люди в самом деле грубые и злые, и чуть ли не Церковь сделала их такими, и поэтому ему нечего там искать. Однако, как мы уже отмечали, интеллигент в глубине души считает, что он оказывает честь Церкви, посещая храм, что Ангелы должны радоваться его приходу, как великодушную интеллектуала, который снизошел к толпе, недостойной его...

Мы не оправдываем грубость, наоборот, мы считаем, что истинная культура основывается на любви к человеку, на уважении к нему, поэтому святые люди, независимо от их происхождения и образования, царского ли они были рода или из простецов, обладали особой духовной культурой, духовной красотой в обращении с людьми. Грубость — это дефицит религиозного чувства, но обиду на нее, как нравственное искушение, надо преодолеть. Во всяком случае, следует признать в проявлении грубости определенную справедливость: человек, гордящийся собой, внутренне был некультурен и получил от людей, которых презирал в душе, вслух высказанное неуважение.

Интеллигент боится Церкви и еще по одной причине. Он живет в мире своего богатого воображения, он привык воображать, изобретать и сочинять, вот он и сочинил образ самого себя, уверовал в этот образ, по крайней мере, играет в этот образ. И интеллигент интуитивно чувствует, что в Церкви он, возможно, увидит себя не таким, каким готов и хочет видеть и узнавать себя. Интеллигенту порой легко играть в порядочность, даже до увлечения, но страшно быть действительно внутренне порядочным. Расстаться с ложным «эго» так же трудно, как прыгнуть с высоты в пустоту, в которой нет привычной опоры. Поэтому интеллигент страшится быть кающимся грешником, страшится снять театральные одежды и стереть грим с лица. Он предпочитает остаться романтиком и актером по отношению к себе самому, артистом от религии.

Как же отличить духовное от душевного?

Наша интеллигенция живет в мире душевного и чувственного, свои мистические чувства она облекает в форму привычных для нее душевных образов и понятий, более того — ей свойственна, повторимся, душевная, а не духовная интеллигентность. У интеллигенции мистическое чувство сливается с эмоциями, растворяется в них и, потеряв связь с духом, вырождается и деградирует. А в мистике нет нейтрального состояния, в ней нет демаркационной линии, которая различала бы левое и правое. Мистические чувства, поглощенные страстной эмоциональностью, обычно получают энергию от демонических сил. Эмоция слишком груба и примитивна, чтобы выразить таинственные песнопения духа. А страсти — это озверевшие эмоции. Как в реве зверей не может выразиться смысл человеческой речи, так эмоциональное вдохновение чуждо голосу духа. Страсти соединены с демоническим миром, и человек получает импульсы, идущие от темных сил, природы которых он не может понять, и считает эти эмоциональные переживания духовностью.

Здесь необходимо еще раз подчеркнуть: душа по природе своей проста. Это не диада, а монада, но в душе заключена способность выходить за пределы видимого, материального, эмпирического и созерцать в своих интуициях другой, духовный мир. Из всех существ земли этой способностью обладает только человек. Око души, обращенное к Богу, называется дух (греческое πνεύμα). Он не единосущен Богу, как учат пантеистические религии, но он является вершиной иерархического строения человека,

тем звеном, через которое человек общается с Божеством. Страсти, ложные знания о духовном мире, интеллектуальная гордыня умерщвляют дух.

Под душой (греческое ψυχή) в этой классификации мы подразумеваем те душевные силы и способности, без которых было бы невозможно земное существование. Это тоже око души, но направленное к земному. При грехопадении произошла деформация и разъединение душевных сил человека. Душа стала действовать вне духа. Дух ушел в себя, в какое-то спящее состояние. Он дремлет, иногда на миг пробуждаясь и снова погружаясь в сон. Только благодать Божия может пробудить дух, вернуть ему потерянное место в триединстве человеческого существа. Но здесь необходим синергизм благодати и человеческой воли. Только в Православии сохранилось учение о том, как возможно пробудить и освободить от плена душевности дух. Только у Православной Церкви имеются средства, то есть возможность, реанимации духа, без которого Божественная благодать не может найти место в человеческом существе. В других религиях и конфессиях речь идет не о возрождении духа, а о сублимации душевных сил. Эту сублимацию люди принимают за духовность. Мы дорожим Православием как единственной истиной, как единственной возможностью реального общения человека с Богом.

Итак, современной интеллигенции свойственна гипердушевность. Дух не просто дремлет, он погребен под слоями этой душевности, как бы закопан в землю. Человек может ходить по земле, не подозревая, что под его ногами находится зарытый клад. Так, многие современные интеллигенты, вращаясь в области душевного, не подозревают, что в их внутренних глубинах находится неведомый им их собственный дух. Душевность имеет широкую амплитуду — от грубых страстей до музыки Иоганна Себастьяна Баха²²⁴ и картин Рафаэля²²⁵. И признак этой душевности — космофилия.

Когда мы говорим о различии между духовным и душевным, мы вынуждены ограничиться лишь некоторыми признаками и свойствами. Только внутренний религиозный опыт и пробудившийся дух дают возможность человеку увидеть, что принадлежит вечности, а что — земле. Только в свете благодати человек познает себя, находит себя и приобретает себя.

Дух — созерцает, душа — воображает и рассуждает. Дух обладает внутренним логосом, способностью к непосредственному интуитивному познанию, душа — профористическим словом и способностью к логизму. Дух обладает особым религиозным чувством, которое дает возможность не только созерцать, но и переживать общение с духовным миром, образно говоря, не только отражать его свет, но и ощущать его тепло.

Душа обладает чувствами не духовного, а эмоционального характера, похожими на реакцию «эго» по отношению к раздражителям, идущим как от внешнего мира, так и от собственно внутреннего: памяти и воображения, имитирующих внешний мир. Духовные чувства глубоки и спокойны. Они динамичны, они полны внутренней энергией и в то же время — безмолвны, как бездонные глубины неба. Говорят, что волны вздымаются на мелководье. Страсти крикливы, каждая страсть агрессивна, она хочет покорить себе всю душу и взять в плен весь ум. От напора страстей ум начинает колебаться, как огонь светильника при порывах ветра.

Духовные чувства, напротив, делают ум более ясным, а мышление более глубоким и пронизательным. Душа строит модели истины, она гадает об истине и затем верит в собственные изобретения. И это — принцип субъективной оценки достаточности доказательства. Дух ищет истину за гранью эмоций и рассуждений, вернее — он ищет те внутренние условия, которые дают ему возможность видеть истину через соприкосновение с ней. Здесь не сумма доказательств, а чувство достоверности, которая может быть даже более реальной, чем при восприятии мира через сенсорнику. Душевная религиозность проявляет себя через возбуждение, энтузиазм, вдохновение, иногда через

²²⁴ Бах И.-С. (1685–1750) — немецкий композитор.

²²⁵ Рафаэль (Раффаэлло Санти [Санцио]) (1483–1520) — итальянский живописец и архитектор.

состояние экстаза. Проявление духа в религиозном переживании иное. Это — чувство освобождения, просветления и преображения. Здесь нет эмоциональных «перехлестов», сами чувства приобретают какую-то тонкость и прозрачность. Они похожи на воды глубокого водоема, которые в своем бесшумном движении кажутся неподвижными.

Душевно-религиозные чувства оставляют после себя тонкий смрад гордости, ощущение какой-то мутной сладости, порождают представление о собственном избранничестве, и человек даже может со слезами благодарить Бога за то, что Он сделал его непохожим на других. После душевных переживаний в душе крепнет мысль о какой-то особой миссии, для которой человек якобы предназначен, растет скрытое самолюбование и, что особенно характерно, жажда внешних знаний, даже под видом религиозных знаний. Эту, внешнюю, информацию человек хочет усвоить и хорошо запомнить, чтобы блеснуть ею перед другими. Иногда такой человек, прочитав о добродетели смирения и не поняв, что смирение надо скрывать так же, как и другие добродетели, начинает смиряться напоказ, ожидая от окружающих рукоплесканий. В этом псевдорелигиозном вдохновении нет одного — искреннего и глубокого покаяния. После таких душевных восторгов человек обычно впадает в мечтательность, он словно бы пишет в своем воображении какую-то героическую поэму, главным персонажем которой является он сам.

Духовно-религиозное переживание — иное: человек освобождается от туч помыслов. Страсти и эмоции уходят из поля сознания куда-то в темные углы души. Образно говоря, они ложатся за дверь сердца, как прирученные львы. Человек ощущает полноту бытия, как будто само время останавливается, получив новую объемность и глубину. Еще одно отличительное свойство этого состояния: исчезают сомнения и противоречия, не возникает никаких вопросов, все становится ясным, даже малое приобщение к благодати дает великую неизреченную радость. Человек не ищет внешней информации, она кажется ему каким-то диссонансом, как скрежет металла по стеклу, человек хочет одного — побыть с самим собой, а вернее — с благодатью, которую он ощутил в своем сердце.

Человек переживает чувство покаяния, но при этом без всякого драматизма. Само покаяние, сливаясь со смирением сердца, звучит как ответ на любовь Божию. В этом состоянии мышление становится ясным и память приобретает особую силу и четкость.

Во время душевно-религиозных переживаний человека могут осенять блестящие мысли (но это лишь потешные огни, которые быстро гаснут, не оставляя следа), и к ним нередко примешиваются остроумные шутки и каламбуры, как будто стрелы, направленные в стан врагов веры. В некоторых, к счастью редких, случаях псевдорелигиозное состояние переходит в визионерство, человек начинает создавать картины на религиозные темы, он живет в мире своего воображения и считает это небесной реальностью, чуть ли не Откровением и Божественным даром. У человека, утвердившегося, как бы укоренившегося, в ложный мистицизм, изменяется отношение к окружающим, оно становится или слащаво-сентиментальным, когда показная ласковость пропитана не любовью, а скрытой сексуальностью, или, наоборот, дерзким и требовательным.

Духовная религиозность отличается от душевной стремлением не к словесному самовыражению, а к безмолвию и молитве. Эта молитва лишена эмоционального драматизма и аффективности. Основа ее — благоговение. Человек в минуты молитвы ощущает, что Бог — это всё для него, а он без Бога — ничто. Он молится, прежде всего, о вечной жизни, о прощении своих грехов, он чувствует себя нищим, который протягивает руку за подаванием; в то же время он ощущает в этой нищете свое богатство. Молитва, еще раз напомним, — это диалог, молитва не остается без ответа, но ответ — это, прежде всего, не изменение внешних условий, а пробуждение самого человека. Душевная молитва эмоциональна и страстна, там просят преимущественно то, что принадлежит Земле. Там ищут не Бога, а «от Бога», там хотят изменить Промысл Божий без изменения самого

себя. Такая молитва является не потребностью духа, а потребностью ситуации, положения, нужды (в некоторых случаях — своего настроения). Душевная молитва не чувствует Бога как Живую Личность, а обращается к Нему как к персонифицированному энергетическому Центру вселенной. Но даже такой молитве не благоволит современная интеллигенция.

А ведь слово *молитва* происходит от «молить», «умолять»²²⁶, но для интеллигента умолять — это признак слабости и малодушия. На самом же деле отчуждение от молитвы — это симптом гордости, окаменения сердца, вот почему даже слово *молитва* вытесняется из лексикона интеллигенции другим, модным, словом — *медитация*. Вместо того чтобы сгибать свою медную шею, человек, удобно сев в кресло или на скамью (а это один из атрибутов католической церкви и протестантской кирхи, который на Западе стал проникать и в православные храмы), начинает медитировать, размышлять над каким-либо изречением, или рассматривать какой-либо образ, или повторять какие-либо, порой и непонятные ему, слова. Так что если молитва, как мы уже знаем, — диалог, то медитация — это монолог, обращенный к самому себе. Медитируя, человек не выходит из поля своего «эго», а это как раз и устраивает современного интеллигента.

Есть особый вид медитации — психотерапия, методология которой прямо противоположна христианскому пути к Богу через покаяние. Человек внушает себе, что он здоров, что он обладает высокими достоинствами, вместо того, чтобы лечить болезнь, вместо того, чтобы искоренять свои страсти. Психотерапия — это сознательное введение человека в мир иллюзий, это — обольщение человека посредством его же собственной гордыни, это — ложная анестезия, на время снимающая боль (симптом болезни), после которой не излеченная, а только закрытая от сознания человека болезнь проявляется с новой силой. Мы считаем медитацию разновидностью гипноза, который открывает к душе человека доступ темным силам и, как всякий гипноз, разрушает психику человека изнутри. Если медитацию можно определить одним словом, то этим словом будет *антимолитва*.

Когда мы говорим о том, что интеллигенту сложнее прийти к Православной Церкви, чем простому человеку, то мы вовсе не хотим сказать, что в неучености есть некая духовная элитарность. И речи не идет о какой-то «новой» кастовой иерархии, только перевернутой вверх ногами! Мирское образование, мирские знания, изящество мышления и речи, подобное изяществу манер, принадлежат душевному плану. Это всё — свет человеческого интеллекта, для которого духовный мир так же непроницаем, как для физического света — интеллектуальный мир. Но в области духа различия между людьми теряются. Ребенок и умудренный жизнью старец, философ, написавший десятки книг, и простой крестьянин, профессор, читающий лекции с университетской кафедры, и старушка, стоящая у дверей храма, — не имеют преимущества в богопознании. Но если человек будет гордиться и надмеваться своим знанием, если он захочет подойти к вере с привычными для него дискурсивностью и аналитикой, то его ждет поражение. Свет своего интеллекта гордец примет за духовный свет и будет блуждать по лабиринтам, думая, что он стоит у истоков истины. Золотая цепь евангельских Блаженств начинается с заповеди о нищете духа. Интеллектуал, посчитавший, что он духовно богат, сорвался уже с первой ступени. Когда мы говорим о современной интеллигенции и искушениях, стоящих перед ней, то имеем в виду не интеллектуальные знания, а гордость знаниями, — гордость, в которой она (интеллигенция) превзошла своих отцов. По-настоящему интеллектуален тот, кто осознает ограниченность и условность своих знаний. Блестящий знаток античной философии преподобный Иоанн Дамаскин²²⁷ увидел свою духовную нищету и отдал себя на послушание простому старцу, чтобы выучить алфавит духовной жизни.

²²⁶ Ср. старославянское *молити*, греческое *παρακαλεῖν*, латинское *deprecari* — с тем же значением.

²²⁷ *Иоанн Дамаскин, прп. († ок. 780)* — учитель Церкви.

Имеются ли еще какие-нибудь препятствия, кроме гордости, мешающие интеллектуалу прийти в Церковь? Нам кажется, что это — метод, или стиль, мышления. Интеллигент идет от частного к целому. И разумеется, никогда не достигает целого. Он наблюдает явления, обнаруживает закономерности, строит гипотезы и изобретает. Но феномены — это только фрагменты бытия, сумма феноменов никогда не будет равна ноумену вещей, в то время как ум интеллектуала привык моделировать, и, даже веря в Бога, он склонен производить богословское моделирование Божества, то есть иметь дело со своим интеллектуальным произведением.

Возникает вопрос: что же мешает интеллектуалу, осознавшему, что путь к Богу — это, прежде всего, мистический путь? Ему нужны огромные усилия, чтобы сконцентрироваться на молитве. Ученый привык размышлять над темой. В молитве — общаются, образуют духовную связь, ищут единства на личностном плане — человеческая душа и Божество,— через молитву конечное отражает в себе образ бесконечного и сотворенное включается в бытие абсолютного. Ум интеллектуала испытывает здесь постоянный соблазн — заменить молитву медитацией, где он оказывается в своем привычном ментальном русле. Но медитативная молитва — это только тень молитвы. Она не может насытить человеческого духа, она не может озарить глубины сердца, более того, она не может обуздать человеческие страсти. Это все тот же холодный интеллектуальный свет. Человек видит разительное несоответствие между тем, что он вычитал в книгах о молитве, и своим наличным состоянием. Интеллигент похож на человека, который хочет вырыть колодец, но, вместо этого, стучит бесплодно киркой по неподдающемуся камню и, вконец ослабев в своих усилиях, забрасывает работу. Более того, интеллигент обвиняет не себя, а само святоотеческое учение о молитве, которое не принял (или не понял), и, не пожертвовав ничего для молитвы, считает, что он не получил обещанного.

Следует помнить о трех условиях молитвы. Первое условие — это покаяние,— когда слова молитвы как бы сливаются в один вопль: «Помилуй». Второе условие — борьба со своими страстями, и особенно — с гордыней; человек должен увериться в Боге и разувериться в себе: «Я — ничто. Ты — всё». Третье условие — контроль над поступающей информацией. То, что не является необходимым, является лишним и обременительным. Без ограничения сенсорного восприятия слова молитвы перестанут быть слышны самому человеку. Они заглохнут в шуме и жужжании помыслов.

Современному человеку кажется, что он уже победил «этот мир», ведь он же не занимается черным бизнесом, не следует конъюнктуре и не делает явных подлостей по отношению к окружающим людям. Ему кажется, что он уже стал христианином, когда откликается на чужую беду, помогает своим друзьям и так далее. При этом внутренняя жизнь как бы ускользает от его внимания. Здесь могут действовать два фактора — или религиозный минимализм, или гуманистический максимализм. Но чтобы быть христианином, необходимо, прежде всего, очищение сердца. *Больше всего хранимого храни сердце свое, так как от него источник жизни* (ср.: Притч. 4, 23),— пишет святой царь Соломон. Одна общественная этика еще не может сделать человека христианином, ибо ее могут придерживаются люди различных мировоззрений.

Удовлетворение одной общественной этикой — это или половинчатое христианство, или же гуманистическая гордыня своим мнимым достоинством; это вера в свою собственную нравственную порядочность. Характерно, что такие грехи, как ложь и разврат, чаще всего игнорируются. «Ведь от этого никто не страдает,— уверяет себя интеллигент,— я не посягаю ни на какие права, а только самовыражаюсь». Для половинчатого христианина собственная душа превращается в какой-то затяжной компромисс, а для интеллигента-гуманиста — в фикцию, на которой не стоит задерживать внимание.

Надо сказать, что принципиальность и мужество свойственны не только христианину. Мы видим принципиальных сектантов и мужественных еретиков, мы

встречаем милосердных атеистов. Но есть добродетели, специфически присущие христианству,— это духовное смирение и любовь к своим врагам. Христианство внутренне гармонично; отдельные достоинства, и даже подвиги, не могут сделать человека христианином, скорее — они окончатся самолюбованием. Человек говорит в тайне своего сердца: «Смотрите, я и так, без Бога, хорош!». Или же лелеет другую мысль: «Благодарю Бога, что Он возлюбил меня, что сделал таким, какой я есть» (см.: Лк. 18, 11). Здесь человек стоит не перед Господом, пронизающим глубины сердца, а перед самим собой: так кокетка смотрит в зеркало и говорит: «Я красивее моих подруг».

Блаженному Августину приписывают выражение: «*Virtutes gentium splendida vitia sunt*» («Добродетели язычников (мирские) — блестящие пороки»). Такие «добродетели» отнимают у человека видение своих грехов и чувство вины. Если человек не чувствует себя больным, он не спешит к врачу. Если человек не ощущает своей греховности на уровне помыслов и желаний, то он не будет понимать, зачем ему надо идти в храм, где собралась люди, такие же, а может быть, еще и худшие, чем он.

А современный интеллигент привык жить самим собой, своими мыслями, чувствами, переживаниями. Он боится, что потеряется в Церкви, растворится в «грубом» народе, заполняющем храм. Церковь — это духовное единство, а интеллектуалу трудно пожертвовать своей гипериндивидуальностью.

У людей, не включенных в церковную жизнь, нет внутреннего, духовного опыта, и они склонны рационалистически рассматривать различные религиозные и конфессиональные системы. Как мы уже говорили, интеллигенцию крайне раздражает утверждение православных богословов о том, что истина одна и спасение может осуществиться только в Православной Церкви. Интеллигенты видят в этом конфессиональную гордыню, обскурантизм и фанатизм: «Неужели истина может быть достоянием только небольшой по численности части человечества?». Интеллигенты, недоумевая, невольно повторяют обычное обвинение римских судей, которое те предъявляли древним христианам: «Неужели вы думаете, что великие философы Эллады и законодатели Рима ошибались, а из всего человечества только вы, поклоняющиеся распятому иудею, обладаете истиной и предназначены к спасению?!». Напомним, что Спаситель назвал путь в Небесное Царство — путем для немногих (см.: Мф. 7, 14). Странно: если бы какой-нибудь философ заговорил о равенстве всех философских систем и объявил бы, что Платон, Бёме, Иммануил Кант²²⁸, Гегель, Маркс и Ницше одинаково правы и говорят об одном и том же, только разными словами, то такая постановка вопроса, в лучшем случае, показалась бы интеллигенту шуткой. А когда интеллигенту говорят, что равенство религий невозможно, что главное свойство истины — это, прежде всего, непротиворечивость, а поэтому теософия и экуменизм являются попыткой уничтожить само понятие истины и заменить ее плюрализмом гипотез, то интеллигенты негодуют и обвиняют православных в дефиците любви. Принимать все религии за истину можно только тому, кто не верит ни в одну из них. Призыв уважать все религии — означает заменить религию индифферентностью к вере или религиозным атеизмом. Принять догматы православной веры — отразить в глубине своего духовного существа природу невыразимого и непостижимого Божества. Некоторые интеллигенты воспринимают догматы только как табу, которое запрещает заниматься религиозным экспериментаторством — тем, что они склонны считать творческим прозрением.

У интеллигенции хватает и других искушений: для ученого поиск иногда более дорог, чем сам результат, а ведь искание Бога часто принимает драматический характер, имеет яркие контрасты и переживания, эмоциональные взлеты и падения. И это порой понимается как полнота жизни. Но жизнь духа в ином: если чувства души подобны ярким краскам, то духовные чувства — прозрачному свету. У человека гораздо меньше изобразительных средств, чтобы выразить в слове жизнь духа (душевные страсти изобразить проще). Здесь будет меньше ярких метафор, впечатляющих образов и

²²⁸ Кант И. (1724–1804) — немецкий философ.

неожиданных сравнений. Здесь меньше поэзии и блеска. В жизни духа открывается иная, невыразимая красота преображения. Трудно найти краски, чтобы изобразить хрусталь из-за его прозрачной чистоты. Духовный мир недоступен для душевных очей, в нем — особая тишина, и это не пустота, а — песнь, которую нельзя передать в звуках. Этот мир, заключенный в самом человеке, открывается ему через богоуподобление. Душевные чувства не слышат тихих глаголов духа, их заглушает шум страстей. Не испытав духовной жизни, интеллигенты уже готовы вынести ей приговор. Им кажется, что это какая-то статика и удручающее однообразие. Но когда исчезает завеса тумана, то глазам открываются просторы неба, эти мириады горящих огней, рассыпанных в необъятных далах, как неисчислимы сокровища. Душевный человек не понимает глубины безмолвия. Он хочет, чтобы Бог явился ему в громе и буре его человеческих страстей. Он говорит: «Бог любит меня в моих исканиях и страданиях, в моих падениях и разочарованиях больше, чем тех, кто успокоился, найдя Его». Но на самом деле интеллигент просто не хочет расстаться со своими страстями, а все его «страдания» — это просто попытка взойти на крест в оскверненном рубище души. Может быть, у интеллигента вначале и бывают какие-то искания, но затем они превращаются в драматические монологи на сцене души, когда этот артист от религии любит себя самым собой.

Итак, странное дело — интеллигенты твердят о принципиальности, а требуют от нас, верующих, религиозной беспринципности во имя какой-то абстрактной любви и единства: примите-де идеи теософии или же хотя бы экуменизма, и тогда согласие и мир воцарятся на земле. Но на деле без истины не может существовать сама любовь: исчезнут и одна, и другая, останется только шанс получить гуманитарную помощь.

Как уже было замечено, интеллигент яростно дорожит своей индивидуальностью, но в то же время интеллигенция отличается резко выраженными корпоративными свойствами и особенностями. Интеллигенция во все времена имела свои особые интеллектуальные стандарты, типизированный, своего рода суммированный менталитет. Интеллигент может быть верующим или неверующим, идеалистом или материалистом, поклонником тех или иных философских течений, приверженцем различных политических партий, сторонником любых течений в литературе и искусстве, — от реализма до кубизма²²⁹, но при этом интеллигент все равно будет находиться в каком-то особом душевном «поле». Интеллигенцию можно сравнить с многочисленным, разветвленным орденом, имеющим свои правила, свою этику и свои неписанные законы. Этот «орден» не имеет единого центра управления, но тем не менее мы замечаем у него однотипную шкалу ценностей, выработанный этический кодекс, а точнее говоря — этикет, сходные идеи и настроения. В этом «ордене» собраны люди с самыми разными характерами, они могут диспутировать и конфликтовать друг с другом до бесконечности, но их объединяет дух союза, в который они вступили. В этом «ордене» индивидуальность относится к корпорации — как биологическая особь к виду, к которому принадлежит; ее менталитет принимает определенное направление, как стрелка компаса под воздействием магнитного поля. Интеллигенцию более всего характеризует одинаковая реакция на духовные ценности. Нам трудно выразить нашу мысль просто, и поэтому мы прибегнем к парадоксу — интеллигент может быть религиозно ориентированным, в душевном аспекте, и в то же время духовным нигилистом.

Чем характеризуется современный интеллигент? Нам кажется, внутренней асимметричностью. Сила и способность души в нем развиты негармонично. Разрыв между чувством и умом постоянен, разобщение ума и воли еще более глубоко. Чтобы как-нибудь скрыть эту внутреннюю дисгармонию от себя и от окружающих, интеллигент беспрерывно играет. Он, как сказано выше, артист от религии. Более того, он артист, постановщик и зритель пьесы одновременно. Сложность — это проклятие интеллигенции. Даже когда интеллигент хочет быть искренним, он играет в правду. Из набора масок

²²⁹ *Кубизм (1910–1920)* — авангардистское направление в европейском искусстве.

интеллигент выбирает наиболее соответствующую его состоянию, но говорит-то — маска, а не сердце.

Отношение интеллигента к Церкви настороженное, полное внутренней тревоги и опасения. Ему легче войти в какую-нибудь эзотерическую секту, чем в храм для молитвы в воскресный день. При слове *Церковь* в душе интеллигента просыпаются необъяснимые для него самого фобии. По нашему мнению, разгадка этой психологической проблемы состоит в том, что интеллигент, повторимся, принадлежит к невидимому ордену-союзу, что он находится внутри некоей системы, границы которой очертил невидимый циркуль.

Интеллигент понимает, что в Церкви он должен стать другим. Он должен отказаться от своих прежних представлений, он должен разорвать душевные связи, которые объединяли его с прежними друзьями, а точнее — с единомышленниками. Интеллигент должен свое интеллектуальное «имение» отдать нищим, то есть, как уже известно, бесам, он должен начать жестокую борьбу со своими страстями, в которых он видел, еще раз подчеркнем, полноту и содержание жизни и которые привык «перебирать», как музыкант — струны инструмента, чтоб вызвать чарующие душу звуки.

Но у тайных союзов есть свой устав, и человек, покидающий союз, будет подвергнут остракизму и наказан: он перебежчик и враг. Верующий интеллигент в своей среде подвергается невидимой изоляции и негласному бойкоту. Он становится чужим, конечно при условии, что он действительно стал церковным христианином, а не играет в христианство. Если же он — артист от религии, то остается своим в своем кругу. Развлекаться волен каждый так, как ему угодно.

Интеллигент может быть внешне вполне порядочным человеком, он может искренно возмущаться несправедливостью, он может с презрением отвергать махинации и взятки, он может быть щедрым и великодушным, однако он никогда не сможет очистить свое сердце от похоти, грязи и страстей, потому что его добродетели основаны на гордости, которую он считает чувством собственного достоинства, и на тайном самолюбовании, которое приводит его к превозношению над другими. Оттого-то порядочность интеллигента — и мы уже это говорили — простое исполнение общественной нормы и игра в нравственного героя. Что же касается самой души, то интеллигент считает, что его внутреннее состояние, его страсти и грехи, к нравственности не имеет прямого отношения, поскольку не нарушает прав других людей. Вот почему душевный разврат, поражающий глубины сердца, как метастазы,— явление, характерное особенно для интеллигенции. В этом отношении творческая интеллигенция, люди искусства уже несколько столетий прочно держат лидерство. Играть со своим воображением, развлекаться игрой со страстями и оставаться незапятнанным невозможно. Восточная пословица гласит: «Кто хочет покататься верхом на тигре, оказывается в его зубах».

Наша интеллигенция закомплексована, потому что легко ранима. Комплексы — это латки, которые накладывают на рваные дыры подсознания. Наибольший процент душевнобольных составляет интеллигенция. Душевные болезни главной своей причиной имеют гордость. Гордый человек глубоко несчастен, он находится в постоянном конфликте со всеми, и в то же время он не хочет и поэтому не может смирить свою гордыню.

Для интеллигенции гордость — это не демонический грех, а синоним достоинства. Церковное учение о смирении интеллигент понимает как малодушие и постоянную готовность к капитуляции. Христианин смиряется, видя глубину своей греховности. Интеллигент имеет обширные познания о внешнем мире, но свою душу он знает и понимает меньше всего, поэтому он и не видит, в чем его, а вернее общечеловеческая — греховность, в чем он должен каяться, что он должен постоянно исправлять. Интеллигент считает себя нравственным также потому, что может сказать много красивых слов о нравственности.

Христианин смиряет себя, видя в каждом человеке красоту и подобие образа Божиего. Интеллигент видит в каждом человеке, прежде всего, степень его культуры. Он хочет превзойти других и еще более утвердить свою гордость, свое раздувшееся «эго».

Гордость всегда протестует, гордость всегда недовольна. Сословная гордость интеллигента подготавливала революции. Бунты устраивали разбойники, а революцию — интеллигенты. Конец был один: бунтовщики попадали на плаху, а интеллигенция оказывалась размолотой жерновами революции. Поджигая корабль, на котором она плыла, интеллигенция сгорала в пламени этого пожара или тонула в волнах моря. Больше всего пострадала интеллигенция во время трех самых грандиозных революций — французской, русской и китайской. Она все пережила, все перетерпела и в результате ничему не научилась. После недавнего шока, который пробудил стремление приблизиться к Церкви, найти в ней защиту, прийти к ней, интеллигенция снова стала организовываться в подобие средневекового ордена, она по-прежнему очарована фаустовской мечтой, она по-прежнему стремится к невозможному — остановить время, установить хилястическое²³⁰ царство на земле, хотя бы продав за это душу дьяволу. Современное искусство — это конвейер расписок, нацарапанных кровью, расписок, хотя и зашифрованных, но расписок о продаже души.

Наша интеллигенция развратна каким-то особенно утонченным внутренним развратом, который создает патологические комплексы и фобии. Наша интеллигенция выросла на идеях эволюционного развития человечества, поэтому нравственные законы она считает относительными, временными понятиями, которые нуждаются в модернизации и исправлении. Эта модернизация, по сути дела, оправдала разврат, сделала его обыденностью, почти нормой жизни. После гордости ума это — второй фактор, который разделил, как Великая Китайская стена, интеллигенцию и Церковь. Гордость и разврат — главные причины духовного нигилизма. Уровень культуры у интеллигенции снижается, биологизм постепенно захватывает интеллект, однако характерные черты интеллигенции пока что остаются все теми же: это — кастовая гордость, это — душевные страсти, это — изощренность и в то же время бессилие ума, это — тяготение к оккультизму и чувство элитарности. Поэтому интеллигенция в отношении к христианству и напоминает чем-то орден тамплиеров²³¹.

Интеллигента пугает перспектива перехода в Церковь, поскольку он видит в ней чужую для него среду. Он боится потерять «поле» своей интеллектуальной активности, боится лишиться своего символического языка и остаться как бы в пустоте. Чувствуя ложь своей жизни, трагичность своего душевного состояния, интеллигент в то же время боится, как мы уже отмечали, расстаться с грязным хитомом своих страстей. И пытается оправдать себя тем, что он христианин в сердце, что он лучший христианин, чем те, кто регулярно ходит в храмы. Для интеллигента Церковь — это не свет, льющийся из вечности, не благодать, наполняющая радостью душу, а тягостная система законов, уставов и запрещений. Интеллигент смотрит на двери храма, как на ворота тюрьмы.

Надо сказать, что мы имели целью обобщить определенные тенденции, но вовсе не абсолютизируем их. Личность человека все-таки выше какого-либо сообщества или сословия. Поэтому мы не говорим о той части интеллигенции, которая нашла в себе силы забыть культурно-сословные предрассудки, нашла в себе силы вступить в Церковь и обрести в ней то, чего не может дать весь мир.

Древние мудрецы утверждали: «Человек есть то, что он ест». Чем питается современная интеллигенция? Мы, конечно, имеем в виду интеллектуальную пищу — книги, которые представляют собой своеобразный свод законов для интеллигенции. Здесь мы увидим произведения солидных ученых по философии, истории, литературоведению, языкознанию, которые своим объемом могут подавить сознание человека: так эти книги

²³⁰ *Хилястический* — связанный с верой в «тысячелетнее царство» Бога и святых праведников на Земле, то есть еще до скончания века.

²³¹ *Тамплиеры (1118–1312)* — члены католического духовно-рыцарского ордена.

придавили бы человека к земле, вздумай он понести их на своих плечах. У энциклопедистов-эрудитов, к сожалению, имеется общий признак: богатство накопленных фактов и духовная пустота. Там — не высвечены духовные основы истории, там — нет опорной мысли, а там — только груды фактов и их индексация. Эти факты ученые стараются искусственно расположить по векторам своих гипотез и заполнить ими сухие русла своих концепций — о, эти примитивные, куцые, нередко вульгарные концепции в гегельянско-марксистской упаковке для цензурных «врат»! В этих книгах — отшлифованный до блеска язык, натренированный в полемике рассудок, но мало той мудрости, которая видит причины и суть событий. Эрудиты в большинстве случаев похожи на спутники, вращающиеся вокруг звезд немецкой или французской философии. Из своего туманного космоса они пытаются «сфотографировать» историю земли. Этими произведениями, пропитанными духом рационализма и кастового пренебрежения к Церкви, современная интеллигенция получает инъекции атеизма. В процессе обучения секуляризируется ее менталитет. Эрудиция для интеллигенции — аналог гипноза, который парализует творческое мышление и создает психологические комплексы.

Особняком в «гегельянской партии в марксистских мундирах» стоит Мераб Мамардашвили, который является лириком философии и утопистом нравственной героики. Проблемы нравственности разрабатывал и Эрих Фромм²³² в психологии. Их касался Евгений Евтушенко²³³ в поэзии. Эти три лица — не равнозначные величины, это — три колоритных явления современного гуманизма. Для Фромма нравственность — это место у общего корыта с похлебкой. Его психология — правила о том, как надо культурно есть эту похлебку, чтобы не толкаться и не перевернуть корыто. Для Евтушенко нравственность — это модное платье с декольте для кокетливой девицы. Вся его крикливая ностальгия по нравственности — такой же литературный трюк, как у Есенина — поза хулигана. Мамардашвили — явление другого характера. Он — Дон-Кихот нашей интеллигенции, для него личность человека стоит над историей. В абстрактном человеке, автономном от Бога, Мамардашвили видит самоисточник нравственности. Персона — это та «Прекрасная Дама», которой он служит, но она оказывается Дульцинеей из Тобосо²³⁴.

Христианские историки и ученые рассматривали земные реалии на фоне вечности. Рационалисты саму Землю втиснули в глобус. Ученые, выросшие в эпоху революций, обладали знанием, уровень и широта которого стали практически недостижимыми для современных интеллектуалов. Но на судьбе этих ученых сказалась трагическая ситуация того времени, проклятием которого стала богооставленность. Эти эрудиты были похожи на могучих циклопов, которые имели один глаз, и то — устремленный в землю. Поэтому их произведения не только гордость науки, но и свидетельство трагизма богооставленности, трагизма материализации человеческого сознания.

Культуру первой половины XX столетия, включая «Историю эстетики» Алексея Лосева²³⁵ и Беломорско-Балтийский канал, можно назвать циклопической культурой.

Мы сказали, что большинство нашей интеллигенции развращено, но мы имеем в виду здесь особую, духовную развращенность, тонкую и скрытую от глаз, как червивая сердцевина яблока. Тонкий яд растреления особенно сильно действует в семьях интеллигенции, когда дети наследуют не столько внешнюю культуру, сколько внутренний нигилизм своих отцов. Да, мы видим в числе творческой интеллигенции тех, кто обладает тонким художественным взглядом и высокими поэтическими интуициями, но в то же время такой интеллигент порой способен рассказывать самые циничные истории, то есть

²³² Фромм Э. (1900–1980) — немецко-американский философ, психолог и социолог.

²³³ Евтушенко Е. (р. 1933) — русский поэт.

²³⁴ Дульцинея Тобосская — героиня романа «Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский» испанского писателя Мигеля де Сервантеса (1547–1616) (см., напр.: *Сервантес М., де. Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский: В 2 т. М., 1988*).

²³⁵ Лосев А. (1893–1988) — русский философ и филолог. Речь идет о его «Истории античной эстетики» в 8 томах (М., 1963–1994).

способен наплевать словами в души собеседников,— как в уличную урну, и это в среде, считающей себя выразительницей определенных нравственных начал!

В жабрах рыбы со временем скапливается грязь, поскольку через них фильтруется вода. Душа интеллигента — это фильтр, через который проходят потоки различной, в том числе постыдной и даже отравленной, информации. Светская литература — это тесто, вскипятое на страстях. Описание греха, пороков и страстей вызывает, как бы индуцирует, в душе подобные чувства и переживания. Великий христианский мистик, преподобный Исаак Сирский, считал, что во всяком познании есть частица симпатии. Почему человек с жадностью читает светский роман или повесть? Как раз потому, что они насыщены страстями. В своей душе читатель переживает подобные чувства, и это дает ему душевное наслаждение. Он переживает состояние персонажей светских книг, он как бы перевоплощается в них. Чем острее эти переживания, чем ярче краски страстей, чем больше они захватывают сердце, тем интереснее книга. Душа интеллигента становится все более пластичной, она становится способной воспринять самые изощренные чувства. В сердце интеллигента постоянно возбуждены страсти, они требуют себе все новой и новой пищи. Господь сказал, что *кто посмотрел с вожделием, тот уже совершил блуд* (ср.: Мф. 5, 28). А теперь почти всякая книга и практически каждый журнал — это целая галерея греха. Прочитать их — пережить описанные в них грехи. Читать их — все равно что работать с микробами чумы. Только в лабораториях надевают стеклянную маску, а читая современные печатные издания, жадно вдыхают страшные миазмы как нечто лакомое.

Между интеллигенцией и Церковью, как известно, еще в предреволюционные годы создалась какая-то отчужденность, не только идеологическая, но и прямо сословная. Однако ведь этот процесс продолжался, по крайней мере последние триста лет, со все нарастающей силой и интенсивностью. Те революции, которые в XX столетии потрясли мир, имели своим ферментом интеллигенцию и проходили под атеистическими лозунгами. Постреволюционная культура в нашей стране имела уже программно атеистический характер. Бунт сменился идеологией, которая должна была планомерно уничтожить религию. Уцелевшая от пожара революции интеллигенция оказалась заложником нового строя. Теперь ее заставляли работать, заковав в железные цепи. Если для интеллигенции раньше атеизм был модой, то теперь он стал неизбежностью, и интеллигенция довольно быстро приспособилась к нему. Период атеизма отбросил людей в состояние духовного варварства. Угроза казней, ссылок и преследований как дамоклов меч висела над головой интеллигенции. Редко какое художественное произведение обходилось без глумления над Церковью, редко какой научный труд — без рассуждений о правильности марксизма. В советской атеистической литературе даже сложился особый тип священника, по атеистическим канонам,— хитрого и алчного жреца, не имеющего нравственных принципов, а также монаха — распутника и пьяницы. Но в этом мы видим не только и не столько способ выслужиться перед властью и получить добро на издание книги, в этом видна и инерция давнего кастового высокомерия,— инерция пренебрежительного отношения к Церкви. Если человек поступает против своей совести, то он, как бы инстинктивно, начинает издеваться над Богом и над Церковью, чтобы успокоить себя. Интеллигенция потеряла правильное представление о христианстве. К тому же после революции основная масса интеллигенции могла знакомиться с христианством только по «библиям» Емельяна Ярославского²³⁶ и Таксиля или по карикатурам в журналах.

Время идеологического террора как будто прошло. Но интеллигенция в целом так и осталась нецерковной. И все-таки что-то притягивает ее к Церкви. Она чего-то хочет от Церкви. Не зря она как бы «ходит кругами» около храма, то приближаясь к нему, то

²³⁶ Ярославский Е. (Миней Израилевич Губельман) (1878–1943) — советский политический деятель, историк и религиовед. Речь идет о его антихристианских сочинениях (см., напр.: Библия для верующих и неверующих. М., 1977).

отдаляясь от него. Что это значит, ведь она так стремилась уничтожить Церковь? Неужели это — историческая ностальгия? Или это понятное желание убийцы приходить к тому месту, где он пролил кровь? Может быть, здесь жажда покаяния за себя и за грехи своих отцов? Нам кажется, что ни то и ни другое. Интеллигенция ни в чем не раскаивается... Но все-таки в глубине души она чувствует, что живет неправильной жизнью, что ее идеалы рушатся как карточные домики, что культ свободы превратился в культ грязи, и, самое главное — она ощущает, что она глубоко несчастна, и предчувствует, что скоро, повторимся, станет окончательно не нужна. Интеллигенция хочет найти в Церкви альтернативу сегодняшнему «свинарнику», но не может жить ни в «свинарнике», ни в храме и поэтому мечется между ними. Она гордится своими отцами и в то же время чувствует, что становится кастой бомжей в меркантильном мире богачей, мире «свинарника». Ее культура стала гамлетовской культурой. Она не может полностью служить ни добру, ни злу. Отвергнув свою душу, как датский принц — Офелию²³⁷, интеллигенция втихомолку оплакивает ее, но самой решать вопрос: «Быть или не быть?» — уже поздно. Он брошен на весы истории. Интеллигенция чувствует, что она перестает быть нужной, что востребован будет лишь тот ее слой, который пойдет служить комфорту новых хозяев жизни, впрочем, этот сервильный слой только по недоразумению называют интеллигенцией. В наше предапокалиптическое время Церковь все же присутствует в сознании интеллигентов, но ограда Церкви кажется для них слишком высокой, а двери Церкви слишком низкими и узкими, чтобы войти внутрь.

Но самое главное даже не это. В душе человека живет мистическое чувство. Его можно извратить, придавить, но полностью уничтожить нельзя. И у интеллигентов бывают минуты прозрения, когда и они видят лучи света, падающего из вечности на Землю. И тогда земная жизнь кажется им невыносимой. Но религия — это, как мы уже не раз говорили, дело подвига воли. И опять начинаются колебания: «Куда ты идешь, что ты там получишь? Будь христианином для себя, будь шире конфессии, не теряя своей свободы: если есть Бог, то Он не ограничен стенами храма, *Дух действует, где хочет* (ср.: Ин. 3, 8), не становись чужим рабом». Интеллигент колеблется и откладывает свой приход в Церковь. Луч благодати гаснет; он нашел и оставил человека, и теперь человек должен сам искать его. Но воля слаба; привычный стиль мышления и жизни заключается в словах: «Больше, легче, быстрее». А в Церкви предстоят годы и годы труда. «Пусть этим занимаются простые, необразованные люди, — думает интеллигент, — они иначе не могут, а я буду стараться найти свой, особый путь к Богу». И затем все опять *возвращается на круги свои* (ср.: Еккл. 1, 6). Человек постепенно забывает о своем мистическом переживании, и оно будет казаться ему непонятным психологическим эпизодом. Если же человек откликнется на этот призыв благодати, то у него появится чувство тревоги за свою участь, в нем проснется чувство богооставленности, которое не отталкивает, а зовет человека к Богу, в нем пробудится видение своих грехов, которое страшнее любого «фильма ужасов»; это чувство спасительного страха, — страха, напомним, опозлать свою жизнь, — страха, о котором с презрением и насмешкой отзывается неверующий интеллигент (однако боящийся заразы, грабителей, уличной собаки, сквозняков — в общем, всего, кроме Бога). Благодать открывает человеку возможность увидеть бездну его грехов, но если душа, увидев эту бездну, не поверит в милосердие Божие, в возможность возрождения, то она может попытаться найти другой способ избавиться от страха — отключить свое сознание, уйти в ирреальный мир наркотиков. Обычно этот путь выбирают люди, у которых гордость стала своего рода раковой болезнью. Нам кажется, что главное искушение для интеллигента, испытавшего призыв благодати и осознавшего, что Бог есть, это — мысль, что можно найти Бога вне Церкви.

Наша интеллигенция выросла на литературе. Если можно так выразиться, книга заменяет интеллигентному ребенку материнскую грудь. Книга была и остается миром, в котором жил и живет интеллигент. В этот мир он уходил, как бы отрываясь от тяжелого

²³⁷ См.: Шекспир У. Комедии; Хроники; Трагедии: В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 196.

сна земного бытия. Интеллигент пропитан запахом книг, запахом, который кажется ему экзотическим ароматом, а на самом деле это, как сказано выше,— миазмы, запах страстей, и они вьелись в душу интеллигента, как зловоние — в одежду ассенизатора. Книги создали психические установки интеллигента, сформировали ракурс, под которым он видит мир. Книги передали те страстные импульсы, которые шли от авторов, они влили тонкий разврат в душу интеллигента. Безобразное лицо страстей они прятали под раскрашенной маской.

Интеллигенция хотела быть властительницей дум и сердца народа. В этом одна из причин ее соперничества с Церковью. В литературе, еще раз подчеркнем, даже выработался стандартный образ священника как хитрого и жадного жреца, как невежественного и тупого человека, который, говоря на каком-то странном славянизированном диалекте, похожем на жаргон, берется кстати и некстати произносить поучения. Те немногие авторы, которые пытались создать образ священника, самоотверженно служившего народу, редко, очень редко справлялись с этой задачей. Они подавали священника, в лучшем случае, как резонера в старинных пьесах или просто описывали его добрые поступки, мало относящиеся к самому церковному служению. Например, один известный литератор описывает, как священник спасает утопающего в реке и собирает лекарственные травы, чтобы давать их больным, а о величии самого папства, как духовного подвига,— ни слова. Пожалуй, никто из современных сочинителей не постиг духовной красоты самой Церкви и мистической глубины молитв и Божественного достоинства литургии.

Нам обычно указывают на двух христианских писателей — Достоевского и Чарльза Диккенса²³⁸. Что касается Достоевского, то он, как колокол, зовет в Церковь, но, как колокол, сам стоит у ее ворот. Церкви он не понимает, потому что ее жизнь не его жизнь. Достоевский как бы произнес потрясающий монолог, словно трагик на сцене, перед отступившим от Бога миром; он показал атеизм как бездонную пропасть, в которой гибнет человечество, показал тупики и противоречия современной ему культуры. Но когда ему надо было найти альтернативу этому нравственному хаосу в лице христианских подвижников, его великий талант превращался из яркой звезды в ночник, меркнул и угасал. Кого Достоевский вывел на страницах своих книг? Монастырского послушника Алешу, которому безразличен монастырь. Он ходит по миру, сам не зная зачем. Он смотрит на людей с умилением, но в монастырь возвратиться не хочет. Там ему нечего делать. Другой персонаж — схимонах, пустынный-визионер, который произносит речи, похожие на беседы лютеранского пастора, и обращается к земле, как к живому существу, с каким-то языческим благоговением²³⁹.

Диккенс написал переложение Евангелия для детей²⁴⁰, но в то же время отзывался с сарказмом о своей Англиканской церкви сочинял рождественские рассказы и в то же время, выражал атеистические воззрения на религию, а в своей личной жизни проявлял склонность к полигамии. Впрочем, литературные противники Церкви (например, Франс) создали свой образ священника: это — человек гуманный, «ученый и добродетельный»²⁴¹, но порой не верующий ни во что. Он принимает сан священника для того, чтобы облегчать страдания людям, учит их тому, чему не верит сам, и постоянно лжет во имя добра.

Как мы уже отмечали, после русской революции от интеллигенции потребовали, уже в обязательном порядке, ритуальных плевков в сторону Церкви: так в средневековой Японии от поступающих на государственную службу требовалось ломать крест в доказательство того, что они не тайные христиане. У интеллигенции постепенно выработался устойчивый комплекс по отношению к Церкви, комплекс недоверия и

²³⁸ Диккенс Ч. (1812–1870) — английский писатель.

²³⁹ См.: Достоевский Ф. Собр. соч.: В 12 т. Т. 11. С. 379–380.

²⁴⁰ См., напр.: Диккенс Ч. Жизнь Господа нашего Иисуса Христа: Для детей. М., 1999.

²⁴¹ Франс А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1958. Т. 2. С. 37.

скрытой враждебности. Кроме того, интеллигент обычно подходит к священнику с чувством кастового превосходства.

Итак, интеллигенция, отступившая от Бога, но утаившая в глубинах сердца вечную ностальгию по идеалу, это — больной цветок, выросший на ядовитой почве нигилизма. Интеллигенция, растоптанная революциями и перестройками, но сохранившая, при всем внутреннем растлении, неисправимый романтизм, теперь начинает вырождаться и погибать. В экологических катастрофах первыми погибают наиболее развитые по своей организации существа, как наиболее хрупкие и уязвимые. Замечено, что после ядерных испытаний остаются в живых одни тараканы да клопы.

Кто же идет на смену этому хрупкому цветку, интеллигенции? Как известно, люди с совсем уже атрофированными сердцем и умом, похожие на электронную машину. Люди, для которых нет ни чувства долга, ни чувства чести. Люди, которым дано одно — хватать. Но самое страшное то, что именно интеллигенция была повивальной бабкой будущих железных рептилий. Интеллигенция в течение нескольких столетий боролась с Богом за свободу человечества, она планомерно вытравливала из души людей идею Бога, а центробежное движение невозможно остановить. Его инерция теперь как раз и уничтожает человечность в самом человеке.

О болезнях дискуссии, диспута и диалога

(небольшое, но крайне необходимое дополнение)

Уж с год таскается за мной

Повсюду марбургский философ.

Мой ум он топит в мгле ночной

Метафизических вопросов...

На робкий роковой вопрос

Отвечает философ этот,

Почесывая бледный нос,

Что истина, что правда... — метод²⁴².

Андрей Белый

Интеллигентным участникам любой дискуссии, любого диспута, любого диалога вначале надо четко определить тему и в дальнейшем не отклоняться от нее. Необходимо найти некую общую «платформу», то есть «то, с чем все согласны». Используемые источники доказательств должны быть авторитетны для обеих сторон. Затем надо построить аксиологическую (ценностную) шкалу этих источников. Высшей степенью достоверности обладает Библия, догматические и канонические определения Соборов, затем литургика и патристика. В самой патристике следует различать согласное учение всех или большинства отцов и частные мнения, имеющие условное значение, а затем выделить по теме определенный круг ошибок и неточных формулировок (которые идут вразрез с основами вероучения), для того чтобы не использовать их.

Частое непонимание друг друга происходит из-за того, что в один и тот же термин, имя или определение люди вкладывают различный смысл, поэтому узловые термины должны быть определены и приняты в одном значении всеми участниками диалога. Затем необходима строгая последовательность: забегание вперед недопустимо, то есть последующее должно вытекать из предыдущего. Только добившись взаимопонимания и согласия по одному конкретному пункту, можно переходить к другому. Разумеется, логический анализ не может быть применен к библейским цитатам, имеющим сверхлогический характер, он может быть применен к диалогу как определенной системе доказательств.

²⁴² Белый А. Стихотворения и поэмы. С. 304.

Христианский диалог в корне отличается от софистического. У софистов стремление — запутать в противоречиях противника и любым путем одержать победу, а у христиан должно быть искреннее желание помочь друг другу в поиске истины; без этого плодотворная дискуссия невозможна.

Дискуссия, как и, например, логика, имеет свои законы. Но чтобы лучше понять их, надо рассмотреть ошибки и злоупотребления, допускаемые в дискуссии, то есть «патологию» дискуссии. Вот мы и попытались выявить такие характерные ошибки-«синдромы».

«Синдром Остапа Бендера»

Великий махинатор уверенно вступает в диспут с ксендзами — как полномочный представитель «науки». Чтобы убедить слушателей в своей эрудиции, он начинает скороговоркой произносить латинские исключения, которые зубрил во время учебы в гимназии. Разумеется, эти исключения никому не были понятны и отношения к диспуту не имели, но произвели на присутствующих неотразимое впечатление. Они уверовали в правоту Остапа. Этим диспут был закончен, и друзья на радости отправились в пивнушку²⁴³. Последователи Бендера твердо усвоили его приемы. Они начинают диспут как-нибудь так: «Наука доказала», «Совершенно ясно», «Только глупые не понимают этого», «Все великие люди согласны с нами», «Это несомненный факт», — при этом цитируют латинские исключения, поздравляют себя с победой и сами себе пожимают руку.

«Синдром скунса»

Скунс — это небольшой зверек с красивой шерстью, который известен тем, что защищается от врагов путем выделения вонючей жидкости. Даже медведи опасаются скунса и позволяют ему съесть часть их добычи. Обычно скунс первым не нападает, но если его нечаянно задеть, то он быстро оборачивается задом к противнику и пускает струю чрезвычайно отвратительного запаха, который долго не выветривается. Наш совет — избегать диспутов с представителями племени скунсов, чтобы не быть обрызганным зловонной жидкостью, которая у скунсов всегда наготове.

«Синдром Иуды»

Некоторые называют его «синдромом Красницкого»²⁴⁴, известного обновленца-провокатора. В 20-е годы XX столетия, когда Православная Церковь подвергалась систематическому разгрому, а священники — репрессиям, этот «красный Иуда» обвинял в прессе своих противников и вообще неугодных ему лиц в том, что они враги народа, тайные контрреволюционеры, заговорщики против советской власти и так далее. Выступал Красницкий и в качестве свидетеля на судебных процессах, обычно заканчивавшихся расстрелом невиновных. «Синдром Иуды-Красницкого» — это доносительство на идейных противников, клевета через прессу, чтобы настроить против оппонентов общественное мнение. Надо сказать, что даже безбожная власть, пользовавшаяся услугами таких людей, относилась к ним с чувством величайшего презрения.

«Синдром Геббельса»

Йозеф Геббельс²⁴⁵ в откровенных разговорах с работниками своего идеологического аппарата говорил, что маленькая ложь может вызвать подозрение, а большая — воспринимается как правда. Кроме того, ложь следует муссировать и повторять. Человеку психологически трудно поверить, что все, что он услышал, — сплошная ложь. Чем больше

²⁴³ См.: Ильф И., Петров Е. Цит. соч. С. 197–201.

²⁴⁴ Красницкий В., свящ. (1880–1936) — лидер обновленческого движения.

²⁴⁵ Геббельс Й. (1897–1945) — немецкий политический деятель.

масштаб такой лжи, тем она выглядит более правдоподобной. Поэтому Геббельс и советовал: «Лгите, ничего не боясь и не стесняясь, лгите как можно больше и увереннее, и успех обеспечен».

«Синдром “ушиба демона”»

Средневековые схоласты в шутку говорили, что демон, будучи свержен с неба, упал на скалы вниз головой и сильно ушиб ее. В результате такого удара он потерял способность логически мыслить. Обычно демон в дискуссиях болтлив, но всегда путается в своих выводах и не может найти связи между причиной и следствием. Несмотря на то что демон обладает обширной информацией, он не способен построить ни одного правильного силлогизма. «Синдром ушиба» — это или действительная неспособность последовательно и четко мыслить, или сознательный прием — ввести в заблуждение оппонента, то есть простое словесное шулерство, в расчете не на ловкость рук, а на ловкость языка.

«Синдром Хрущева²⁴⁶»

Этот политический деятель XX столетия, когда не хотел отвечать на заданный вопрос, то начинал говорить на другую тему. Так, что слушатели не понимали, что и к чему он говорит. При этом Хрущев говорил без остановки и перерыва, подавляя слушателей лавиной слов, изматывая их; затем он заявлял, что время встречи истекло, благодарил за внимание и тряс руки собеседникам. Этот прием — утопить вопрос в дымовой завесе слов и тем самым уйти от ответа.

«Синдром прокурора»

Участник диалога обращается со своим собеседником так, как прокурор — с преступником. Он предъявляет обвинение, он требует отчета, он выносит приговор. Такой человек постоянно теряет представление об отмеренных ему возможностях и правах. Мы уже не говорим об этике. «Прокурор» постоянно забывает, что говорит не с подсудимым, а со своим собратом, ему не сидится за общим столом, ему все время хочется облачиться в мундир прокурора, а то и в мантию судьи и вспрыгнуть на прокурорское или судейское место.

«Синдром скептика или зайца»

В критические минуты дискуссии оппонент вдруг заявляет, что человек по своей ограниченности ничего не может знать и надо дождаться Страшного суда, чтобы получить правильный ответ. Тогда непонятно, зачем начинали дискуссию.

«Синдром трагика»

Надо представить себя актером-любителем в провинциальном театре, который произносит монолог короля Лира или Ричарда III²⁴⁷, извергая проклятия и призывая в свидетели «небо и землю». При этом надо закатывать глаза и потрясать кулаками. Надо помнить, что лучший способ защиты — это нападение. Кричите, как на восточном базаре, где вы в одно время продаете и покупаете, заглушайте слова оппонента неразборчивым гоготом, как некогда коммунисты глушили своего врага в эфире, топите оппонента в потоке слов, повторяйте почаще: «Я пришел в ужас», «Земля и небо содрожаются от слов этого человека», «Караул, помогите», «Такой ереси еще не было от сотворения мира». Не бойтесь говорить бессмыслицу, ваших слов никто не запомнит, но останется впечатление, что ваш оппонент совершил что-то такое, от чего вы пришли в ужас! Поэтому гогочите, хлопайте руками, как гуси крыльями, и при этом кричите, что спасли Рим.

²⁴⁶ Хрущев Н. (1894–1971) — советский политический деятель.

²⁴⁷ Речь идет о пьесах У. Шекспира «Король Лир» (1605) и «Король Ричард III» (1593) (см.: Шекспир У. Комедии; Хроники; Трагедии: в 2 т. Т. 2. С. 411–544; Т. 1. С. 301–452).

«Синдром барона Мюнхгаузена²⁴⁸»

Это — неудержимая фантазия приписывать оппоненту то, чего он вовсе не говорил и даже не думал. Например, если ваш оппонент сказал: «Солнце встало», — кричите в ответ: «Значит, солнце может ложиться и садиться? Смотрите, он бесстыдно проповедует, что солнце — это живое существо, у которого есть ноги. Неужели он не читал деяний Пятого Вселенского Собора, который предал анафеме тех, кто считает, что небесные светила — это одухотворенные существа? Ясно, он проповедует язычество в форме сабеизма²⁴⁹». Затем сделайте экскурс в мифологию народов мира, блесните эрудицией, скажите, что у древних египтян божество солнца называлось — Ра, а в период Нового Царства — Амон; у греков — Гелиос; у персов — Митра и так далее; потом воскликните: «О ужас, это идолопоклонник, мы разоблачим его. Да не будет и да сгинет!». Затем расскажите ошеломленным слушателям о племенах, обитавших на Юкатане, которые приносили на площадках пирамид человеческие жертвы божеству солнца, иногда-де число таких несчастных исчислялось тысячами, и, указывая пальцем на оппонента, торжественно и скорбно скажите: «Вот, оказывается, чего хочет этот человек». И, снизив голос до шепота, добавьте, что жертвоприношения у солнцепоклонников совершались с особой жестокостью: жрец рассекал грудь жертвы, вырывал из груди еще бьющееся сердце и бросал его к подножию идола грозного божества. Тут вы должны просто-таки возопить: «О злодей, если ты задумал со своими сообщниками применить этот ритуал к моему народу, то вот моя грудь, первой режь ее!» (аплодисменты неминуемы). На другой день радиостанция «Свобода от стыда №4» передаст, что там-то и тем-то были разоблачены тайные солнцепоклонники, подозреваемые в каннибализме. «Подробности мы будем регулярно сообщать радиослушателям». Что произошло, никто не поймет, но впечатление останется. И можно будет услышать такой разговор: «Кажется, появились новые ассасины²⁵⁰, и убивают прямо на улицах. Дело темное, во всяком случае, нужно быть осторожным, — чего хорошего можно ждать от фанатиков?!».

«Синдром “золотого пера”»

После того как Ренан, известный ориенталист, специалист по древним и восточным языкам, написал клеветническую книгу «Жизнь Иисуса Христа»²⁵¹, одно из сатанинских обществ преподнесло ему в подарок ручку с золотым пером ювелирной работы, которую он с благодарностью принял и писал ею свои фальсификации по истории христианства и древней Церкви. Здесь наука была целенаправленно обращена на служение лжи и на разрушение религии, но при этом Ренан, с иезуитским лицемерием, выдавал себя за почитателя Христа. Постоянно восхищаясь Им, он старался внушить своим читателям, как мы уже отмечали, что Иисус из Назарета — мечтатель и романтик, Который-де сделался авантюристом от религии.

«Синдром Уленшпигеля»

Имя героя известного романа Шарля де Костера²⁵² «Тиль Уленшпигель»²⁵³ означает «Ваше зеркало». Герой романа, еще будучи мальчишкой, любил передразнивать людей, проходивших мимо его дома, тем, что мимически копировал их и строил им забавные рожи. Цель этого приема, называемого, кстати, на латыни «argu-mentum ad hominem», —

²⁴⁸ Барон Мюнхгаузен (Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен, барон) (1720–1797) — прототип героя немецкой литературы, хвастуна и враля (см., напр.: Бюргер Г.-А., Распе Р.-Э. Приключения барона Мюнхгаузена. М., 1985).

²⁴⁹ Сабеизм — собственно поклонение звездам.

²⁵⁰ Ассасины (XI–XIII) — члены исламской тайной тоталитарной секты, в переносном смысле: убийцы.

²⁵¹ См., напр.: Ренан Ж.-Э. Жизнь Иисуса. М., 1997.

²⁵² Костер Ш., де (1827–1879) — бельгийский писатель.

²⁵³ См., напр.: Костер Ш., де. Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке, об их доблестных, забавных и достопамятных деяниях во Фландрии и других краях. М., 1986.

вместо доводов употреблять по отношению к оппоненту язвительные насмешки, показать оппонента в смешном виде. По остроумию Тиль Уленшпигель явно уступает находчивым кинто²⁵⁴, которые даже устраивали соревнования в шутках друг над другом. Подобные традиционные встречи-праздники проводятся теперь в болгарском городе Габрово. Впрочем, современные шутники в дискуссиях, к сожалению, не подражают добродушным и беззлобным кинто, а стараются насмешкой вызвать презрение к своему оппоненту. Совет: когда видите, что дело плохо, отвечайте на аргументы оппонента юмором и насмешками, то есть карикатурой, написанной не карандашом, а словами и гримасами. Доводов против насмешек не существует.

«Синдром “ловца блох”»

Попробуйте найти у своего оппонента какую-нибудь ошибку, например не на месте поставленную запятую, а затем кричите, что если запятая стоит не на месте, то, значит — и весь текст сомнителен, так как обличает в вашем оппоненте человека невежественного в вопросах грамматики. Можете рассказать, что в древних академиях грамматика входила в комплекс гуманитарных наук («семь свободных искусств») наравне с риторикой и диалектикой. Поэтому лишняя запятая или отсутствие запятой являются потрясающей неграмотностью и неслыханным невежеством. Потом, на всякий случай, следует прибавить, что, может быть, никакой запятой там и не было, а была простая марашка (след от типографской краски), но эффект останется: слова *невежественный*, *варварский* будут еще долго звучать как эхо в ушах слушателей.

«Синдром следопыта»

Спросите оппонента, загадочно улыбаясь: «Кто была ваша прабабушка?». Если тот ответит: «Не знаю», — продолжайте: «Вы не знаете, а мы знаем, и скоро все узнают об этом». Такой аргумент является прекрасным отвлекающим методом и заставляет слушателей подозрительно относиться к правнуку бабушки-инкогнито.

«Синдром врага»

Он являлся одним из атрибутов внутренней политики большевиков. На плакатах, в газетах и журналах изображались злобные «враги народа». Чтобы отвлечь внимание людей, им внушалось, что они окружены «врагами», что «врагами» могут быть даже члены их собственных семейств, что «врагов» надо обнаруживать и разоблачать. В 20–30-е годы XX столетия в университетах студенты судили своих профессоров за недостаток «классового сознания». Несчастных выводили на сцену, и они у присутствующих просили прощения, «признаваясь» в своих «буржуазных пережитках» и обещая бороться с этими пережитками. Но разумеется, это являлось самым легким видом наказания; большая часть интеллигенции была репрессирована. Шалва Нуцубидзе²⁵⁵ впоследствии говорил своей супруге Кетеван: «Страшно было не то, что нас судили подонки и им поддакивали некоторые из наших запуганных коллег, а страшно то, что люди, которым мы отдали свои знания и труды всей своей жизни, так легко поверили в это». Выдающиеся грузинские поэты Валериан Гаприндашвили²⁵⁶ и Паоло Яшвили²⁵⁷ покончили жизнь самоубийством, чтобы только не участвовать в грязном поиске «врагов народа». Конечно, теперь времена не те, но по-прежнему легко возникает желание показать своего оппонента врагом человечества, народа, прогресса, культуры и так далее, врагом чего угодно, но именно врагом. Здесь включаются эмоции, которые действуют на сознание как опьяняющий

²⁵⁴ *Кинто* — в дореволюционной Грузии торговец вразнос, синоним беззаботного весельчака и говоруна.

²⁵⁵ *Нуцубидзе Ш.* (1888–1969) — грузинский философ и литературовед.

²⁵⁶ *Гаприндашвили В.* (1888–1941) — грузинский поэт.

²⁵⁷ *Яшвили П.* (1885–1937) — грузинский поэт.

напиток. Это — старое оружие, порядком поржавевшее, но еще вполне годное к употреблению. Сей «синдром» уже оброс бородой, но не хочет уходить в отставку.

«Синдром сплетника»

Чтобы избежать обвинений в клевете, выпады против оппонента производятся так: «Я слышал это от соседа по купе; мне сообщил об этом надежный человек; мне передали это по телефону, не назвавшись; разве вы не знаете, что об этом все говорят» — и так далее. Эти слухи и сплетни могут носить самый фантастический характер. Ведь аноним по телефону может сказать, что оппонент ел человеческое мясо. Если такой клеветник будет пойман на лжи с поличным, то он может сказать: «Ведь я же этого не утверждаю, я говорил то, что слышал, а за достоверность не ручался». Обычно такой метод производит эффект, только надо обвинения произнести громко и торжественно, а фразу: «Слышал от того-то» — таинственным шепотом, который также интригует слушателей: может быть, этот «тот-то» — особо важное лицо, пожелавшее остаться неизвестным. Но так как клевета мало кого возмущает и редко когда наказывается, то, если все же клеветника уличат во лжи на месте и поймут как вора за шиворот, он может особенно не беспокоиться, а даже принять оскорбленный вид и ответить бранью.

«Синдром либерала»

Либерала характеризует необычайная широта взглядов, которую он постоянно афиширует. Он одновременно демократ и монархист, православный и католик, теософ и антропософ — и все в одном лице. Какой цвет примет в данный момент этот хамелеон, — трудно представить. Либерал говорит с позиции широкой свободы, свободы для сектантов, свободы для гомосексуалистов, свободы для детоубийц, свободы для нудистов и так далее. Он требует снятия всех ограничений нравственного характера; демонстрацию в массмедиа гнусностей и разврата он оправдывает свободой совести и слова... И только одних либерал лишает права на свободу — православных, которые хотят сохранить свою веру и свои традиции. Он готов защищать пером, как мечом, католиков, иеговистов, кришнаитов, поклонников Раджниша²⁵⁸ и так далее. Но когда речь заходит о Православии, то у либерала начинается припадок ярости, и, забыв о призывах к терпимости и сбросив прежнее благодушие, как маску, он начинает наклеивать православным оппонентам ярлыки: «Обскурант», «Фанатик», «Невежда».

«Синдром рыбы-ежа»

Эта небольшая рыбешка имеет одну особенность: при опасности она раздувается до размеров футбольного мяча, и крупные рыбы, не понимая, что перед ними — пузырь с воздухом, в испуге отступают от него, как от грозного противника. Такой «еж» начинает дискуссию со своей биографии в стиле апокрифа, перечисляет свои звания и заслуги перед наукой и обществом и, широко расхвалив самого себя, не забывает как бы вскользь заметить, что его дядя — генерал, а тетушка — профессор, доктор наук и всяческий лауреат. Затем «еж» издает показывающие какие-то документы, как некогда Остап Бендер показывал квитанции²⁵⁹, и сообщает, что несколько лет назад один архиерей ответил на поздравление с днем Ангела, посланное «ежом», любезной телеграммой, и все из-за его личных достоинств. В конце речи он заявляет, что лучше всех знает, что и кому надо делать, и предлагает проект радикального переустройства общества.

«Синдром экзаменатора»

Такой участник дискуссии, когда ему нечего сказать по существу, вдруг начинает задавать своим оппонентам самые неожиданные вопросы: в каком-де году и за что был

²⁵⁸ *Раджниш (Ошо) (1931–1990)* — основатель псевдоиндуистской тоталитарной секты.

²⁵⁹ См.: *Ильф И., Петров Е.* Цит. соч. С. 18.

убит последний из братьев Гракхов²⁶⁰; какая, мол, разница между учениями Севера²⁶¹, Юлиана Галикарнасского²⁶² и абуны Теофилоса²⁶³ и какое из них наиболее близко к учению Аполлинария Лаодикийского²⁶⁴; в каком роде «Дух Святой» стоит в арамейском и сирийском языках и тому подобное. Обычно оппоненты не могут ответить на эти вопросы, да и сам «экзаменатор» не особенно разбирается в исторических датах и еретических хитростях, но эффект произведен: «экзаменатор» смотрит на оппонентов торжествующе, как на провалившихся на экзамене студентов. Он как бы говорит: «Вы, мелкота, не знаете таких простых вещей, а еще хотите спорить со мной». Если «экзаменатора» спросить, какое, собственно, отношение имеют его неожиданные вопросы к теме дискуссии, то он ответит: «Самое непосредственное; но из-за вашего незнания и неподготовленности вы не сможете понять моих доводов, поэтому примите мои слова на веру». Если участники дискуссии настолько наивны, что позволят экзаменовать себя как школьников, то «синдром экзаменатора» может перейти в «синдром Ассаргадона²⁶⁵»:

Я — вождь земных царей и царь,

Ассаргадон...

Кто превзойдет меня? Кто будет

равен мне?..

И вот стою один, величьем упоен²⁶⁶.

Но это уже, пожалуй, «синдром самопревозношения».

Итак, разумная, корректная и целенаправленная беседа приводит если не к согласию, то к взаимопониманию; а неразумная — к еще большему разделению и отчуждению. Поэтому все мы должны учиться культуре дискуссии, диспута и диалога, не исключая, разумеется, и самого автора.

²⁶⁰ Гракхи, Тиберий (162–133 до Р.Х.) и Гай (153–121 до Р.Х.), братья — римские политические деятели.

²⁶¹ Север (Севир) Антиохийский (465?–538) — ересиарх-монофизит.

²⁶² Юлиан Галикарнасский (? — после 518) — ересиарх-монофизит.

²⁶³ Теофинос, абуна (1909–1977) — патриарх Эфиопской Церкви.

²⁶⁴ Аполлинарий Лаодикийский (ок. 315 — до 392) — ересиарх.

²⁶⁵ Ассаргадон (Асархаддон) (680–669 до Р.Х.) — ассирийский царь.

²⁶⁶ Брюсов В. Стихотворения и поэмы. С. 119–120.